

Тун Хуа

18+

Поразительное
на каждом
шагу

Алые сердца. По тонкому льду

步步惊心

Лучшие дорамы

Тун Хуа

**Поразительное на каждом шагу.
Алые сердца. По тонкому льду**

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кит)-44

Хуа Т.

Поразительное на каждом шагу. Алые сердца. По тонкому льду /
Т. Хуа — «Издательство АСТ», 2015 — (Лучшие дорамы)

ISBN 978-5-17-147099-9

Полная интриг и опасностей жизнь Малтай Жоси при императорском дворе продолжается. Поглощенная участием в борьбе принцев за престол, девушка, кажется, давно позабыла о том, что родилась в XXI веке под совсем другим именем. Запретный город стал для нее родным домом, а император Канси и его сыновья – семьей, в которой она познала сладость любви. Однако сердце сына Поднебесной переменчиво, и сегодня он обрушит свой гнев на головы тех, к кому был благосклонен еще вчера... Привыкшая к жизни во дворце Жоси знает, что на ее долю выпадет немало испытаний. Ей известна судьба каждого из принцев, чьи лица она видит каждый день, и страшный финал, о котором она узнала еще из учебников по истории, все ближе. Сможет ли Жоси изменить ход истории и уберечь тех, кого любит?

УДК 821.531-31

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-147099-9

© Хуа Т., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	55
Глава 5	71
Глава 6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

步步惊心

Тун Хуа

**Поразительное на каждом шагу.
Алые сердца. По тонкому льду**

#

STARTLING BY EACH STEP. VOLUME 2

TONG HUA

Russian translation Copyright is arranged with China South Booky Culture Media Co., LTD

Copyright © 2015, Tong Hua

All rights reserved.

© Каретникова Ю.С., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Один древнекитайский час равен двум современным часам. Сутки делились на 12 часов-«стражей», каждый из которых назывался в честь животного восточного гороскопа.

- 1-я стража: Час Собаки – между 19:00 и 21:00
- 2-я стража: Час Свиньи – между 21:00 и 23:00
- 3-я стража: Час Крысы – между 23:00 и 01:00
- 4-я стража: Час Быка – между 01:00 и 03:00
- 5-я стража: Час Тигра – между 03:00 и 05:00
- 6-я стража: Час Кролика – между 05:00 и 07:00
- 7-я стража: Час Дракона – между 07:00 и 09:00
- 8-я стража: Час Змеи – между 09:00 и 11:00
- 9-я стража: Час Лошади – между 11:00 и 13:00
- 10-я стража: Час Козы – между 13:00 и 15:00
- 11-я стража: Час Обезьяны – между 15:00 и 17:00
- 12-я стража: Час Петуха – между 17:00 и 19:00

ТИТУЛЫ

Акина – титул, который прибавили к настоящему имени восьмого принца Иньсы после ряда несправедливых обвинений. Его признали виновным по 40 пунктам и объявили, что он подверг опасности династию Цин. Получив к имени прибавку «Акина», он был исключен из императорской семьи и отправлен в тюрьму, где умер от болезни. Был посмертно реабилитирован в правление императора Цяньлуна в 1778 г.

Анда – титул воспитателя императорских детей, рангом ниже наставника.

Бэйсэ – титул принца 4-го ранга.

Ван – титул правителя в странах «ханьского (китайского) культурного влияния». Позднее использовался в значении «местный правитель».

Гусай-бэйсэ – титул князя, принадлежащего к одному из Восьмизнаменных войск.

Гэгэ – почетное родовое звание девушек из аристократических семей маньчжуров.

Гелонг – высшая из трех ступеней монашеского посвящения у ламаистов, «полные» ламы, соблюдающие больше 220 обетов.

Дорой-бэйлэ – маньчжурский титул, приравненный к «принцу 3-го ранга». Титул «бэйлэ», «принц», служил универсальным обращением ко всем особам императорской крови.

Дутун – военный губернатор.

Каган (хаган) – высший титул в средневековой кочевой иерархии, хан ханов, в монгольское время слился с родственной формой «каан» («великий хан»).

Нюрочжаньгинь – придворный младший офицер знаменных войск.

Сэцэн-хан – титул младшей ветви потомков чингизида Гэрэсэндзэ.

Тушэту-хан – титул средней ветви потомков чингизида Гэрэсэндзэ. Вместе с другими потомками Чингисхана, носившими титулы Дзасагту-хан и Сэцэн-хан, с середины XVI века по 20-е годы XX века правили в Халха-Монголии.

Циньван – один из высших официальных титулов при династии Цин, приравненный к «великому князю» или «принцу крови 1-го ранга». Присуждался только членам императорской семьи.

Шилан – чин 4-го высшего ранга, примерно равный заместителю министра.

Шаншу – министр.

*Из приятного рождается печаль,
из приятного рождается страх;
У того, кто освободится от приятного,
нет печали, откуда страх?
Из склонности рождается печаль,
из склонности рождается страх;
У того, кто освободился от склонности,
нет печали, откуда страх?
Поэтому не делайте приятного, ибо расставание
с приятным – болезненно.
Нет уз для тех, у которых нет приятного
или неприятного.*

Глава 1

Во мне горит любовь. Ее так много, что кажется – и нет вовсе

Пребывая в тоске, я целыми днями была погружена в раздумья. Болезнь проходила медленно, то и дело возвращаясь, поэтому окончательно я выздоровела только к концу десятого месяца.

Сегодня я впервые вышла на службу с тех пор, как заболела больше месяца назад, и внутренне дрожала от страха. Когда раздался голос Ван Си, объявившего, что «аудиенция у Его Величества завершена!», несколько раз порывалась отправить Цючэнь подать чай, чтобы избежать необходимости выходить самой. Но в конце концов здравый смысл возобладал и я, справившись с собой, взяла поднос из рук Цючэнь и направилась в зал.

Увидев меня, стоявшие у дверей евнухи торопливо откинули занавеси. Я обвела зал взглядом и увидела среди присутствующих третьего, четвертого, восьмого, девятого, десятого, тринадцатого и четырнадцатого принцев. Сделав глубокий вдох, я заставила себя успокоиться и неслышно вошла.

В зале стояла тишина. Император Канси сидел склонив голову, погруженный в раздумья. Я поставила чашку на стол и сделала поклон, но он даже не взглянул на меня. Мысленно вздохнув с облегчением, направилась к столу третьего принца, чтобы подать ему чай. Так обошла весь зал. Принцы сидели с прямыми спинами, не глядя по сторонам. Я тоже все это время не поднимала головы и старалась глядеть только перед собой.

Покинув зал, быстро вернулась в боковую комнату, поставила поднос и лишь после этого выдохнула. Когда волнение улеглось, я не удержалась и стала думать: о чем они там совещаются? Почему у всех настолько серьезные лица?

Лишь через два дня, после оглашения императорского указа, я поняла, почему в тот день все пребывали в таком настроении. «Назначить Иньтэбу дутуном ханьских войск, Лонкодо – командиром пехоты знаменных войск, Чжан Гучжэня – командующим войсками провинции Юньнань». Теперь все эти люди занимали положение, позволяющее им удерживать в своих

руках значительную военную власть. Восьмой принц сделал ход первым, однако именно человек четвертого принца, Лонкодо, занял высокий пост, на котором он станет отвечать за безопасность столицы. Никто ничего не заподозрил, а между тем одна из важнейших пешек четвертого принца уже заняла свое место на доске.

Размышляя об этом, я внезапно вспомнила, что предупреждала восьмого принца держать с Лонкодо ухо остро. Если он запомнил мои слова, то сейчас должен уже знать о том, какие отношения связывают четвертого принца и Лонкодо, несмотря на то, что на данный момент они совсем не производят впечатления близких друзей, а даже намеренно избегают друг друга, чтобы не вызывать подозрений. Лишила ли я четвертого принца важного козыря, рассказав о нем восьмому принцу?

В голове все перепуталось. Нечеткие в памяти исторические события наложились на действительность, и теперь мне было еще сложнее разобраться в том, что я и раньше понимала весьма смутно. Придется оставить эти размышления и серьезно задуматься, что же мне самой делать дальше.

Теперь я была вынуждена поверить, что мне не удастся избежать замужества по указанию императора. Сумалагу¹, отказавшись подчиниться указу и выходить замуж, преспокойно осталась жить во дворце, но лишь потому, что отношение императора Канси к ней было особым и он проявил к ней снисхождение. Однако нарушь его указ я – боюсь, император Канси не дал бы мне и дальше вести беззаботную жизнь. Возможно, действительно дошло бы и до «трех чи белого шелка»².

Но за кого же Его Величество меня отдаст? У наследного принца теперь много проблем, которые будут сыпаться на него вплоть до того момента, когда он будет снова лишен титула, так что его кандидатуру можно исключить.

При нынешних обстоятельствах возможны лишь два варианта. Император Канси выдаст меня либо за кого-то, кто придерживается нейтралитета, чтобы последствия лишения наследного принца титула никак меня не затронули, либо за того, кого он ценит: другими словами, человека, которого Его Величество уже внутренне считает будущим императором, или же его последователя.

Крепко задумавшись, я стала одного за другим исключать людей из мысленного списка, но возможных кандидатов все равно было слишком много, к тому же оставались еще и неизвестные мне сановники. В конце концов я осознала, что методом исключения найти ответ мне не удастся. Никому не был известен ход мыслей императора Канси, и я, хоть и находилась при нем много лет, не могла обнаружить ни единой зацепки.

На самом деле четвертый, восьмой и четырнадцатый принцы давным-давно указали мне путь, которым следует идти. Единственный выход – не ждать, пока Его Величество выдаст меня замуж неизвестно за кого, а выбрать самой. Ведь так можно будет, по крайней мере, гарантированно избежать наихудшего варианта.

Стоило подумать о наследном принце, как меня тут же пробил озноб, и я, не сдержавшись, с тяжелым вздохом схватила за голову. Знала бы заранее – разве поступила бы так, как поступила тогда? В древности женились в шестнадцать-семнадцать лет. Сейчас у любого мужчины одного со мной возраста уже есть и жены, и наложницы. Мне остается лишь роль наложницы самого низкого ранга.

Чьей же?

---

¹ Сумалагу (кит. #####) – приближенная императрицы Сяочжуан (1613–1688), супруги императора династии Цин Хунтайцзи, или Абахай (1626–1643). Учила маленького императора Канси маньчжурскому языку (1615–1705).

² В Древнем Китае провинившимся сановникам император даровал отрез белого шелка. Получив белый шелк, чиновник был обязан повеситься. Отрез необязательно был длиной в три чи – длина должна была быть достаточной для того, чтобы его можно было захлестнуть вокруг шеи и перекинуть через потолочную балку.

Конечно, не восьмого принца! Раньше еще это было бы возможно, но нефритовая подвеска, подаренная мне господином Суван Гувалгия, отцом Миньминь, сделала мое положение достаточно неудобным. После того как император Канси лишит наследника титула, он вновь станет опасаться восьмого принца. Теперь он ни за что не выдаст меня за него, чтобы его влияние не увеличилось еще больше.

И разумеется, не тринадцатый принц! Хотя Миньминь и должна была стать женой другого, если бы она узнала о том, что я выхожу замуж за тринадцатого, то все, что я сказала ей тогда, приобрело бы скрытый смысл, а мне не хотелось бы терять такую подругу. Кроме того, тринадцатый принц и сам бы не согласился. С тех самых пор, как мы с ним ходили на лотосовый пруд искать четвертого, он считает меня его приближенной. Не будь это так, он бы не пытался прощупать меня с помощью девятого принца.

Четырнадцатый принц также не подходит. Он поддерживает восьмого, и, во-первых, император Канси не согласится выдать меня за него, а во-вторых, четырнадцатый принц сам ни за что не станет просить моей руки из уважения к восьмому брату.

Я продолжала обдумывать возможные намерения всех, кого знала, намерения Его Величества, размышляла о конфликтах их интересов, и чем дольше думала, тем больше запутывалась, все слабее осознавая, как же следует поступить. Ну почему все так сложно? Раз уж я хочу найти укрытие, не лучше ли будет просто выбрать самое большое, крепкое дерево и прильнуть к нему? Так или иначе, он тоже согласен на брак. А там поживем – увидим.

Взяв в руки шпильку, я долго разглядывала ее. Четвертый принц так любит магнолии – интересно, почему? «Магнолию срывал я на рассвете, сбирал у вод по вечерам суман»³. «Я пью росу из чашечек магнолий, я лепестки съедаю хризантем»⁴. Он, как Цюй Юань, считает, что внутренне благоухает? Или же чувствует, что ему не удастся в полной мере реализовать свои таланты и амбиции? Я аккуратно воткнула шпильку в волосы и, оглядев себя, не удержалась от презрительного смеха. Думала, что никогда не надену ее, – и вот, быстренько украсила ею свою прическу.

Дождавшись, пока четвертый и тринадцатый принцы выйдут, я, грациозно ступая, подошла и поприветствовала их. Тринадцатый принц с улыбкой позволил мне выпрямиться, а четвертый, едва заметно приподняв уголок губ, бросил пристальный взгляд на шпильку в моей прическе, после чего посмотрел мне в лицо. Я молча стояла рядом и слегка улыбалась, позволяя ему смотреть. Тринадцатый принц, видя, что мы оба ведем себя странно, тоже молчал и стоял рядом как ни в чем не бывало.

Закончив разглядывать меня, четвертый принц двинулся вперед, и мы с тринадцатым принцем последовали за ним. Дойдя до тихого закутка, он остановился и обернулся ко мне. Тринадцатый принц отступил на несколько шагов и встал подальше от нас, глядя по сторонам.

Я довольно долго стояла опустив голову, но четвертый принц так и не раскрыл рта. Мне пришлось с деланным смехом произнести:

– Четвертый господин, должно быть, уже понял, что недостойная имеет в виду.

– Ты искала встречи со мной, чтобы заставить отгадывать загадки? – отозвался он.

Сделав глубокий вдох, я собрала с силами и сказала с улыбкой:

– И то верно. Тогда ваша покорная служанка скажет прямо: она просит четвертого господина взять ее в жены.

– Причина? – поинтересовался принц.

– Разве господин сам не давал мне совета? – вздохнув, ответила я со смешком. – Чем предаваться несбыточным мечтаниям, лучше устроить для себя замужество, которое вполне

---

³ Строка из поэмы Цюй Юаня (340–278 до н. э.) «Лисао» в пер. А. А. Ахматовой.

⁴ Строка оттуда же в пер. А. И. Гитовича.

сможет меня удовлетворить. После происшествия с наследным принцем недостойная поняла, что господин был прав, и решила прислушаться к его совету.

– Почему я? – спросил четвертый принц.

– Господин хочет услышать правду или ложь?

Он дернул уголком рта:

– И то и другое.

– Ложь состоит в том, – отвечала я, – что после проявленной к вашей служанке благо-склонности она, хоть и пребывала в смятении, но была весьма тронута этим и стремится слу-жить господину, чтобы хоть немного отплатить ему.

Договорив, я сама засмеялась над собственными словами, но на лице четвертого принца по-прежнему не было и тени улыбки, а взгляд – холоден и суров. Посерьезнев, я продолжила:

– Правда же в том, что, хоть на этот раз мне посчастливилось выйти сухой из воды, в следующий мне вряд ли удастся. Действительно, уж лучше умереть, чем стать женой кого-то наподобие наследного принца. Я, однако, люблю жизнь и не хочу расставаться с ней так скоро. Поэтому мне оставалось лишь поскорее забраться на ветви повыше, чтобы укрыться от грядущей бури.

Он весело смотрел на меня. От его взгляда волосы у меня встали дыбом, и я поспешно отвела глаза.

– Почему ты так уверена в том, что я позволю тебе забраться на эту высокую ветвь? – сказал принц.

Я поражено уставилась на него, но на его лице, в глубине глаз и уголках губ увидела лишь насмешку. Некоторое время я просто стояла оцепенев, а затем бессильно спросила:

– Господин не желает брать меня в жены?

– Верно, – со смешком ответил четвертый принц. – Я не желаю брать тебя в жены.

Видя, что он откровенно потешается надо мной, не удержалась и, прикрыв рукой рот, горько засмеялась. Похоже, я была слишком высокого мнения о себе! Думала, раз подарил мне ожерелье и шпильку, то обязательно хочет жениться. Отсмеявшись, я смутилась. После чего, замаскировав смущение раздражением, развернулась и пошла прочь.

– К кому ты намереваешься идти теперь? – раздался сзади его голос. – К четырнадцатому брату? Скажу тебе правду: сейчас не найдется никого, кто осмелился бы взять тебя в жены.

Я остановилась и ненадолго задумалась, после чего, обернувшись, спросила:

– Как это понимать?

Четвертый принц перестал улыбаться и пояснил:

– Почему господин наследный принц внезапно пожелал сделать тебя своей супругой? Во-первых, из-за нефритовой подвески господина Суван Гувалгия. Наследный принц не мог жениться на Миньминь, но если бы его женой стала ты, то это по меньшей мере улучшило бы его отношения с монгольским народом. Помимо этого, на восьмой месяц прошлого года молодой господин Цзоин отправился вдогонку за Миньминь и день за днем проводил с ней рядом, даже не собираясь возвращаться к своему народу. Он пробыл у них целый год. Как насмешливо выразился старший сын господина Иргэн Гьоро, «тому, кто теряет рассудок при виде женской красоты, не стать великим человеком». Однако молодой господин Цзоин застал его врасплох. Он отвлек его внимание, а сам собрал доказательства того, что старший сын при-бирал к рукам большие средства, подделывал записи в учетных книгах и подкупал приближен-ных господина Иргэн Гьоро, чтобы те следили за ним. Этим молодой господин Цзоин подорвал доверие господина Иргэн Гьоро к старшему сыну. Хитрый план молодого господина Цзоина нашел поддержку у господина Суван Гувалгия, и теперь само собой разумеется, кто станет будущим главой рода Иргэн Гьоро. А ваша тесная дружба с Миньминь, конечно, наследному принцу на руку.

Я оторопело слушала его. Думала, что Цзоин ринулся следом за Миньминь, не в силах сдерживать обуревающие его чувства. Оказывается, вот как все было... И это я принимала за искренность? Ну почему за солнцем всегда следуют тени? Осталась ли хоть где-то искренность на этом поле битвы за власть?

– Искренни ли чувства молодого господина Цзоина к Миньминь? – не сдержавшись, горько спросила я.

– Разве это важно? – ответил он. – Так или иначе, он всегда будет баловать ее и прислушиваться к ней. К чему докапываться до истины? Если ложь на всю жизнь, то чем она отличается от правды?

– Отличается, и еще как! – пробормотала я. – Я бы тоже предпочла пусть горькую, но правду, а не сладкую иллюзию счастливой семейной жизни.

Четвертый принц со вздохом покачал головой:

– И почему ты смешиваешь все в одну кучу? Разве мы говорим о Цзоине и Миньминь? У тебя еще хватает сил беспокоиться о других?

Немного помолчав, я глухо произнесла:

– Недостойная не думает, что отношение к ней господина Суван Гувалгия может объяснить одна лишь нефритовая подвеска. Господин, вероятно, принимает желаемое за действительное.

– Господин Суван Гувалгия намеренно произнес те слова перед лицом царственного отца и приближенными из числа маньчжуров и монголов, – проговорил четвертый принц. – Это был лишь жест, который не обязательно отразился бы на твоей судьбе, но это значило, что теперь каждый должен будет учитывать его отношение к тебе. Если бы ты стала женой наследного принца, другие монгольские роды страшились бы господина Суван Гувалгия, а также молодого господина Цзоина, будущего главы рода Иргэн Гьоро.

Немного помолчав, он продолжил:

– Когда наследный принц попросил разрешения взять тебя в жены, царственный отец сказал ему, что «желает оставить тебя во дворце еще на какое-то время». Он решил потянуть время, но при этом не давал наследному принцу решительного отказа. Подумай сама: если сейчас кто-нибудь попросит у Его Величества твоей руки, разве это не будет выглядеть так, будто он собирается украсть тебя у наследного принца? А если подумать еще и вспомнить, чего Его Величество так старается избежать? Подобный шаг только возбудит подозрения царственного отца.

Вздохнув, он добавил:

– И кто сейчас осмелится брать тебя в жены?

Я долго стояла, остолбенев, а затем, не сдержавшись, рассмеялась:

– Я словно горячая картофелина, которую никто не осмеливается взять в руки.

– Если бы ты захотела выйти замуж до того, как наследный принц посватался к тебе, то, хоть это и было бы непросто, но все же и не так сложно, как сейчас, – отозвался принц. – Сейчас же ты можешь только ждать.

– Ждать? – повторила я. – Ждать, пока наследный принц женится на мне?

Четвертый принц взглянул на меня с едва заметной улыбкой и пояснил:

– Ты носишь мою шпильку, и ты сказала, что хочешь стать моей женой. Тебе больше не следует думать о других.

– Господин не желает сделать меня супругой, неужели еще и не позволит недостойной выйти замуж за кого-то другого? – поинтересовалась я.

– Я лишь хочу выбрать счастливый день для церемонии, – проговорил он, пристально глядя на меня. – Нынешние же все несчастливые. Разве ты не можешь немного подождать? Так торопишься стать моей? Не боишься войти в новую клетку?

– Как могла недостойная думать, будто господин Суван Гувалгия может иметь намерение навредить ей? – горько усмехнулась я.

– Его намерения не обязательно были добрыми или злыми, – со вздохом ответил четвертый принц. – Это палка о двух концах. Если правильно использовать ее, можно выиграть что-нибудь для себя.

Несколько мгновений я стояла, застыв на месте, а затем склонилась в поклоне и произнесла:

– Покорная служанка нижайше благодарит господина за то, что помог ей уцелеть.

– Я ничего не делал, – равнодушно отозвался принц. – Ты просто очень кстати заболела. Не успела я и рта открыть, как он добавил:

– Возвращайся к себе! Ты только-только оправилась от затяжной болезни и должна хорошо питаться. Пока что ты выглядишь ужасно, а я не хочу брать в жены уродину.

Бросив на него гневный взгляд, я развернулась и пошла вперед. Когда проходила мимо тринадцатого принца, он приподнял брови и улыбнулся, но я лишь тяжело вздохнула в ответ и, ленись исполнять ритуал вежливости, быстро зашагала прочь.

Считается ли, что мы с четвертым принцем заключили своего рода соглашение? Неужели отныне он действительно станет моим укрытием от всевозможных бурь, будет оберегать меня и вытаскивать из передраг? Неторопливо я добрела до дома. Едва толкнув ворота, заметила стоящего под деревом османтуса восьмого принца, который медленно обернулся на звук распахнувшихся створок. Сердце пустилось вскачь. Я торопливо захлопнула ворота и прислонилась к ним спиной, тяжело дыша. У меня было чувство, схожее с тем, что бывает у вора, на котором шапка горит. Простояв так в оцепенении достаточно долго, наконец смогла подойти и поприветствовать его.

– Нижайше благодарю господина бэйлэ, – произнесла я, опустив голову.

Он едва заметно улыбнулся:

– Все знают, как падок на женщин наследный принц. Ты ни в коем случае не должна достаться такому, как он. Даже если ты не желаешь быть со мной, я все равно не хочу, чтобы моя возлюбленная страдала, вынужденная быть с ним.

Я вскинула на него глаза. Восьмой принц спокойно смотрел на меня в ответ. Легкий ветерок с тихим шорохом приподнял полы его халата, растрепал мои волосы, скрыв от меня лицо принца. Слезы заволокли взор, и его силуэт становился все более и более размытым. Резко согнувшись и опустив голову, я церемонно произнесла:

– Господину бэйлэ пора возвращаться. Не следует задерживаться в доме служанки.

– Ты жалеешь? – спросил он.

Закусив губу, я подняла голову и посмотрела на него:

– Жалею, и что с того? Сейчас ты хочешь жениться на мне?

Он отвел взгляд.

– В ближайшее время царственный отец не велит тебе выйти замуж, – сказал принц после короткого молчания. – А там... а там посмотрим.

Я вновь опустила голову и, не сдержавшись, засмеялась над собой. Вот каким... был его ответ.

Мы оба долго молчали, прежде чем восьмой принц произнес:

– Я хочу спросить тебя кое о чем.

Его тон был очень серьезен.

– О чем же? – отозвалась я, вскинув на него глаза.

– Ты столько лет провела рядом с царственным отцом, – начал он. – Как думаешь, на этот раз он примет окончательное решение?

Я вспомнила, как сказала ему, что Его Величество очень любит наследного принца. Моей целью было сдержать его, но он продолжал искать возможности нанести удар наследному

принцу. Если сейчас я открою ему правду, приведет ли это к каким-либо непредсказуемым последствиям?

– Не все, что я говорю, верно, – ответила я.

– По крайней мере, тогда ты оказалась права, он действительно «очень любит его», – смеясь, отозвался восьмой принц.

– В прежние времена, как только случалось что-либо, в чем был замешан наследный принц, Его Величество или старался все замять и не допустить расследования, или наказывал других причастных, – немного поразмыслив, произнесла я. – Теперь же император с большой шумихой велел провести тщательное расследование. Кроме того, последние три или четыре года его отношение к наследному принцу ухудшается с каждым днем, а страх и недоверие растут. Боюсь, в душе Его Величество уже готов разорвать отношения с сыном.

Восьмой принц улыбнулся уголком рта, опустил глаза и надолго задумался. Затем он резко взглянул на меня и мягко спросил:

– А что насчет твоей жизни? Какие у тебя планы?

Мои планы?

Я горько засмеялась:

– Человеческая жизнь – это постоянный выбор. Вначале сделал выбор ты, отказавшись от меня, а все, что будет дальше, будет уже моим выбором.

– Ты полюбила другого? – спросил он, неотрывно глядя на меня.

– И почему господин бэйлэ постоянно задает недостойной этот вопрос? Кого она полюбила – не его ума дело! – торопливо брякнула я.

Мне тут же захотелось ударить себя по губам. И почему с тех пор, как наследный принц захотел взять меня в жены, у меня такая нестабильная психика?

– И на ком ты остановишь свой выбор? – лукаво улыбнулся принц. – Только не на старине четвертом! Тебя ждут одни страдания, и это станет бесполезной тратой всех моих нынешних усилий.

Хотя в душе я была потрясена, выражение моего лица почти не изменилось.

– На нем или не на нем – не имеет к тебе никакого отношения, – ответила я с деланным смехом. – Кроме того, мы оба прекрасно знаем, что решающее слово остается за Его Величеством, а вовсе не за мной.

Он оправил одежду и с улыбкой кивнул мне:

– Если ты действительно согласна просто подчиниться указу отца, то сделаем вид, что я ничего не говорил.

С этим он развернулся и неспешно удалился. Я поторопилась опереться на ствол османтуса: только так я могла твердо стоять на ногах. Что значили его слова? Затем я снова напонила себе о том, что знаю историю и мой выбор не может быть ошибочным.

На двадцатый день одиннадцатого месяца скончалась супруга Лян. Когда до меня дошло печальное известие, я как раз сидела и рисовала. Моя рука дрогнула. Огромная капля туши, упав на сюаньчэнскую бумагу, мгновенно расплылась кляксой по листу, и очарование почти законченного цветка лотоса в один миг оказалось разрушено.

Семь-восемь дней назад я слышала, ей нездоровилось и она пригласила придворного лекаря. Тогда никто не придавал этому большого значения. Как же она могла почить в одночасье?

Услышавший печальные вести восьмой принц, несомненно, был убит горем. Ситуация при дворе развивалась именно так, как он предполагал, и притом складывалась весьма удачно –

и тут его мать внезапно оставляет этот мир. Воистину радости и горести в человеческой жизни всегда случаются неожиданно.

Некоторое время я сидела не двигаясь. Затем достала бумагу для писем и взяла кисть, намереваясь начать писать. Кончик кисти едва коснулся бумажного листа, я не дописала даже одной черты иероглифа «восьмой», когда моя кисть замерла и я забылась, продолжая держать ее пальцами. Сидела так и думала, думала, думала, пока в комнате, залитой солнечным светом, не стало совсем темно. Тяжело вздохнула и, отложив кисть, смяла лист в ком, после чего не глядя бросила его на пол.

Лишь спустя месяц все при дворе перестали обсуждать кончину супруги Лян и забыли о ней. Тогда я впервые осмелилась прийти ко дворцу, где она жила.

Бездумно стоя перед дворцом супруги Лян, я разглядывала запертые ворота, и все это казалось мне фальшью. Человека нет – и дом пуст, так? Я пристально смотрела на красные ворота, залитые лучами заходящего солнца, но в моем воображении белоснежные цветы распускались на дереве груши. Я невольно пробормотала:

*Кто сможет сущего загадки разгадать?
Той, что не ровня многим, сходна со святой,
Величьем духа выделяется в толпе,
Расстаться трудно с этой грешною землей.*

*Вернуться, впрочем, ей на небо суждено,
К другим бессмертным, в свой нефритовый чертог.
И там красавица, чей взор таит печаль,
Отбросит тяжкий гнет смешных земных тревог⁵.*

Вдруг я услышала звуки, какие бывают, когда расчищают дорогу для императора, и, торопливо отступив к стене, опустила на колени. Вскоре на дорожке, ведущей с более широкого пути, показалась группа евнухов и телохранителей, окружавших императора Канси. Позади него следовали наследный и четырнадцатый принцы.

Проходя мимо дворца супруги Лян, император Канси вдруг остановился, пристально глядя на здание вдалеке. Сопровождавшие его тоже замерли было, но не успели простоять и нескольких мгновений. Его Величество внезапно снова зашагал вперед, и все с беспорядочным топотом поспешили за ним.

Вот она, любовь государей – не более чем один короткий взгляд. Возможно, оттого, что на их плечах лежит слишком большой груз и они вынуждены быть более стойкими, чем обычные люди. И потому для них один лишь короткий взгляд уже означает очень многое?

Я была уверена, что мне удалось хорошо спрятаться, и собиралась подняться, когда ко мне подбежал один из евнухов и, поприветствовав, сказал:

– Его Величество желает видеть барышню.

Я помчалась за ним, вздыхая: все-таки заметили. И какой болтун меня выдал?

Идя следом за императором Канси, я вошла в отапливаемый зимний зал. Лишь когда Юйтань закончила подавать чай, император наконец произнес:

– Наследный принц сказал, что на коленях у стены сидела ты. Это и вправду была ты.

---

⁵ Отрывок из стихотворения Цю Чуцзи (1148–1227) «Груши дворца Линсюй».

Я поспешно опустилась на колени и произнесла:

– В былые годы ваша покорная служанка бывала во дворце госпожи Лян, где рисовала для нее. Госпожа Лян всегда хвалила рисунки недостойной. Сегодня ваша служанка проходила мимо и не могла не поклониться ее памяти. Госпожа Лян хорошо относилась к недостойной, хотя та этого и не заслуживала.

– Поднимись, – проговорил император Канси после короткого молчания.

Быстро поднявшись с пола, я почтительно замерла рядом. Его Величество произнес, обращаясь к наследному и четырнадцатому принцам:

– Мы немного притомились. Идите.

Наследный и четырнадцатый принцы тут же поднялись со своих мест и поклонились на прощание.

– Иньчжэнь, в свободное от дел время зайди к Иньсы и скажи ему, что, хотя он и убит горем, ему не стоит забывать о своем здоровье, – велел император.

Четырнадцатый принц немедленно пообещал так и сделать. Наследный же принц скривился и, свирепо взглянув на четырнадцатого, первым покинул зал.

Ли Дэцюань сделал жест рукой, и мы все тут же вышли из зала. По пути домой я натолкнулась на четырнадцатого принца, который стоял на обочине дорожки и ждал меня. В душе мне стало смешно. Больше половины месяца он был холоден со мной – и что он теперь захотел мне сказать? Когда я подошла и поприветствовала его, он со вздохом произнес:

– Скажешь, что у тебя нет сердца, – как ты топчешься возле дворца супруги Лян. Но разве можно сказать, что оно у тебя есть? После того как скончалась матушка восьмого брата, он очень скорбит, сидит дома и никого не принимает. У него и раньше было плохо со здоровьем, а сейчас еще и разболелись ноги и стало тяжело ходить. Другие выражают ему свои соболезнования и произносят слова утешения, ты же ходишь с безучастным лицом, будто ни о чем не знаешь, и ни разу не справилась о его самочувствии. Совсем забыла о том, как восьмой брат постоянно заботился о тебе? Я даже не говорю о прошлых годах. Недавний случай, например. Если бы не он, ты бы уже находилась в поместье наследного принца. Жоси, ты хоть понимаешь, как ему горько?

Помолчав несколько мгновений, я ответила:

– Четырнадцатый принц, ты когда-нибудь испытывал тяжесть разлуки? Это словно колючка, вонзившаяся в сердце. Даже если кругом все станет чудесно и прекрасно, сердце постоянно будет терзаться и в мыслях не будет покоя! Сейчас мы не можем быть вместе. Раньше не могли из-за меня, а теперь из-за обстоятельств, которые от нас не зависят. Еще до смерти госпожи Лян я спросила его, хочет ли он жениться на мне, а он ответил: «Там посмотрим». Хотя он не сказал этого прямо, сердцем я давно поняла: он не возьмет меня в жены. Раз уж для нас обоих этот союз уже невозможен, к чему дразнить его, показывая, будто я хочу, но не могу отпустить его, тем самым мучая? Чем горше ему будет сейчас, тем скорее он забудет меня. Лучше я сейчас позволю ему страдать: пусть начисто забудет обо всем, что было, и впредь ничто не тяготит его душу!

– Колючка в сердце? – пробормотал четырнадцатый принц и опустил голову.

После короткой паузы он продолжил:

– Воистину одновременно и любишь, и остаешься бесчувственной. Если ты согласна подождать, то все может стать возможным.

Подождать? Чего? Пока он станет наследным принцем?

– Разве достаточно одного моего желания? – спросила я с горькой усмешкой. – Разве Его Величество позволит мне ждать? Скажу честно: на самом деле я вообще ни за кого не хочу выходить замуж, хочу жить сама по себе! Но разве Его Величество позволит мне?

Четырнадцатый принц долго молчал, прежде чем спросить:

– Ты сможешь забыть восьмого брата?

– Уже забыла, – равнодушно отозвалась я.

– Вот уж действительно, чем делиться друг с другом последним куском, лучше просто разойтись! – с печальным смехом сказал он. – Какой же я идиот! Все, все, все! Сегодня все прояснилось, и у меня с души свалился камень.

Ничего не говоря, я глядела на него, и он, посерьезнев, продолжил:

– Не знаю, как все сложится дальше. Отныне тебе нужно быть очень осторожной и стараться ни во что не впутываться. Любое событие может в одночасье быть замято или же, наоборот, раздуто, так что больше, как сегодня, не совершай ошибок, за которые кто-нибудь ухватится. Загнанные в угол бьют всех без разбора. Если ты окажешься под ударом, может статься, что мы не сумеем тебе помочь.

– Я все поняла, – серьезно кивнула я.

– Иди к себе! – сказал он и, махнув рукой, ушел.

Не отрываясь, я растерянно глядела на его удаляющуюся спину. Когда стану женой четвертого принца, как смогу смотреть им в глаза? Тринадцатый принц пытался прощупать меня, используя девятого принца. А если заменить их на десятого и четырнадцатого, смогу ли так же четко повторить свое мнение о том, кого и как стоит наказать? Вспомнив тринадцатого принца, вспомнила и о том, что ему предстоит провести под стражей десять лет. Хотя и знала, что все закончится хорошо, на душе у меня было тяжело. Через несколько дней наступит Новый год, но все кругом чувствовали себя подавленными.

Другие придворные дамы, охваченные радостным трепетом, отмечали Праздник весны⁶, но я не могла участвовать в общем веселье. Мне не удавалось унять внутреннее беспокойство, зная, что впереди ждут большие волнения. В глубине души мне было страшно, что император Канси выдаст меня замуж. Много раз я просыпалась от кошмаров, в которых в роли новобрачной стояла в зале для поклонения табличкам предков. Иногда видела во сне наследного принца, а порой – какого-то подозрительного типа с размытым лицом. Пробудившись, мне было радостно осознавать, что это лишь сон, но затем мою душу снова охватывали печаль и страх, и я лежала, широко открыв глаза, до самого рассвета. Я была так измучена, что спрашивала лишь: когда это все наконец закончится?

– Что застыла тут, в снегу? – послышался сзади голос неизвестно когда подошедшего четвертого принца.

– Кто застыл? Я просто люблюсь цветущей сливой, – не оборачиваясь, ответила я первое, что пришло в голову.

Он приблизился и встал рядом.

– Цветы сливы уже на земле, и, чтобы любоваться ими, придется опустить голову.

Я улыбнулась и, повернув голову, бросила на него короткий взгляд.

– О чем ты думаешь? – спросил четвертый принц.

– Недостойная думает о том, когда же господин наконец согласится взять ее в жены, – проговорила я жалостливым голосом, состроив страдающее лицо.

---

⁶ Праздник весны (кит. ##) – китайский Новый год, празднуется первого числа первого лунного месяца.

– Говоришь подобное и даже не краснеешь, – удивился он. – Вот уж точно, никогда не встречал такую бесстыдницу. Поначалу совсем не хотела выходить замуж, а теперь так торопишься скорее стать женой.

– Раньше я думала, что у меня есть надежда, – ответила я. – А теперь жизнь во дворце с каждым днем становится все невыносимее: того нужно бояться, этого тоже нужно опасаться... Вот я и решила, что стоит поскорее найти себе домик и спрятаться в нем. Разве это не легче и безопаснее, чем оставаться во дворце?

Четвертый принц так холодно взглянул на меня, что я перепугалась и осторожно спросила:

– Ваша покорная служанка сказала что-то не так?

– Не всем нравится слушать правду, – отозвался он, отведя глаза.

Я ненадолго задумалась, а затем искренне произнесла:

– Все женщины от природы прекрасные актрисы. Ваша покорная служанка умеет и лгать. Если господину угодно, чтобы я притворялась нежной и любящей, я согласна исполнять этот спектакль. Однако мне кажется, что господин скорее предпочтет правду, как бы горька она ни была.

Выслушав меня, четвертый принц улыбнулся, и холод исчез из его взгляда. Мягко посмотрев на меня, он легонько покачал головой, а затем внезапно протянул руку и смахнул с моей головы несколько опавших лепестков сливы. Я неподвижно стояла, ошеломленно наблюдая за этими редкими проявлениями теплоты. Его рука снова скользнула по волосам, после чего медленно опустилась к моей щеке.

– А где же шпилька? – спросил принц, легко касаясь пряди разметавшихся волос у моего виска. Лишь тут я опомнилась и, отвернувшись, чтобы избежать его прикосновения, ответила:

– Храню в своей комнате, чтобы никто не смог увидеть!

– Серьги, что я подарил в этом году, тоже лежат в комнате? Выходит, я зря старался, – посетовал он, убирая руку.

Так и знала, что рано или поздно ты спросишь об этом, и потому подготовилась. Оглянувшись по сторонам, я сунула руку за воротник и вытянула оттуда тонкую цепочку. Покачав кулоном перед его носом, торопливо заправила ожерелье обратно со словами:

– Я ношу это!

Некоторое время четвертый принц разглядывал меня с едва заметной улыбкой, а затем спросил:

– Жоси, знаешь ли ты, что на самом деле творится в твоём сердце? Тебя обуревают страхи и сомнения, ты днями напролет взвешиваешь все за и против, осторожничаешь, колеблешься. Но не мешает ли это тебе понять, что ты чувствуешь на самом деле?

Издав удивленный возглас, я оторопело уставилась на него. Какое-то время он молча смотрел на меня в ответ, а потом резко протянул руку и отвесил мне звонкий шелбан. Ойкнув, я поспешно прикрыла лоб и, кинув на принца гневный взгляд, с обидой воскликнула:

– Больно! За что?..

Принц прыснул со смеху и отмахнулся:

– Поскорее иди в дом, и впредь застывай у печки, а не на улице.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь. Но, не пройдя и нескольких шагов, обернулся и, увидев, что я по-прежнему не двигаюсь с места, крикнул:

– Что стоишь?

Я торопливо поклонилась ему и побежала в дом.

Вернувшись в свою комнату, я села к печке, обняла подушку и застыла, бездумно глядя в одну точку. Я спрашивала себя: правда ли, что я не понимаю собственных желаний? А в чем заключаются мои желания? Неужели он понимает их? А нужно ли мне знать, что у меня на сердце? Гораздо сильнее я нуждаюсь в знании того, как мне уберечь себя среди интриг императорского дворца.

Я опустила глаза, и взгляд упал на подаренный восьмым принцем браслет у меня на запястье. Сердце отозвалось глухой болью. Мы не виделись уже больше двух месяцев. Утихла ли его скорбь хоть немного? Я долго сидела, словно окаменев, а затем резко отбросила подушку и принялась яростно стягивать с руки браслет. Человеческую душу сложно понять, и, пусть не могу понять свою, я решила, что кое-что все же должна сделать. И то, что должна сделать, я понимала со всей ясностью.

Рука болела, но браслет оставался на месте. Мне вдруг вспомнилось, что Юйтань говорила, будто любой браслет можно легко снять, если смазать запястье маслом. Быстро подойдя к столу, я достала лавровое масло. Я маялась битый час, кожа на руке покраснела от трения, и каждое прикосновение причиняло боль. В конце концов браслет удалось снять. Расстаться с чем-либо всегда непросто, и потом бывает очень больно.

Я взглянула на свое голое запястье, затем на браслет, сиротливо лежащий на столе, и душа снова заныла. В жизни слишком многие вещи безжалостно уносят время. Не утерпев, я яростно вонзила ногти в покрасневшую кожу. Мне было больно, но на моих губах блуждала задумчивая улыбка.

Неважно, насколько тяжело расставаться, насколько мне больно. С этого момента я должна отбросить все до конца, иначе в будущем могу навредить не только себе, но и ему. Хватает и императорского престола, ни к чему усиливать ненависть еще и мне.

Еще до наступления Праздника фонарей⁷ я положила браслет за пазуху и стала носить с собой. Однако праздник давно прошел, и четвертый месяц уже был на носу, а восьмой принц по-прежнему оставался в своем поместье и никого не принимал. Я много размышляла об этом, и мне казалось, что причина не только в тяжелой скорби, плохом моральном и физическом состоянии. Должно быть что-то еще. Во-первых, он не хочет вызвать подозрений. В тот раз, когда наследный принц впервые лишился титула, восьмой принц пострадал. Поэтому сейчас он подумал, что после вторичного лишения наследника титула ему стоит отсидеться дома, тем самым избежав неприятностей. Во-вторых, сыновняя почтительность была основным принципом, с помощью которого управлялась Великая Цин. Своим поступком восьмой принц желал снискать добрую славу и добиться расположения образованных людей.

Если все так, он в ближайшее время точно не придет во дворец. Поразмыслив, я поняла, что буду вынуждена затруднить четырнадцатого принца просьбой. В один из дней, увидев десятого и четырнадцатого принцев, я осторожно убедилась в том, что они одни, и торопливо догнала их, чтобы поприветствовать.

Закончив с приветствиями, я принялась болтать с ними и обмениваться шуточками, одновременно подавая знаки четырнадцатому принцу, чтобы тот отослал десятого. Четырна-

---

⁷ Праздник фонарей (кит. ###) – отмечается в первое полнолуние года, на 15-й день первого лунного месяца, знаменует окончание Нового года. В этот день принято зажигать разноцветные фонари.

дцатый только хмурил брови, давая понять, что не собирается помогать и мне придется самой что-то придумать.

Мне оставалось лишь умоляюще взглянуть на десятого принца и с улыбкой произнести:

– Не мог бы ты один покинуть дворец? Мне нужно кое о чем поговорить с четырнадцатым принцем.

– Когда я нужен, ты беседуешь со мной, а когда не нужен, торопишься удалить меня, – сердито произнес десятый. – О чем таком вы собираетесь говорить, что мне нельзя слышать?

И он гневно воззрился на четырнадцатого принца.

– Я здесь ни при чем, – поспешно ответил тот. – Я и сам не знаю, что ей понадобилось мне сказать. Если хочешь пожирать кого-то взглядом, то пожирай ее.

Десятый принц впери в меня взгляд. Тоже мне, напугал! Уставившись на него в ответ, я сказала:

– Перед Праздником фонарей я издалека увидела вас с десятой госпожой. Не успела я подойти для приветствия, как ты уже удрал, таща ее за собой. Говори, почему прячешься от меня? Уж объясняться – так сразу во всем!

– Не буду я препираться с тобой о всякой ерунде, тебя все равно не переспоришь! – сконфуженно выпалил десятый. – Говорите о чем хотите!

Затем развернулся и быстро зашагал прочь.

Глядя ему вслед, я не удержалась и начала хохотать. Четырнадцатый принц с улыбкой спросил:

– Ты издалека увидела десятую госпожу и не спряталась, а, наоборот, желала подойти и поприветствовать ее?

– Просто хотела припугнуть его, – смеясь, ответила я. – Тогда я действительно стремилась избежать встречи. Не ожидала, что десятый принц тоже меня заметит и, загородив меня от ее взгляда, скроется с ней еще быстрее.

– Не знаю, когда тревоги десятой госпожи наконец рассеются, – улыбаясь, покачал головой четырнадцатый принц. – Мы с тобой уже давно поняли, что на сердце у десятого брата, но им самим, похоже, невдомек.

– Со стороны всегда виднее, – вздохнула я. – Но когда придет время, они обязательно поймут.

– Так что же ты хотела мне сказать? – все так же с улыбкой спросил принц.

Я немного постояла, не говоря ни слова, а затем извлекла из-за пазухи завернутый браслет и протянула ему. Взяв его, четырнадцатый принц тут же принялся ощупывать сверток.

– Похоже на браслет. Что это должно означать? – спросил он.

– Пожалуйста, передай это ему, – попросила я. – Но не спеши, дождись, когда он будет в хорошем расположении духа, и только тогда отдай.

Разумеется, четырнадцатый принц знал, кого я имела в виду, и понимал, почему я возвращаю ему браслет. Его улыбка поблекла. Некоторое время он стоял, глядя в никуда, после чего произнес:

– И зачем заставляешь меня выполнять такое неблагодарное поручение? Верни сама.

С этими словами он протянул сверток мне обратно. Резво сделав пару шагов назад, я сказала умоляющим тоном:

– С тех пор как его матушка почилла с миром в прошлом году, он болеет и не выходит из дома. Ну куда я могу пойти, чтобы вернуть браслет? Кроме того, тебе не придется ничего говорить: стоит ему увидеть браслет, как он тут же сам все поймет.

На лице четырнадцатого принца отразилась нерешительность. Какое-то время он задумчиво молчал, а затем вдруг расцвел улыбкой и прошептал, глядя мне за спину:

– Сюда идут четвертый и тринадцатый братья.

Хотел обманом заставить взять браслет обратно, но обхитрить меня было не так-то просто.

– Брось эти шуточки, – сердито проговорила я. – Такие приемы на меня не действуют.

Четырнадцатый принц спрятал браслет и, поклонившись, приветственно произнес:

– Всех благ четвертому брату, всех благ тринадцатому брату!

Только тогда я почувствовала неладное и, обернувшись, торопливо поприветствовала подошедших принцев. Тринадцатый принц, приподняв брови, смотрел на нас с четырнадцатым полушутливо-полусерьезно.

– Поднимитесь, – сказал четвертый принц.

Мы с четырнадцатым принцем выпрямились. Я чувствовала себя не в своей тарелке, а потому продолжила молча стоять с опущенной головой. Улыбаясь, четырнадцатый принц спросил у четвертого:

– Покидаете дворец?

– Позже, – ответил тот. – Еще нужно навестить матушку.

– В таком случае я откланиваюсь.

С этими словами он церемонно попрощался с четвертым и тринадцатым принцами, а затем, проходя мимо меня, понизил голос и произнес:

– Не принять дар было бы непочтительностью с моей стороны. Премного благодарен!

Я печально вздохнула про себя. Эх, четырнадцатый, уходишь – и иди себе, зачем создавать недоразумение этим притворством?

Как только он удалился, повисло неловкое молчание. Тринадцатый принц прекратил улыбаться и, развернувшись, отошел. Я топталась в замешательстве, не зная, какое объяснение стоит дать четвертому принцу. На его лице, как всегда, было самое равнодушное выражение, а взгляд устремлен куда-то вдаль.

Я вновь опустила голову, размышляя о том, что же сказать ему. Пока я колебалась, он спросил:

– Не можешь объяснить?

Помедлив, я решительно проговорила:

– Если господин поверит мне – хорошо, не поверит – и ладно. Недостойная скажет лишь одно: это совсем не то, о чем господин мог подумать.

– Еще даже не начал допытываться, а ты уже так прямо призналась, – насмешливо произнес четвертый принц. – Получается, у вас с четырнадцатым братом действительно что-то есть.

Я испуганно ахнула, а он продолжил:

– Я подумал, раз вы с десятым и четырнадцатым братьями всегда хорошо ладили, тогда нет ничего удивительного в том, что вы дарите друг другу подарки. Ты, однако, решительно опровергла мои догадки. Редко можно увидеть подобную откровенность и живость ума!

Смеясь и раздражаясь одновременно, я сердито проговорила:

– И почему ты вечно дразнишь меня? Только четырнадцатый принц сказал мне, что вы идете, а я ему не поверила, думая: он обманывает меня. Это все из-за тебя.

Уголки губ четвертого принца едва заметно приподнялись, и он сказал:

– Я никак не могу повлиять на четырнадцатого брата, да и не хочу. Водите с ним дружбу сколько угодно, дарите друг другу подарки, болтайте и смейтесь, но я больше не желаю видеть сцены гнева и рыданий, подобные прошлой.

Достаточно разумное требование.

– Я поняла, – ответила я, надув губы.

Мы немного помолчали. Затем я отвесила ему почтительный поклон и спросила:

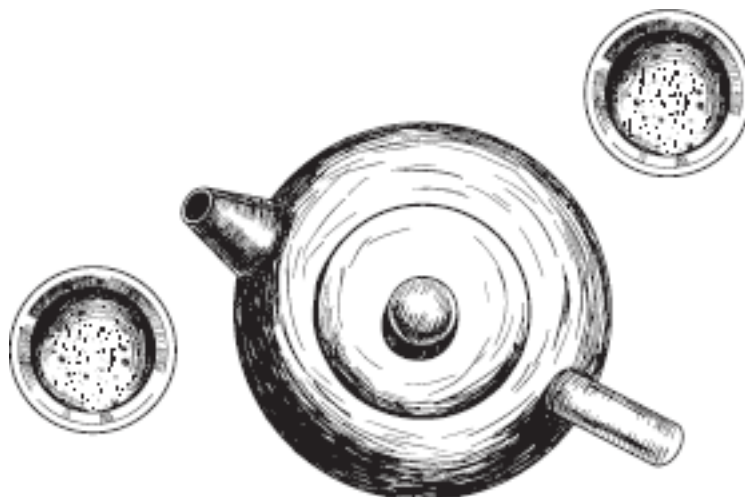
– Будут ли какие-либо распоряжения? Если нет, я пойду.

– Ступай, – махнул принц рукой.

Отходя подальше, я шумно вздохнула: выходит, четвертый принц оказался гораздо более великодушным, чем я себе представляла. Не говорит «не делай того, не делай этого». Вновь подумав о четырнадцатом брате, я невольно разозлилась. Что же такое он творит?!

Глава 2

Дойду до конца – разгляжу очертания далеких клубящихся туч

Расследование по делу о Тохэци, собравшем за столом единомышленников, велось с десятого месяца прошлого года. Все это время все с нетерпением ждали результатов, и вот после долгих шести месяцев дознания они наконец были получены. Все оказалось ровно так, как и утверждал Цзин Си, князь Оберегающий престол: на том пиру действительно шла речь о заговоре. В особенности Ци Шиу и сам Тохэци – те своими речами всячески подстрекали присутствующих поддержать наследного принца и помочь ему вступить на престол. Император Канси в гневе воскликнул: «Пусть собираются за столом, едят и пьют вино – кто препятствует им? Совершенное ими слишком незначительно и не стоит нашего внимания». Казалось бы, в высказывании Его Величества не содержалось ничего особенного, но все сразу поняли его скрытый смысл: императора привело в бешенство то, что все эти сановники собрались вместе на пирушке, чтобы объединиться для поддержки наследного принца, ставя тем самым под угрозу безопасность императора, сидящего на троне.

Во время расследования дела о заговоре на пиру всплыло также дело письмоводителя палаты финансов Шэнь Тяньшэна, который с другими причастными взял под контроль ситуацию в Хутане, что к северу от Хуанхэ, в уезде Тогто, и вымогал серебро. Ци Шиу, Тохэци, Гэн Э и другие оказались причастными к этому делу, так как тоже получали невероятное количество взяток.

Все замешанные сановники один за другим оказались за решеткой: император Канси всегда славился своим милосердием по отношению к подданным. Князя Обоя он всего лишь заключил под стражу и Сонготу, замыслившего измену, тоже не приговорил к смертной казни. Однако на этот раз Его Величество решил наказать виновных неожиданно сурово. Ци Шиу был приговорен к жесточайшей казни: его прибили гвоздями к стене. Несколько дней он оглашал окрестности своими криками, прежде чем наконец скончался. Напуганные действиями императора, сторонники наследного принца жили как на вулкане и, являясь ко двору, боялись всего и вся. Господин наследный принц постепенно остался один. Целыми днями он терзался опасениями и пребывал в страшной тревоге, становясь все более жестоким и раздражительным, и то и дело бил палками своих слуг. Слухи о подобном поведении наследного принца доходили до императора Канси, вызывая у того все большее отвращение к сыну.

Придворные не осмеливались часто обращаться к наследному принцу. Целыми днями они тайком обсуждали казнь Ци Шиу. Разумеется, ни один из них своими глазами ее не видел, однако рассказывали они о ней так, будто сами там присутствовали, живо и ярко описывая, как именно забивали гвозди, как кричал Ци Шиу и как лилась кровь. Слушателям даже не приходило в голову усомниться в подлинности истории, и в восторге и вне себя от радости они вторили хохоту рассказчика. Лишь когда Ван Си велел высесть нескольких евнухов, дворцовая челядь наконец утихомирилась и казнь обсуждать перестали.

Пару раз я краем уха слышала подобные разговоры и всегда быстро уходила. Сумасшедшие, все они сумасшедшие! Казнь стала для них развлечением, темой для веселой беседы. Хотя, если уж на то пошло, это вполне нормально и было бы странно, если бы искалеченные люди с нездоровой психикой, задавленные жизнью, не превращались в моральных уродов. Мне и так было не до смеха, а когда я думала о том, что вынуждена жить бок о бок с толпой болванов, мое лицо и вовсе становилось каменным, и на нем не появлялось даже тени улыбки.

В четвертом месяце солнце было особенно чарующим и прогревало воздух не сильно и не слабо, а в самый раз. Под его лучами мы с Юйтань просушивали заготовленные еще в прошлом году цветы и листья, а также сирень, собранную в этом году.

Ван Си, проходящий мимо, подошел и поприветствовал меня. Затем он приблизился к бамбуковой корзине и, поверотив сушеные лепестки хризантем, заискивающе улыбнулся:

– Я слышал, что если ими набить подушку, это поможет улучшить зрение и погасить огонь гнева. Прошу сестрицу позвать кого-нибудь, чтобы сделали мне такую.

Не поднимая головы, я провела метелкой по табурету и небрежно поинтересовалась:

– И откуда в тебе столько гнева, что приходится его гасить? Неужели того, что ты каждый день пьешь чай с лепестками хризантем, уже недостаточно?

– Разве сестрице не известно, как два дня назад меня разгневали эти негодяи? – вздохнул Ван Си. – Я приказал сечь их изо всех сил, без всякой жалости.

– Они это заслужили, – рассеянно отозвалась я. – Хотя на самом деле это полная чушь. В любом случае, раз их уже высекали, на что ты все еще злишься?

Ван Си захихикал.

– Сестрице все равно – и я сделаю вид, что и мне все равно, а то, если разразится скандал, мне несдобровать. О тебе, сестрица, все говорят как о весьма добродетельной девушке, а обо мне... ходит лишь дурная слава.

Ты полагаешь, я хотела заработать репутацию добродетельной девушки? Неужели же мне по нраву жить, день за днем чувствуя себя подавленной? Едва подумав об этом, я разозлилась и тут же, бранясь, легонько хлестнула его пару раз метелкой:

– Не спешишь возвращаться к своей работе, обсуждаешь тут со мной пороки и добродетели, как будто тебе от меня может быть какая-то выгода! Скажу все твоему наставнику, пусть он задаст тебе пару вопросов – тогда и посмотрим, будет ли тебе все равно.

Ван Си резво отпрыгнул, уклоняясь, и засмеялся:

– Добрая сестрица, я был неправ. Дело лишь в том, что меня ругали за моей спиной, и я пришел к сестрице пожаловаться.

– Учись у Ли-анда! – продолжала я сердито. – Хорошему не учишься, зато где-то выучился трепать языком! Остерегайся: обо всем расскажу твоему наставнику.

С этими словами я напустила на себя грозный вид, сделала пару шагов по направлению к нему, будто собиралась погнаться, и замахала рукой с зажатой в ней метелкой.

Ван Си умудрялся одновременно кланяться и быстро семенить прочь, согнувшись в три погибели. Вдруг на его лице появился испуг. Его ноги застыли на месте, а тело продолжало двигаться, и евнух, сделав несколько спотыкающихся шагов, брякнулся на землю вверх тормашками. Я не успела даже улыбнуться, как он тут же поднялся и, даже не пытаясь отряхнуть одежду, поприветствовал кого-то, кто находился за нашими спинами. Мы с Юйтань поспешили обернуться и присоединились к Ван Си, приветствуя стоящих под козырьком крыльца четвертого, тринадцатого и четырнадцатого принцев.

Четвертый принц с безжизненным лицом поднял руку, позволяя нам выпрямиться. Тринадцатый и четырнадцатый принцы стояли у него за спиной и широко улыбались.

Едва закончив приветствие, Ван Си тут же попросил позволения удалиться. Лишь когда он скрылся вдаль, тринадцатый и четырнадцатый принцы наконец разразились хохотом.

– Смейтесь-смейтесь, а то еще задохнетесь, – сказала я.

Поняв, что они оба смотрят на метелку в моей руке, я торопливо бросила ее на циновку, лежащую поблизости. Они расхохотались еще громче. Некоторое время я смотрела на них, сжимая губы, а затем не утерпела и рассмеялась вместе с ними.

Смеясь, четырнадцатый принц проговорил:

– Что это с тобой сегодня? Так неосторожно показала свой истинный облик и теперь уже не сможешь больше притворяться мягкой и добродетельной.

– Ты когда-нибудь слышал выражение: «Дойдя до крайности, все неизбежно превращается в свою противоположность»? – холодно ответила я, мгновенно спрятав улыбку.

Они с тринадцатым принцем слегка оторопели, но тут же вновь расцвели улыбками, ничего не говоря. Четвертый принц, все это время тихо стоявший рядом и глядящий на нас, произнес: «Пойдем» – и двинулся вперед. Тринадцатый и четырнадцатый принцы отправились следом за ним, и все трое зашагали по направлению ко дворцу супруги Дэ.

Повернувшись, я поворошила цветы сирени и распорядилась, обращаясь к Юйтань:

– Помоги Ван Си набить подушку, если тебе не трудно.

– Не трудно, – с улыбкой ответила Юйтань. – Наволочка уже есть, осталось только набить да сшить – и готово.

Придя домой под вечер, я достала веревку, чтобы попрыгать через нее, но та постоянно цеплялась за ноги. Не в силах сосредоточиться, с досадой отбросила веревку и вернулась в комнату, где упала на кровать и лежала, бездумно глядя в потолок, пока не услышала стук в дверь. Вскочив, я вышла и распахнула ворота. Во двор проскользнул Сяо Шуньцзы и, поприветствовав меня, вручил письмо. Как только я забрала конверт, он тут же в спешке скрылся с глаз.

Несколько мгновений я, сжимая письмо в руке, стояла во дворике, после чего снова вернулась в комнату, села к лампе и погрузилась в чтение.

*Я часто дохожу до той стремнины,
Где в вышине рождается река.
Присяду и смотрю, как из долины*

Волнистые восходят облака⁸.

Неужели эти красивые, аккуратные, четкие иероглифы написаны его рукой? Думала, это четырнадцатый принц превосходно владеет каллиграфией, и не ожидала, что его иероглифы окажутся ничуть не хуже.

Я разглядывала твердые черты иероглифов, и содержащиеся в них спокойствие и невозмутимость, присущие их творцу, незаметно передались и мне. Волнение и тоска, царившие в моей душе, потихоньку рассеялись. Мои губы сложились в легкую улыбку, и, тихонько вздохнув, я достала бумагу, растерла чернила и принялась упражняться в каллиграфии.

Взглянула на свои иероглифы, затем на те, что написал он, и пришла к выводу, что его почерк гораздо красивее. Не удержавшись, стараясь подражать ему, раз за разом выписывала: «Я часто дохожу до той стремнины...» Незаметно для себя я полностью погрузилась в процесс и писала черной тушью по белой бумаге, забыв обо всем на свете.

Когда я, ощутив ломоту в шее, подняла голову, уже совсем стемнело. Торопливо убрав тушь и кисти, я побежала умываться, а затем легла в кровать и почти сразу провалилась в сон. Хороший, крепкий сон, о котором мечтала уже очень давно.

Положение наследного принца стало совсем безнадежным. Все ждали только окончательного решения императора Канси. Теперь взгляд, которым он смотрел на наследника престола, был холоднее льда, и я лишь тяжело вздыхала, вспоминая, как еще три или четыре года назад он мог, как любящий отец, ронять слезы, печалась о своем сыне. Императорский трон, этот холодный, неудобный стул в конечном счете уничтожил отношения отца и сына, оставив лишь отвращение.

Восьмой принц, вследствие сильнейшей скорби занемогший после смерти супруги Лян и проведший больше полугода в стенах своего имения, снова появился в Запретном городе. Хотя он был очень бледен, на его губах порой блуждала едва заметная улыбка – вот только взгляд стал еще более равнодушным и безжизненным.

Сегодня четвертый и тринадцатый принцы пришли поприветствовать Его Величество. Едва они сели за столы, как вошли восьмой, девятый и четырнадцатый принцы, также желающие поприветствовать императора. Тот, правда, прилег передохнуть и пока не проснулся, поэтому Ван Си спросил принцев об их намерениях, и те ответили, что подождут. Хотя их собралось довольно много, в зале стояла полная тишина. Войдя с подносом в руках, я принялась по очереди подавать всем принцам чай.

Подойдя к столу восьмого принца и тихо поставив на него чашку, я почувствовала, что он не сводит взора с моего запястья. Стараясь сохранять невозмутимый вид, я вскинула на него глаза и встретила с его взглядом, в котором холод вековых ледников смешивался с изумлением и болью.

В тот же миг мое сердце стремительно ухнуло куда-то вниз и по всему телу пробежал холодок. Отойдя на несколько шагов от его стола, я подошла к сидящему рядом тринадцатому принцу, чтобы поднести чай и ему. Когда я затаив дыхание обернулась к следовавшему за мной евнуху и взяла с подноса чашку, мои пальцы слегка дрожали. Тринадцатый принц равнодушно скользнул по мне глазами и, протянув руку, забрал у меня чашку. Делая вид, что очень хочет пить, он торопливо пригубил чай, а затем как ни в чем не бывало поставил чашку на стол. Все

---

⁸ Строка из стихотворения Ван Вэя (699–759) «В горной хижине» («Имение в горах Чжуннань») в пер. В. Н. Марковой.

это он проделал, не спуская с сидящих напротив него четвертого и девятого принцев смеющегося взгляда.

Спрятав руки в рукавах, я прошествовала к столу четырнадцатого принца и, сделав глубокий вдох, уверенно сняла чашку с подноса, одновременно глазами задавая принцу вопрос. Видя, как я, поднося чай, указываю мизинцем на его запястье, он замер, а потом, притворяясь, будто дегустирует поданный ему напиток, едва заметно покачал головой. Оказывается, он еще не вернул браслет. Тогда нет ничего удивительного в том, как восьмой принц смотрел на меня!

Рассеянно взяв поднос, я повернулась, чтобы отойти, и вдруг врезалась в кого-то, кто только что бешено ворвался в зал. Не устояв, я опрокинулась на спину, слыша, как он громко и яростно бранится:

– Вот тупица! У тебя что, глаз нет, раз не видишь, куда идешь?

И он занес ногу. Несколько человек закричали, чтобы он остановился, но он уже успел пнуть меня в бок. Хотя, к счастью, инерция от падения помогла немало ослабить силу удара, я все равно ощутила острую боль.

Не обращая на эту боль внимания, я быстро села на колени и принялась отбивать земные поклоны, прося снисхождения. Подняв глаза, я поняла, что меня ударил десятый принц. Он явно не ожидал, что тем человеком, которого он пнул, окажусь я. Охваченный гневом и беспокойством, он закрыл половину лица рукавом и подошел с намерением помочь мне встать. Я поспешно уклонилась от его протянутой руки, сама поднялась на ноги и, сдерживая боль, негромко проговорила:

– Это был лишь легкий толчок, вовсе не настоящий пинок.

Затем я склонилась в почтительном поклоне:

– Недостойная благодарна десятому принцу за то, что он не наказал ее.

Он на миг остолбенел, а затем собирался что-то сказать, но я улыбнулась ему и едва заметно покачала головой. С огорченным выражением лица десятый принц опустил на стоящий поблизости стул, по-прежнему закрывая половину лица рукавом. Восьмой принц, потемнев лицом, закричал на него:

– Ворвался сюда сломя голову и даже не выказал нам уважения! Что у тебя за такое срочное дело?

Бросив взгляд на четвертого принца, десятый кое-как поприветствовал его и девятого. Тринадцатый и четырнадцатый принцы тоже торопливо поклонились ему, и лишь после того, как затихли любезности, все сели обратно на свои места.

Я быстро скользнула за занавеску и там, опираясь о стену, согнулась и осторожно ощупала место, в которое меня пнули. Мне было так больно, что я сжала зубы и дышала, втягивая сквозь них воздух.

– Скажите Юйтань, чтобы заварила чай для десятого принца, – велела я стоящему рядом евнуху, а сама повернула голову и выглянула из-за занавеси. Кто же так сильно разозлил десятого принца, что я попала под горячую руку?

Обведя взглядом всех присутствующих, десятый принц громко поинтересовался:

– А где царственный отец?

– Его Величество прилег отдохнуть и пока не изволил проснуться. Просим десятого принца немного подождать! – поклонившись, протараторил один из евнухов.

– А где чай? – спросил у евнуха десятый принц, гневно хлопнув по столешнице. – Не видели, что господин уже здесь?

– Барышня Жоси только что вышла, чтобы заварить чаю, – поспешно отозвался другой евнух, кланяясь. – Думается, она скоро придет.

Ладонь, которую десятый принц занес, собираясь вновь хлопнуть по столу, замерла в воздухе, после чего медленно опустилась. «Вот дуралей, – вздохнула я. – Хочет на ком-нибудь сорвать свой гнев, но каждый раз натывается на меня».

– И чего ты, десятый брат, так сердит? – спросил четырнадцатый принц. – Зачем постоянно закрываешь половину лица? Неужели с кем-нибудь подрался и был ранен?

Изменившись в лице, десятый принц некоторое время сидел без движения, а затем резко ударил рукой по столу, вскочил на ноги и заорал:

– Даже если царственный отец велит высечь меня, я больше не стану терпеть эту сварливую бабу!

Услышав его слова, все сидящие в зале принцы ошарашенно застыли. И только четырнадцатый, рассмеявшись, сказал:

– Опустит рукав и дай нам взглянуть, сильно ли тебя ударили. А потом мы все поддержим тебя и замолвим словечко.

Девятый и тринадцатый, услышав это, хотели было тоже засмеяться, но раздумали. Лицо четвертого принца оставалось таким же равнодушным, словно он и не слушал, о чем все говорят, а, опустив глаза, разглядывал пол под ногами. Слегка нахмурившись, восьмой принц прикрикнул на десятого:

– И ты явился, чтобы на весь дворец кричать о том, что должно оставаться лишь между супругами? Быстро возвращайся домой.

Десятый принц стоял, кипит от возмущения, но не произнес ни слова и не сдвинулся с места. С улыбкой четырнадцатый принц шагнул к нему, собираясь опустить его рукав и посмотреть, что за ним скрывалось, но десятый сердито оттолкнул брата. Четырнадцатый принц убрал руку и, все так же улыбаясь во весь рот, поинтересовался:

– Что же такого случилось? Расскажи нам, и мы поможем тебе правильно оценить ситуацию.

Видя, что десятый принц не двигается с места, восьмой принц беспомощно вздохнул и спросил:

– В чем дело, в конце концов? Ты даже явился сюда, чтобы нарушать тут покой!

Тут ко мне подошел евнух с подносом в руках и тихо сказал:

– Чай готов, сестрица.

Я поспешно забрала у него поднос и, откинув занавеску, вошла в зал. Десятый принц, показывая пальцем на почтительно замершего рядом евнуха, закричал:

– Все, выметайтесь! Чтобы никого не осталось!

Евнух, трясущийся от страха все время с того момента, как появился в зале, склонил голову, словно принимал высочайший указ, и в спешке ретировался. Стоявшие снаружи занавеси евнухи также резво скрылись из глаз.

Только убедившись, что все ушли, десятый принц в гневе вскричал:

– В этом году во время Праздника фонарей она увидела висящий в моем кабинете красивый фонарь и захотела его себе. Сегодня она, не знаю уж от кого, услышала какую-то сплетню и, придя домой, швырнула его мне в лицо, после чего растоптала и, крича, настойчиво потребовала объяснений, «как я мог передарить ей подарок, который в прошлом году не приняла другая». Но разве у меня есть столько свободного времени, чтобы тратить его на болтовню с ней о всякой ерунде? Она же кричала все сильнее. Я был так зол, что выбрал ее, сказав, что ей с ее нравом никогда не сравниться с Жоси. И вдруг она взярилась, а потом дала мне... дала мне...

С этими словами он быстро убрал рукав, позволяя восьмому принцу взглянуть, а затем вновь стремительно закрыл лицо.

После речи десятого принца я почувствовала себя крайне неловко и замерла. Четырнадцатый принц с усмешкой покосился на меня, как бы говоря: «Погляди, погляди, так и знал, что ты во всем виновата».

– Не вижу здесь причин для развода, – мягко произнес восьмой принц. – Возвращайся домой, а я чуть погодя отправлю к вам ее сестру, чтобы та хорошенько побеседовала с ней и успокоила.

– Восьмой брат, – сказал десятый, присаживаясь обратно на стул, – не отговаривай меня. Я принял твердое решение.

Четырнадцатый принц, видя, что даже восьмому не под силу переубедить десятого, осознал, что тот вовсе не шутит, и мгновенно перестал веселиться.

– Десятый брат, – серьезно произнес он, – нехорошо, что ты поднял такой шум, да еще без всякой причины впутал в это Жоси. Все-таки иди домой.

– Я сам прекрасно способен объяснить все царственному отцу, – огрызнулся десятый принц. – Я собираюсь развестись с ней, потому что она сварливая баба. Как это касается Жоси?

Четырнадцатый принц повернул голову, взглянул на меня и пожал плечами, показывая, что больше ничего не может сделать, и предлагая мне высказать свои мысли. Я колебалась. Сейчас настали сложные времена, да и последствия, вызванные желанием наследного принца жениться на мне, еще не улеглись. Зная характер десятого принца, можно было не сомневаться, что он скажет что-нибудь не то. И если его слова разозлят императора Канси, он сорвет злость на мне, а результаты могут быть самыми плачевными. Кроме того, Его Величество придет сюда с минуты на минуту и позже мы поговорить уже не сможем. Взвесив все за и против, я поняла, что все должно быть именно так, даже если мое поведение неуместно. К счастью, все присутствующие, за исключением четвертого и тринадцатого братьев, поддерживали восьмого и, даже если бы я сказала что-то из ряда вон, никто бы не обратил внимания: всех будет заботить лишь десятый принц.

Шагнув вперед, я поклонилась ему и произнесла:

– Недостойная осмеливается просить позволения сказать пару слов.

– Бесплезно отговаривать меня, я уже все решил! – отрезал десятый и закрыл глаза.

Я вздохнула и все равно продолжила:

– И не собиралась отговаривать тебя, просто хотела задать один вопрос, и все.

Не дождавись его реакции, я прямо спросила:

– Десятый принц, когда госпожа ударила тебя, ты ответил ей ударом?

Не открывая глаз, он покачал головой и холодно фыркнул:

– Нет!

– Почему? – снова спросила я.

Тут он открыл глаза и несколько озадаченно взглянул на меня. Прошло довольно много времени, прежде чем десятый принц сердито бросил:

– Я не опускаюсь до уровня женщин.

– Всплыв, ты еще помнишь о том, что не опускаешься до уровня женщин? Да ведь это как с ребенком, которого нужно сперва хорошенько треснуть, чтобы охладить его гнев, а уже потом разговаривать.

Десятый принц в изумлении воззрился на меня.

– В детстве я обожала засахаренные фрукты на палочке из-за их кисло-сладкого вкуса и того, как они хрустели, – неспешно продолжала я. – Лакомилась ими время от времени, и они совершенно не приедались. Затем отец начал подозревать, что фрукты плохо вымыты, и больше не соглашался их покупать. Я никак не могла забыть их вкус, и чем дальше, тем сильнее мне казалось, что это самое лучшее лакомство во всей Поднебесной. Хотя я очень любила и пирожные фузунгао, которые часто ела, все же была уверена, что засахаренные фрукты гораздо вкуснее. Однажды настал день, когда мне наконец выпала возможность снова отведать их. Десятый принц, угадай, что я тогда почувствовала?

Десятый принц глядел на меня, явно не понимая, чего от него хочу, но, видя, что я не спускаю с него испытующего взгляда, сказал:

– Конечно же, ты была счастлива!

– А вот и нет! – улыбнулась я. – Почувствовала невероятное разочарование! В тот миг я ощутила, что, хотя фрукты на палочке вполне съедобны, они вовсе не такие вкусные, как фужунгао. И как я могла все это время искренне считать, будто они лучше фужунгао? После этого попробовала три месяца не есть фужунгао – и неожиданно обнаружила, что страшно соскучилась по ним. Только тогда я поняла, что на самом деле мое любимое лакомство – фужунгао. Я не знала, что с возрастом мои вкусы изменились, однако продолжала упрямо цепляться за воспоминания, не осознавая, что именно они все это время обманывали меня.

Закончив говорить, я молча посмотрела на десятого принца, который сидел с крайне озадаченным выражением лица. Неужели смысл моих слов так сложно понять? Я перевела взгляд на четырнадцатого принца. Тот одобрительно взглянул на меня, а затем посмотрел на десятого и бессильно покачал головой.

Похоже, проблема не во мне. Что ж, раз такое дело, раскрою секрет! Глубоко вдохнув, я объяснила:

– Десятый принц, фрукты на палочке – это я, а десятая госпожа – фужунгао. Фужунгао всегда есть у тебя на столе – только протяни руку, поэтому со временем ты перестаешь воспринимать их как нечто диковинное. Засахаренные фрукты же ты получить не можешь, они остаются в твоей памяти, и с течением времени их вкус кажется тебе все более восхитительным. Однако если вдруг настанет день, когда ты действительно останешься без фужунгао, ты поймешь, что на самом деле больше всего любишь именно их.

На лице десятого принца одно за другим проступили сперва удивление, затем страх и сожаление, и он, не произнося ни слова, глубоко задумался.

– Недостойная спросит еще раз... – произнесла я, – почему десятый принц не ударил ее в ответ?

Лицо десятого принца продолжало менять выражения. Он медлил, и я предположила:

– Возможно, потому, что даже в минуты сильного гнева десятый принц в глубине души не хочет расставаться с госпожой!

Внезапно он смел чашку со стола на пол и заорал:

– Нет, нет! Я не буду с тобой разговаривать! Мне никогда не переспорить тебя! Ни за что! С этими словами десятый принц, прикрывая лицо, бросился прочь из зала.

Я сделала было несколько шагов ему вдогонку, но четырнадцатый принц позади меня воскликнул:

– Пусть он сам успокоится и поразмыслит. Камень, что лежал на сердце долгие годы, не удастся снять в одно мгновение, тем более такому твердолобому, как он.

Чувствуя себя неловко, я застыла на месте, а затем, повернувшись и не осмеливаясь глядеть никому в лицо, кое-как попросила у принцев разрешения откланяться и тут же выскочила наружу. Там, кликнув Ван Си, сказала ему позвать кого-нибудь, чтобы прислуживали в зале, а также велела распорядиться как можно скорее прибрать валяющиеся на полу осколки чашки.

Я сидела за письменным столом и, уставившись в стену, думала о десятом принце и десятой госпоже.

– Сестрица, – негромко позвала Юйтань. – Пора подавать чай Его Величеству.

Угукнув, я торопливо поднялась, и Юйтань передала мне поднос. Я кивнула ей, собралась с духом и, покрепче ухватив поднос, маленькими, но быстрыми шажками направилась в зал.

Когда я вошла, император Канси обсуждал с принцами «дела, касающиеся взаимного разоблачения наместниками и губернаторами Цзяннани друг друга».

«Опять коррупция, – мысленно вздохнула я. – В наши дни воистину в месяц крадут по чуть-чуть, но за несколько месяцев набирается на большую кражу».

Во время проведения провинциальных экзаменов в провинции Цзянсу помощник главного экзаменатора Чжао Цзинь вступил в сговор с некоторыми участниками и отчаянно мошенничал, поэтому державшие экзамен в Сучжоу, увидев вывешенные списки, подняли страшный шум. Император Канси велел генерал-губернатору Чжан Бохану, наместнику Лянцзяна⁹ Гали, шаншу палаты финансов Чжан Пэнхэ и генерал-губернатору провинции Аньхой Лян Шисюню провести проверку по этому делу. В ее ходе выяснилось, что сам Гали набрал взятку на пятьсот тысяч лянов серебром. Дело становилось все более запутанным, и следствие, тянувшееся больше месяца, не принесло никаких результатов. Чжан Бохан в гневе подал императору докладную записку с жалобой на Гали, а тот, едва узнав об этом, тут же подал доклад с ответной жалобой на Чжан Бохана. Каждый оставался при своем мнении, и в словах каждого был смысл.

Отчаявшийся император отправил на дознание Му Хэлуня и Чжан Тиншу, но те, запуганные авторитетом Гали, до сих пор не вынесли своего решения. Гали, человек весьма высокого происхождения, был зятем императора Нурхаци и четвертым внуком Хохори из рода Донго корпуса Красного знамени, князя Смиренного. К тому же сам занимал высокое положение: пост наместника Лянцзяна был самым престижным из всех в системе провинциального высшего чиновничества, ведь занимавший его становился чиновником первого ранга. А самым важным было то, что Гали всегда был лоялен к императору и Канси высоко ценил его.

Его Величество спросил мнения у четвертого принца, и тот с почтением ответил:

– Когда вы, царственный отец, бывали с инспекцией на юге, вы весьма одобрительно отзывались о Чжан Бохане, называя его «честнейшим сановником Цзяннани». В народе о нем также ходит добрая слава. Гали же отличился в военном походе против Галдан-Бошогу: когда войско было окружено в степи, он лично, рискуя жизнью, контролировал пути, по которым доставлялся провиант. Гали всегда был верен Вашему Величеству. То, что двое таких людей ополчились друг против друга, вызывает сожаление. Ваш сын желает сказать, что требуется продолжить дознание: никого из них нельзя обидеть несправедливым обвинением.

Опустив голову и пряча улыбку, я подавала чай. Смотрите, как пудрит мозги: вроде что-то сказал, но на деле не сказал ничего. Впрочем, четвертого принца нельзя винить: наверняка он желал бы сурово покарать взяточников, но хорошо помнил, как в прошлый раз, во время разбирательства по делу о хищении палатой финансов средств на закупку сена и бобов, он со своими политическими убеждениями не сошелся во мнениях с императором Канси, и тот выбрал его. На этот раз здесь замешан Гали, любимец Канси, и сейчас четвертый принц, не будучи уверенным в том, что думает об этом сам император, мог лишь прятать свои убеждения и держаться в тени, если он не хотел потерять отцовскую благосклонность.

Затем император спросил, какова точка зрения восьмого принца, и тот сказал:

– Я полностью согласен с четвертым братом: следует провести тщательное расследование, чтобы не осудить невиновного и не отпустить виновного.

Я мысленно усмехнулась. И тут комар носу не подточит, ведь иметь такое мнение – все равно что не иметь никакого. Подав чай всем присутствующим, я склонила голову и бесшумно покинула зал.

Юйтань, видя, что я иду, придерживая бок и хмурия брови, нагнулась ко мне и спросила:

---

⁹ Наместничество Лянцзян – включало расположенные на востоке Китая провинции Цзянси, Цзянсу и Аньхой. Наместник Лянцзяна считался самым богатым в Китае. Должность наместника в империи Цин стояла над должностью губернатора провинций.

– Болит?

– Совсем немного, – покачала я головой. – Терпимо.

– Вечером я, сестрица, натру больное место яичным белком, смешанным с мукой и крепкой водкой, – сказала Юйтань. – И через несколько дней все пройдет.

Я благодарно улыбнулась ей и кивнула. Вдруг мое сердце пропустило удар. Подумалось: если даже Юйтань, никогда не прислуживавшая в главном зале, знает о том, какой шум недавно поднял десятый принц, то и Канси не может не знать об этом.

Через какое-то время примчался Ван Си и сказал:

– Сестрица, тебя зовет Его Величество.

Поднявшись, я проследовала за ним. В этот момент принцы как раз выходили из зала, и мы с Ван Си, торопливо склонившись в поклоне, отошли в сторону, пропуская их. Лишь когда все покинули зал, мы с ним вошли внутрь.

– Что только что произошло? – спросил император Канси. – Из-за чего Иньэ так расшумелся? Кого-то пнул, еще и разбил чашку.

Я упала на колени, понимая, что раз уж ничего скрыть не удалось, то остается только сказать правду.

– Десятый принц поссорился с десятой госпожой, – произнесла я, опустив голову. – Пребывая в гневе, он тут же прибежал переговорить об этом с Вашим Величеством, но его уверили этого не делать, и он вернулся домой.

– Все это нам известно, – отозвался император. – Чего он так кричал? И как его убедили отправиться домой?

Казалось, он говорил мягко и спокойно, но в его тоне проступали едва заметные суровые, давящие нотки.

Мое сердце затрепетало, и я, коснувшись пола лбом, ответила:

– Причиной ссоры десятого принца и десятой госпожи послужили застарелые слухи, которые до сегодняшнего дня вводили десятую госпожу в заблуждение. Можно считать, что все это – вина вашей покорной служанки, которая и дерзнула уговорить десятого принца вернуться к себе.

Тогда весь Запретный город бурно обсуждал, что «тринадцатой сестренке нравится десятый принц», и император Канси не мог этого не знать.

Я пересказала всю историю о ссоре, начавшейся с бумажного фонарика, от начала до конца, а также примерно повторила то, что сказала десятому принцу.

Закончив говорить, замерла, прижавшись к полу лбом. Сердце стучало как бешеное, пока я пыталась предугадать, какое наказание меня ждет. Внезапно мне все стало безразлично. Целыми днями трясусь от страха, пытаюсь вести себя как можно осторожнее, стараюсь изо всех сил, но все равно время от времени совершаю ошибки. Мои жизнь и смерть находятся в руках у других, и неважно, будь то император Канси или какой-либо из принцев, – одна фраза любого из них способна в мгновение ока загнать меня в преисподнюю. Чувствуя бескрайнюю подавленность и усталость, вдруг поняла, что, если он прямо сейчас отдаст меня десятому принцу, я приму это. Мне больше не хотелось бороться, не хотелось сопротивляться.

Император Канси ничего не говорил, и в зале висела мертвая тишина. У меня внутри все словно смерзлось, и я просто ждала приговора. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Его Величество сказал:

– Поднимись.

Снова отвесив земной поклон, я поднялась на ноги. Пристально глядя на меня, император мягко произнес:

– Ты так хорошо объяснила всю суть. Если в будущем появится необходимость, сумеешь ли ты сама последовать своему совету и, забыв о том, чего не можешь получить, дорожить тем, что у тебя есть?

Я резко вскинула голову, но, наткнувшись на его пронизательный взгляд, вновь торопливо опустила ее.

– Недостойная не знает, – ответила я после короткого молчания.

Его Величество тихо вздохнул и ласково сказал:

– Ступай.

Озадаченная, я покинула зал. В моей голове эхом отзывались слова императора Канси: «Если в будущем появится необходимость, сумеешь ли ты сама последовать своему совету и, забыв о том, чего не можешь получить, дорожить тем, что у тебя есть?» Что он имел в виду? Что, по его мнению, я не могу получить, а что могу?

Все в том же подавленном состоянии я добрела до наружной галереи. Посмотрела на окружавшие меня высокие стены, создававшие ощущение тесноты и скованности, а затем, запрокинув голову, – в бескрайние распахнутые небеса, яркие, синие. Казалось, они так близко, протяни руку – и сможешь коснуться. Я зачарованно подняла руку, но ничего не произошло. Только неуловимый ветерок скользнул между пальцами.

– Жоси.

Я отупело взглянула на холодное лицо восьмого принца и долго смотрела так, прежде чем осознала, что он звал меня. Слабо улыбнувшись, я сказала:

– Там нет ничего, кроме ветра.

Восьмой принц встревоженно застыл.

– Жоси, что с тобой? – изумленно спросил четырнадцатый принц.

Не успела я ответить, как вдруг он и восьмой принц поклонились кому-то за моей спиной, и восьмой с улыбкой произнес:

– Четвертый брат еще не покидал дворец?

Обернувшись, я увидела медленно приближающихся к нам четвертого и тринадцатого принцев.

Также с улыбкой поприветствовав восьмого принца, тринадцатый сказал:

– Мы с четвертым братом подумали, что нам следует навестить госпожу супругу Дэ, и после этого сразу вернулись сюда. Почему же и восьмой брат еще не покидал дворец?

– Я внезапно вспомнил, что Жолань попросила меня кое о чем узнать у Жоси, поэтому задержался, – улыбаясь, отозвался восьмой принц, а затем, переведя взгляд на меня, мягко произнес: – Жоси, чем дальше, тем меньше ты соблюдаешь приличия. Забыла о приветствии?

Я занервничала и, поклонившись четвертому и тринадцатому принцам, сказала:

– Недостойная уже долго стоит здесь, ей следует вернуться на службу.

Согнувшись, я молча ждала, но никто не произносил ни слова. Тогда я умоляюще вскинула глаза на четвертого принца, и тот с каменным лицом махнул рукой:

– Ступай.

И я тут же скрылась за дверью.

Вчера я не спала всю ночь, снова и снова повторяя про себя слова императора Канси. Я осознавала, что неспособна понять их смысл, но ничего не могла с собой поделать и думала, думала, думала. Сегодня я должна была прислуживать все утро. С трудом дотянув до окончания службы, вернулась к себе и с тяжелой головой рухнула на постель. Заснуть мне, впрочем, не удалось, вдобавок я почувствовала головокружение. Пришлось встать с кровати.

Некоторое время я сидела за столом, бездумно глядя в стену, а затем разложила перед собой бумагу, растерла тушь и принялась упражняться в каллиграфии. По-прежнему пытаюсь подражать почерку четвертого принца, я иероглиф за иероглифом выводила строки: «Я часто дохожу до той стремнины, где в вышине рождается река. Присяду и смотрю, как из долины волнистые восходят облака...» Занятие всегда помогало мне успокоиться, но сегодня этот способ не сработал. Уже дважды переписала стихотворение, но в мыслях по-прежнему царил сумбур.

Опустив голову, я продолжала писать, когда вдруг услышала скрип створок ворот. Подняла голову на звук – и в распахнутое окно увидела, как во двор, толкнув ворота, вошел четвертый принц.

Я отложила кисть и несколько мгновений сидела неподвижно. Затем, резко опомнившись, торопливо схватила листы и сжала их в руке.

– Что ты пишешь? – поинтересовался он, подойдя к столу.

– Ничего, – ответила я, – просто упражняюсь в каллиграфии.

Опустившись на стоящий рядом стул, принц протянул:

– Упражняешься так усердно?

С этими словами он схватил меня за руку и потянул на себя. Потом, выдернув из моей ладони смятые листы, развернул один и стал рассматривать его.

Мне было очень неловко, и я сконфуженно произнесла:

– Совсем некрасиво, да?

Некоторое время четвертый принц пристально смотрел на меня, а затем сказал:

– Ты, наверное, много тренировалась?

– Угу, – тихо отозвалась я.

– Место, в которое тебя вчера ударили, еще болит? – спросил он.

Я покачала головой:

– Это был слабенький толчок, вовсе не настоящий удар.

Принц немного помолчал, а затем вдруг спросил:

– Жоси, ты можешь кое-что пообещать мне?

– Что?

– С этого момента больше никогда не лги мне, – медленно проговорил он. – Мы с тобой одинаковы: оба предпочитаем пусть горькую, но правду.

– Тогда ты можешь тоже пообещать никогда не лгать мне? – спросила я после короткого молчания.

– Все подсчитываешь и никому не даешь поблажек, – вздохнул принц. – Что же ты не потребовала у десятого брата рассчитаться, когда он тебя пнул? А тот раз, когда ты под угрозой лишения головы бросилась защищать четырнадцатого брата, тоже занесла в мысленную книгу учета?

Я засмеялась:

– Я требую рассчитаться только в случае, если имею дело с умными людьми. С дураками я сама становлюсь дурочкой.

Четвертый принц хмыкнул, а затем поинтересовался:

– Если я дам обещание, ты тоже пообещаешь?

Я, улыбаясь, кивнула, и он произнес:

– Обещаю.

Я поражено уставилась на него, а он в ответ невозмутимо взглянул на меня.

– Почему? – спросила я.

– Да так, – сказал он. – Просто думаю, что это правильно.

Я ненадолго задумалась, а затем спросила:

– Но как же быть, если есть вещи, о которых я не хочу говорить?

– Ты можешь прямо сказать мне, что не желаешь говорить, – ответил принц после недолгого раздумья. – Но не заговаривай мне зубы ложью.

Несколько мгновений я сидела неподвижно, а потом резко произнесла, улыбаясь:

– Тогда я хочу кое о чем спросить тебя. Можешь не отвечать.

С этими словами я знаком попросила его протянуть мне руку. Водя пальцем по его ладони, я медленно написала сначала иероглиф «императорский», а затем – «трон». Дописав, я подняла брови и с улыбкой покосилась на четвертого принца.

– Ты жаждешь этого? – спросила я и, немного помолчав, с улыбкой добавила: – Можешь не отвечать.

Мое лицо сияло, но внутри я была очень напряжена, ведь знала, что его ответ способен многое изменить. Я боялась, что он ответит «нет», и еще больше боялась, что он скажет «да».

Принц медленно убрал ладонь. Выражение его лица ни капли не изменилось, и он продолжал молча смотреть на меня. Мои губы, сложенные в улыбку, мало-помалу одеревенели. Я знала, что вступаю в игру, ставя на кон последнюю вещь в Запретном городе, с которой никогда не смирюсь, и на свое последнее стремление.

Это было лишь мгновение, но мне оно показалось вечностью. Я уже пожалела о своем опрометчивом поступке. К чему мне испытывать его? Он же сказал, что будет говорить правду, и мне стоило просто в это поверить! Зачем же проверять его? Зачем проверять самого непредсказуемого человека, да еще и выросшего в Запретном городе?

Я как раз раздумывала о том, как бы незаметно забрать свои слова назад, когда четвертый принц вдруг едва заметно сжал губы, а затем спокойно произнес:

– Да.

Он произнес это так обыденно, будто я, написав на его ладони пару иероглифов, спросила о какой-то ерунде, а не о троне великой империи.

Принц сказал это совсем негромко, но его ответ прогремел в моих ушах подобно грому. Я долго молчала, а потом пробормотала:

– Ты еще кому-нибудь об этом говорил?

– Ты первая, – ответил он.

Я недоверчиво покачала головой, поинтересовавшись:

– А тринадцатому принцу?

– Он с малых лет рос рядом со мной, и я ничего не скрываю от него. Разве может он не догадываться о моих намерениях? Нужно ли мне рассказывать ему о них?

– И ты не боишься, что я кому-нибудь расскажу? – спросила я.

– Твоя ставка слишком высока, я же вовсе не делал ставок, – равнодушно отозвался четвертый принц. – Ты, однако, опасаясь, что малейшая ошибка погубит всю твою жизнь. Ты слишком уж трясешься над своим сердцем, поэтому, ошибившись на этот раз, не уверена в том, что будет следующий.

Закусив губу, я хмуро взглянула на него. Неужели мои мысли для него – открытая книга? Не отрывая от меня глаз, принц едва заметно улыбнулся, протянул руку и, легонько погладив мои нахмуренные брови, мягко произнес:

– Ты не ошибешься.

Я поражено уставилась на четвертого принца, не в силах поверить своим ушам. Он так глубоко спрятал свою жажду заполучить трон, что даже у Канси никогда не возникало ни малейших подозрений. Почему же он рассказал мне обо всем? У меня даже мелькнуло подозрение, что это была слуховая галлюцинация. Изумление не проходило, но в груди стало медленно разливаться тепло, и к тому же защипало в носу. Он резко щелкнул меня по лбу и сказал:

– Теперь мой вопрос.

Я терла лоб, не обращая внимания на боль, и напряженно глядела на него, пытаюсь привести мысли в порядок. Что же он захочет узнать? Несколько мгновений он сурово смотрел мне в глаза, а затем протянул:

– Я хочу знать...

Он остановился, и я затаила дыхание.

– Вчера тебя сильно ударили?

Я выдохнула, после чего недовольно произнесла:

– Снова пугаешь меня! Не очень сильно, но и не совсем слабо. Я постоянно ощущаю легкую ноющую боль. Но Юйтань уже натерла то место мазью, так что ничего страшного.

Четвертый принц вытащил из-за пазухи коробочку с лекарством и поставил ее на стол.

– Принимай по одной крупнице ежедневно утром и вечером, запивая теплой водой. Оно никак не повлияет на действие мази.

Я молча дала понять, что понимаю.

– Что вчера сказал тебе царственный отец? Ты вела себя очень странно, выглядела измотанной и рассеянной и даже не поприветствовала нас.

Вздыхнув, я изложила ему весь наш разговор с императором Канси.

– Что же означает его последняя фраза? – спросила я.

– Сначала скажи, что ты ответила отцу, – слегка усмехнувшись, возразил он.

– «Недостойная не знает», – предразнила я.

Он кивнул.

– Какая разница, говорить или нет? Царственный отец мог расстроиться и разгневаться.

– Его Величество лишь вздохнул, – ответила я, улыбнувшись сжатыми губами.

Принц посмотрел на меня смеющимся взглядом, и я, отвернувшись, чтобы спрятать улыбку, сердито проговорила:

– Я не знала наверняка, о чем думал тогда Его Величество, поэтому, конечно, могла дать только такой ответ. Кроме того, тебе ли смеяться надо мной? Ты не хуже меня умеешь морочить голову. Во время беседы о таком громком деле ты будто бы произносил такие справедливые и суровые слова, но на деле...

Я замолчала и, глядя на него, наморщила нос. Четвертый принц снова весело посмотрел на меня и сказал:

– Думаю, царственный отец решил, будто ты полюбила тринадцатого брата.

– А? – Я взглянула на него и рассмеялась. – Неужели из-за тех скачек, что мы устроили с Миньминь?

– Скорее всего, – кивнул принц. – Отношения Миньминь и тринадцатого брата выглядели так странно, что царственный отец наверняка решил: здесь замешаны любовные чувства.

Я ненадолго задумалась.

– Что же такого тогда господин Суван Гувалгия сказал Его Величеству, что он не стал допытываться до истинных причин?

– Ты разве не думала об этом? – поинтересовался принц.

– Я много размышляла тогда, но кое-что так и не смогла понять, а потому забросила эти мысли, – ответила я. – Однако сейчас, после твоих слов, кажется, все стало ясным.

Он взглянул на меня и поощрительно кивнул, веля продолжать.

– Тогда я не могла понять: скажет ли господин Суван Гувалгия Его Величеству о том, что Миньминь любит тринадцатого принца? Была уверена, что он никогда не сделает этого. Разве он не боялся бы, что Его Величество в таком случае выдаст ее за него замуж? Однако сейчас я осознаю, что тогда это невозможно было утаить. Следовательно, он бы непременно признался Его Величеству в том, какие чувства Миньминь испытывает к тринадцатому принцу, после чего назвал бы какую-нибудь причину, по которой он не желает их свадьбы, и вдобавок убедил бы императора выдать ее замуж за молодого господина Цзоина.

Я вздохнула, а затем продолжила:

– Что же удивило меня и чего я не понимаю, так это почему Его Величество позволил Миньминь стать женой молодого господина Цзоина. Ладно, позволить двум крупным родам породниться, но дать молчаливое согласие на то, чтобы господин Цзоин вступил в борьбу за трон главы?

– Родная сестра старшего господина Иргэн Гьоро – новая госпожа рода Нара, – тихо засмеялся четвертый принц. – Теперь понимаешь?

Сперва я охнула, а потом с улыбкой проговорила:

– Понимаю. Если уравновесить могущество каждого рода, то они будут сдерживать друг друга, бороться друг с другом, и тогда никто из них не сможет по-настоящему укрепить свои позиции.

– Это и есть главная причина, по которой царственный отец дал согласие на брак молодого господина Цзоина и Миньминь, – сказал четвертый принц. – Но была и еще одна: старший господин Иргэн Гьоро. С одной стороны, его мать происходит из знатного рода, который имеет огромное влияние не только на род Иргэн Гьоро, но и на несколько других. С другой стороны, он совершенно не подходит на роль нового главы, в отличие от молодого господина Цзоина. Самое же важное то, что мать господина Цзоина низкого происхождения и она не сможет обеспечить ему никакой поддержки. Поэтому после того как молодой господин Цзоин станет новым главой, ему, несмотря на поддержку рода Суван Гувалгия, придется столкнуться с тем, что в его родном роду старший брат имеет большее влияние, а значит, они будут сдерживать друг друга. Зная это, царственный отец, конечно, дал молчаливое согласие на то, чтобы молодой господин Цзоин вступил в борьбу за место главы.

– Все это слишком сложно, – со вздохом отозвалась я. – Если мы продолжим, то придется вспомнить все родственные связи восьми великих монгольских родов и историю их отношений, а также их внутренние и внешние распри. Мне достаточно лишь примерно понимать ситуацию и знать, что для Миньминь гораздо лучше было стать женой молодого господина Цзоина, а не тринадцатого принца. В данных обстоятельствах Его Величество поступил не только согласно желанию господина Суван Гувалгия, за что тот был безмерно благодарен, но и согласно собственным замыслам. Почему бы и нет?

Четвертый принц слегка усмехнулся и промолчал.

Я склонила голову набок, припоминая тот день, и вдруг, не выдержав, с хохотом рухнула на стол.

– Его Величество же не смогут ввести в заблуждение? – смеясь, спросила я принца. – Много лет назад люди говорили, что мне нравится десятый принц, теперь же уверены, что я влюблена в тринадцатого.

– Я всегда сомневался в том, что тебе может нравиться десятый брат, – покачал он головой. – Но недоумевал, поняв, что ты равнодушна к тринадцатому брату.

Я подмигнула ему и насмешливо произнесла:

– Родной брат всегда лучше всех.

Едва произнеся эти слова, я осознала, что моя фраза прозвучала не совсем корректно. Четвертый принц покосился на меня и ничего не ответил.

Опустившись грудью на стол, я ненадолго задумалась, после чего тихо спросила:

– Той фразой Его Величество хотел сказать, чтобы я следовала своим желаниям или же нет?

– Жоси, царственный отец, без сомнений, горячо любит тебя, – с улыбкой ответил принц. – Судя по тому, как ты описала его тон и выражение лица, отец колеблется, не может принять решение, как с тобой поступить, и он готов считаться с твоими желаниями.

Я опустила голову к поверхности стола, пряча лицо под сложенными руками, и глухо спросила:

– Тогда в будущем Его Величество даст свое согласие?

Он долго молчал. Когда я начала недоумевать, раздался его насмешливый голос:

– Все-таки ты умеешь краснеть.

– Ничего я не краснею! – отозвалась я.

– Нет? – улыбнулся четвертый принц. – Тогда почему у тебя красные уши?

Мое лицо краснело все сильнее, поэтому я продолжала молча лежать на столе, не осмеливаясь снова подать голос.

– Когда затихнут отголоски событий, связанных с наследным принцем, я сразу же пойду к царственному отцу и расскажу ему о том, что мы с тобой полюбили друг друга, – улыбаясь, проговорил он. – Когда отец спросит тебя, ты также должна будешь обо всем ему поведать. Учитывая, как отец относится к нам, он наверняка удовлетворит нашу просьбу.

Пока я молча лежала на столе, погруженная в раздумья, рука четвертого принца легонько опустилась мне на макушку.

– Тебе не нужно думать и переживать обо всем этом, – мягко произнес он. – Я уже обо всем подумал. Твой брак станет хлопотным делом, но я не борюсь за трон и не гонюсь за выгодой для себя, а если я не буду иметь к борьбе за престол никакого отношения, то царственный отец, всегда относившийся к своим детям с добротой, станет любить меня еще больше. Кроме того, он болеет душой за тебя. Уверен, он окажет нам всяческое содействие. Если тебе нечем заняться, подумай о чем-нибудь интересном.

– О чем, например? – озадаченно поинтересовалась я.

– Например, о том, что ты будешь петь на моем следующем дне рождения, – с улыбкой ответил он. – Или о том, какой танец станцуешь для меня, когда мы в будущем поедем за Великую стену.

Я засмеялась.

– Раз господин велел, разве может недостойная не повиноваться?

Внезапно в ворота дважды постучали, и я испуганно вскочила со стула.

– И чего ты такая несдержанная? – вздохнул четвертый принц. – Разве это нечто из ряда вон выходящее, что нужно так пугаться? Я ведь посещаю тебя не впервые.

Повысив голос, я спросила:

– Кто там?

– Ваш покорный слуга Фан Хэ.

Я торопливо захлопнула окно, а когда вышла из комнаты, закрыла и дверь. Отперев ворота, я заслонила собой проем и спросила, понизив голос:

– В чем дело?

Поприветствовав меня, Фан Хэ передал мне лекарство и ответил, также стараясь говорить тише:

– Меня послал четырнадцатый господин. Внутри ясно написано, как следует его принимать.

Почувствовав облегчение, я с улыбкой забрала у него лекарство. Попрощавшись, Фан Хэ тут же развернулся и ушел. Со снадобьем в руке я заперла ворота и вернулась в комнату, где положила его на стол, а затем снова распахнула окно.

Четвертый принц бросил на лежащее на столе лекарство равнодушный взгляд.

– Это прислал тебе четырнадцатый брат?

Поскольку моя совесть была чиста, я честно ответила:

– Угу.

Ничего не сказав, он встал из-за стола.

– Тебе пора? – спросила я.

Четвертый принц кивнул, а затем произнес:

– С того дня, как наследный принц попросил твоей руки, ты была сама не своя. Только недавно тебе стало спокойнее, но царственный отец одной лишь фразой вновь вывел тебя из равновесия. Боюсь, в будущем трудностей будет не меньше. Так ты собираешься им противостоять? Чем сильнее внутренний страх, тем большее внешнее спокойствие следует проявлять. Другие люди, не в силах увидеть суть, не осмелятся действовать. Есть ли здоровое зерно в том, чтобы изнывать от беспокойства и тем самым выдавать себя с головой?

Закусив губу, я кивнула:

– Запомню.

– Мне пора, – сказал принц.

– Хорошо, – отозвалась я с легкой улыбкой.

Он быстро схватил со стола один из исписанных мной листов. Опомнившись, я взмахнула рукой, собираясь отнять его, но тот уже оказался у принца в рукаве.

– Оставлю у себя это свидетельство. Посмотрим в будущем, продвинешься ли ты в каллиграфии.

С этими словами четвертый принц вышел на улицу. Я стояла у окна и наблюдала, как он, подойдя к воротам, протянул руку, чтобы открыть створку, затем обернулся, бросил на меня короткий взгляд и ушел, прикрыв за собой ворота.

Я довольно долго стояла у окна, а потом медленно опустилась на стул. Мне вдруг показалось, что комната стала необычно тихой и пустой.

Глава 3

Непринужденные беседы с родственной душой за чашей вина

Погода становилась все жарче, и император Канси переехал в резиденцию парка Чанчунь с гораздо более живописными видами. Измученные летней жарой, все были крайне раздражены, я же, напротив, ощущала полный покой, разговаривала с людьми улыбаясь и была предельно внимательна, прислуживая Его Величеству. Хотя где-то в глубине моей души еще жил смутный страх, я в то же время была совершенно спокойна.

Синяк на боку полностью зажил даже раньше, чем я успела выпить все лекарство, что дал мне четвертый принц. Увидев вдалеке четырнадцатого принца, я тут же поспешила за ним. В последнее время они с десятым как бы невзначай старались не сталкиваться со мной. Мне было понятно, почему это делал десятый принц, но четырнадцатый? Если все из-за браслета, то ему совсем не обязательно избегать меня.

Поприветствовав принца, я поблагодарила его за присланное лекарство. Тот только улыбнулся, а затем сказал:

– Десятый брат с десятой госпожой такие забавные. Они вдруг перестали, как раньше, после нескольких фраз сразу ссориться и теперь при встрече всегда ведут себя один вежливее другого. Сейчас они совсем не похожи на тех, кто уже давно состоит в браке, а скорее напоминают нежных и стыдливых молодоженов.

Услышав его слова, я радостно захлопала в ладоши. Выходит, даже такие грубые и резкие люди, как десятый принц, однажды могут измениться и стать мягкими, ласковыми.

Мы с четырнадцатым принцем вместе смеялись, радуясь этому событию, но вдруг оба затихли.

– Я виноват перед тобой, – произнес он после долгого молчания. – Вечером другого дня я принес браслет в резиденцию восьмого брата.

Я слушала его, ничего не говоря. Четырнадцатый принц с тихим вздохом опустил голову и продолжил:

– Он тогда был в своем кабинете. С улыбкой взял браслет и тут же, схватив со стола каменную тушечницу, разбил его вдребезги.

Я по-прежнему молчала, кусая губы.

– Тогда восьмой брат, по-прежнему улыбаясь, сказал: «В конечном счете она решила быть со стариной четвертым», – после некоторой паузы добавил он.

Я испуганно вскинула глаза на принца и наткнулась на его испытующий взгляд.

– Это правда? – спросил он.

Я с усилием взяла себя в руки и в свою очередь спросила:

– А ты не поинтересовался у восьмого принца, с чего он так решил?

– Он сказал, что с тех пор, как ты попала во дворец, ты все время вела себя с четвертым братом не так, как с другими, – ответил четырнадцатый принц. – Подавая чай, ты всегда прежде всего руководствовалась предпочтениями четвертого брата и только потом – всех остальных. Также ты в многом старалась помочь ему, вплоть до того, что не пожалела десятого брата, ошпарив его горячим чаем. В сорок седьмом году, когда наследного принца лишили титула, ты после возвращения из поездки за Великую стену стала иначе смотреть на четвертого брата, порой даже краснела.

Принц фыркнул, а затем добавил:

– А потом я и сам вспомнил, что часто замечал, как ты строишь глазки четвертому брату, то улыбаясь, то делая сердитое лицо. Восьмой брат давно внимательно наблюдал за каждым твоим движением, а потому наверняка замечал еще больше.

Я внезапно громко рассмеялась, и четырнадцатый принц, в голосе которого слышались сердитые нотки, озадаченно замер.

– Каков добродетельный восьмой господин! Глубина его размышлений сравнима с глубиной океана! – хохотала я, но, впрочем, мой смех звучал немного печально. – Подумать не могла, что все это время ход его мыслей был именно таким. Оказывается, он никогда не рассказывал о своих истинных намерениях и позволял мне знать лишь то, что хотел, чтобы я знала.

Почувствовав на сердце горечь, я развернулась и пошла прочь. Всегда знала, что он никогда не рассказывает всего другим людям, но даже представить не могла, что тоже вхожу в число этих других. Если уж он с самого начала подозревал что-то и никогда не доверял мне, то как мог вести себя со мной так, будто наши чувства были глубоки и неизменны?

Четырнадцатый принц потянул меня за руку:

– Ты действительно любишь четвертого брата?

Я повернулась и произнесла, глядя ему в глаза и криво усмехнувшись:

– Да, я люблю четвертого принца. Я с малых лет любила его, и мои чувства к нему глубже, чем море. Доволен?

Затем резко сбросила его руку и побежала. Опустив голову, бешено мчалась вперед до тех пор, пока вдруг не врезалась в кого-то. Этот человек придержал меня, и лишь поэтому я не упала. Подняв голову, увидела четвертого принца, который равнодушно разглядывал меня. Стоящий рядом тринадцатый принц с улыбкой спросил:

– За тобой что, тигр гонится?

Изнывая от душевной боли, я изо всех сил оттолкнула руку четвертого принца и пошла дальше. По щекам ручьями лились слезы.

Мгновенно обернувшись, четвертый принц схватил меня за руку и быстро потащил за близлежащий декоративный камень. Там он произнес:

– Что случилось?

Я лишь молча роняла слезы, и он не стал больше ничего говорить, позволяя мне поплакать. Я плакала довольно долго, а затем спросила его:

– В будущем ты правда не будешь лгать мне? Будешь обо всем говорить прямо?

– Да! – отозвался он.

Я кивнула и, достав платок, вытерла слезы, после чего сказала:

– Все в порядке.

Он продолжал молча смотреть на меня, и я добавила:

– Хочешь знать, что случилось? Но мне сейчас не хочется говорить об этом. Можно я не буду?

Он кивнул и, больше ни о чем не спрашивая, произнес:

– Царственный отец ждет нас с тринадцатым братом.

С этими словами он вышел из-за камня, и я последовала за ним. Ждавший в сторонке тринадцатый принц, бросая на меня задумчивые взгляды, с улыбкой спросил у четвертого:

– Теперь мы можем идти?

Тот едва заметно кивнул, и оба принца быстро двинулись прочь.

Десятый принц постоянно избегал меня с того самого дня, как поднял шум в зале Цянь-цингун. Порой я видела где-то вдалеке его силуэт, но не успевала и шевельнуться, как он тут же исчезал. Сколько он планирует от меня скрываться? Хотя мне и было досадно, я подумала и решила: ну и ладно. Теперь он может навеки быть с той, кого действительно любит, и этого довольно. Я была лишь мимохожей-мимоезжей в его жизни. Даже если он совсем перестанет обращать на меня внимание, стоит ли из-за этого беспокоиться?

Сама я скрывалась от восьмого принца и избегала встреч с ним всегда, когда имела такую возможность. Я не винила его. Да, в тот момент, когда только-только услышала слова четырнадцатого принца, действительно расстроилась, поскольку оказалось, что восьмой господин целиком отвергал мои чувства. Все мои многолетние переживания в одно мгновение стали ужасно смешны. Вдобавок я привыкла к его образу нежного и скромного благородного мужа и подсознательно требовала от него быть идеальным, невольно позабыв о том, что он – соперник будущего Юнчжэна и вынашивает планы по его разгрому.

По здравом же размышлении, кто, пребывая в гневе, не произносит резких слов? Разве слова, сказанные мной четырнадцатому принцу, не означали, что я тоже отвергаю его? А что самое важное, открывалась ли я сама ему когда-нибудь? Я таилась от него и даже в минуты объятий, улыбаясь, прятала свои тревоги и недовольство. Как я могу требовать от других того, чего никогда не делала сама?

Он подозревал меня, а я его – нет? С первого взгляда полюбив мою старшую сестру, два года тосковал по ней. После свадьбы его чувства, которые то ли были, то ли померещились ему, превратились в запутанный клубок из любви и ненависти. Разве те чувства, что он, по его словам, испытывал ко мне, не были лишь отражением его любви к Жолань? Сколько осмелились бы, сколько решились бы сказать правду там, среди равнин? Кроме того, его подозрения насчет меня наверняка зависели от моего поведения и становились то сильнее, то слабее. Наберусь смелости и спрошу себя: правда ли, что на тот момент я совсем не думала о четвертом принце? Можно легко сказать любые слова, только вот собственное сердце не обманешь.

Если бы там была сегодняшняя я, с моими намного более отточенными навыками, холодной душой, осознанием собственной беспомощности перед происходящими событиями и готовностью идти на компромисс, прощать и не потакать слепо своим идеям, то, возможно, у нас бы все сложилось иначе. Но прошлого не вернуть! Оно как тот нефритовый браслет: неважно, каким изысканным, ярким и блестящим он был когда-то, сейчас от него остались лишь осколки. Что проку и дальше рассуждать обо всем этом? Ничего уже не вернуть, и мы можем лишь продолжать идти каждый своей дорогой.

Вспомнила о четвертом принце, и мои губы сами собой сложились в улыбку. Я не одна в Запретном городе. Он с охотой слушает о моих страхах, тревогах и огорчениях, разъясняет мне детали сложной обстановки, которые сама не могу разглядеть. Он хочет, чтобы мы были откровенны друг с другом. Не знаю, что будет потом, но сейчас, по крайней мере, положено

хорошее начало. Вспомнив, как он то и дело подтрунивал надо мной, невольно ощутила раздражение. Рядом с ним я постоянно чувствую себя слабой и беспомощной.

В один из дней император Канси и несколько принцев сидели в павильоне у самой воды, любовались лотосами и беседовали. Я внесла поднос с изумрудно-зеленым блюдцем, выполненным в виде листа лотоса. На нем стояла маленькая стеклянная мисочка с охлажденным пудингом из фиников и крахмала, полученного из корней лотоса. Бросив взгляд на блюдо, император с улыбкой заинтересовался у Ли Дэцюаня:

– Как давно Жоси уже не затевала чего-нибудь любопытного?

Ли Дэцюань ненадолго задумался, после чего ответил:

– Уже очень давно.

С этими словами он зачерпнул маленькой ложечкой пудинг и попробовал.

– Сегодня у нее такой вид, будто она снова что-то замыслила, – улыбнулся Его Величество.

Взяв мисочку из рук Ли Дэцюаня, император съел несколько ложек и произнес, кивая головой:

– Неплохо! Выглядит изысканно, вкус сладкий, но не приторный, и тает во рту. В первые мгновения ощущается сильный аромат фиников, под конец же остаются лишь едва уловимые нотки лотосов.

Я торопливо склонилась, благодаря за милость. Император Канси весело спросил:

– Есть еще? Дай каждому попробовать результат твоего мастерства.

– Есть, – с улыбкой ответила я. – Только вот больше нет таких зеленых блюдечек в виде листа лотоса, а без них будет не так хорошо.

Обернувшись, я сделала знак Юйтань, и та внесла несколько стеклянных мисочек. Сначала я подала пудинг наследному принцу. Тот протянул руку, но я, притворившись, что не заметила, тихонько опустила мисочку на стол и с поклоном отошла. Ставя лакомство на стол перед четвертым принцем, не удержалась и со злорадной улыбкой бросила на него короткий взгляд, но тот равнодушно смотрел куда-то вперед, словно и не видя меня. Когда я подошла к восьмому принцу, он с едва заметной улыбкой разглядывал четвертого. Низко опустив голову, подала ему блюдо, поклонилась и перешла к десятому принцу.

Когда я закончила подавать пудинг, братья принялись за еду. Стоя за спиной у Его Величества, я наблюдала, как четвертый зачерпнул пудинг ложкой и отправил ее в рот, после чего нахмурился. Через мгновение его лоб разгладился, лицо стало таким же равнодушным, как прежде, и он принялся неторопливо, ложка за ложкой, поглощать лакомство.

– Как на вкус? – улыбаясь, спросил император Канси.

Принцы принялись один за другим нахваливать блюдо:

– Все именно так, как описал царственный отец.

Один лишь четвертый принц не произносил ни слова.

– А что думаешь ты? – заинтересовался у него Его Величество.

– Ваш сын тоже думает, что это очень вкусно, – ответил тот. – Он хотел прочувствовать послевкусие, а потому не успел ответить.

Я поспешно опустила голову и закусила губу, сдерживая смех.

Когда император Канси закончил трапезу, я собрала посуду и, выйдя, передала ее евнуху, а сама быстро отошла в сторону и принялась хохотать, придерживая рукой живот. Я так хохотала, что у меня на глазах выступили слезы. Оказывается, сдерживать смех – то еще мучение!

Отсмеявшись, я вернулась к Юйтань, и мы вместе приготовили чай, который нужно было подать принцам. Я тихо стояла позади императора и разглядывала умиротворенное лицо четвертого принца, который, улыбаясь, беседовал с Его Величеством и пил чашку за чашкой. Я больше не осмеливалась поднимать голову, и все мои мысли были заняты только тем, как сдерживать рвущийся наружу смех.

Когда Ли Дэцюань помог Его Величеству подняться и увел его, принцы также один за другим покинули павильон. На обратном пути Юйтань шепнула мне:

– Сегодня четвертый господин выпил так много чая...

Прыснув, я вновь покатила со смеху. Юйтань явно была обескуражена моим хохотом, но я махнула рукой и сказала:

– Не обращай внимания, мне сегодня просто весело.

По пути я увидела тринадцатого принца, который стоял под большим деревом, ловя прохладный ветерок. Велев Юйтань идти вперед, я быстро подошла к нему и с улыбкой спросила:

– А где четвертый господин?

– Отправился в отхожее место, – ответил тринадцатый.

Услышав это, я снова расхохоталась. Ну конечно, раз он выпил столько чая!

– Что вызвало у тебя такую бурную радость? – улыбаясь, поинтересовался тринадцатый принц.

То и дело прерываясь и захлебываясь от смеха, я поведала ему:

– В сегодняшнее лакомство для четвертого господина я добавила кое-что, чего не было у других.

– Что же?

– Соль, – проговорила я, держась за живот.

Тринадцатый принц изумленно застыл и долго стоял, не веря своим ушам, после чего вдруг тоже расхохотался.

– Так и думал! Неудивительно, что четвертый брат не пил чай, а вливал его в себя. Ха-ха... Великое Небо! А ты не из трусих, раз осмеливаешься шутить даже над четвертым братом, да еще и перед лицом царственного отца.

– А кто позволял ему постоянно подшучивать надо мной? – сказала я со смехом. – И если бы это происходило не в присутствии Его Величества, разве он позволил бы мне своевольничать?

Едва успев договорить, я увидела идущего в нашу сторону четвертого принца и торопливо сказала:

– Я пошла.

И уже хотела сбежать, как тринадцатый принц схватил меня и со смешком произнес:

– Если такая смелая, что решилась на поступок, то не убегай.

Нервно топнув ногой, я умоляюще протянула:

– Боюсь, сейчас он сильно разгневан, поэтому позволь мне сперва спрятаться.

Поколебавшись, тринадцатый принц разжал руку, и я тут же поспешила прочь. Однако не успела пробежать и нескольких шагов, как сзади послышался холодный голос четвертого принца:

– Вернись.

Он не повышал тона, но мои ноги сами замедлили шаг, а затем и вовсе остановились. Потоптавшись немного, я развернулась и, повесив голову, медленно заковыляла обратно.

Я украдкой взглянула на четвертого принца. Он стоял под деревом рядом с тринадцатым, и по его каменному лицу невозможно было понять, в каком он настроении. Тринадцатый же принц смотрел на меня с некоторым беспокойством.

Подойдя ближе, я молча замерла, опустив голову. Некоторое время четвертый принц рассматривал меня, не произнося ни слова, а потом внезапно сказал тринадцатому принцу:

– Иди вперед.

Я тут же вскинула на тринадцатого несчастные глаза, но тот лишь покачал головой, показывая, что сочувствует, но ничем не может помочь, и ушел.

Я долго стояла, опустив голову, но четвертый принц молчал. Не в силах дольше выносить его взгляд, подняла голову и произнесла:

– Делай что хочешь: бей, наказывай как угодно, но не томи так.

– Дай руку, – бесцветным голосом сказал он.

Я хмуро взглянула на него. Все-таки действительно хочет наказать? Да не может быть такого! Надув губы, я протянула ему руку. Он протянул свою мне навстречу, и, пока я ждала, что его ладонь опустится на мою, он уже схватил меня за руку и повел за дерево.

Прислонившись к стволу спиной, четвертый принц привлек меня к себе так, что я почти оказалась у него в объятиях, и спросил:

– Сейчас ты меня уже не боишься?

– А когда это я тебя боялась? – ответила я.

Он сжал мою руку. Мне стало немного больно, и я торопливо добавила:

– Раньше немного боялась.

– Немного? – хмыкнул принц.

Я заискивающе улыбнулась и зажестиковала:

– Немного и еще вот столечко.

– Похоже, лучше, когда ты пусть немного, но боишься, – сказал он.

Я окинула его взглядом, опустила голову и стала ждать, пытаясь угадать, как же он заставит меня бояться. Прошло несколько мгновений. Он внезапно отпустил мою руку и куда-то пошел. Я на миг оцепенела от растерянности, а затем бросилась вдогонку, спрашивая на ходу:

– Ты правда разозлился?

Принц сжал губы и продолжил идти, устремив глаза куда-то вперед.

– Не замечаешь меня? – взволнованно спросила я.

Он по-прежнему даже не смотрел на меня.

Обеспокоенная, я, не обращая внимания на то, что мы оба шли по дороге, схватила его за рукав и произнесла, преграждая ему путь:

– Я больше не буду шутить над тобой.

Четвертый принц остановился и негромко сказал:

– Я не был зол.

Выражение его лица заставило меня расслабиться. Я тут же отпустила его рукав и отошла в сторону. Он, широко шагая, продолжал свой путь, а я спешила следом, идя чуть сбоку.

– А почему тогда ты сейчас молчал, будто воды в рот набрал? – поинтересовалась я.

– Я очень хочу пить, – нахмурившись, ответил принц.

Зная, что смеяться не стоило, я, пройдя за ним еще немного, не утерпела и, опустив голову, глухо захихикала, изо всех сил стараясь делать это как можно тише. Четвертый принц бросил на меня быстрый взгляд, и я тут же закусила губу, сдерживая смех, но спустя какое-то время снова рассмеялась. Не обращая на меня внимания, он продолжал быстро шагать вперед.

Увидев вдалеке одного из евнухов, торопливо подозвала его и с улыбкой велела:

– Немедленно налей чашку чая и принеси, да поскорее.

Евнух умчался. Повернувшись к четвертому принцу, поклонилась и, попросив позволения удалиться, весело сказала:

– Пусть господин немного подождет. Чай, полагаю, принесут очень быстро.

Он, нахмурившись, махнул мне, и я с улыбкой на лице развернулась и ушла.

Вечером перед сном я лежала, снова и снова вспоминала произошедшее и смеялась, а устав хохотать, провалилась в сон. На следующее утро, когда я встала с постели, Юйтань отметила, с улыбкой глядя на меня:

– Давно не видела, чтобы у тебя, сестрица, было столь чудное настроение. Даже глаза – и те смеются.

Издав удивленный возглас, я спросила:

– Правда?

Юйтань закивала.

Я торопливо открыла шкатулку для туалетных принадлежностей и взглянула в зеркальце. И правда, вот они, морщинки от смеха в уголках глаз. Когда я в последний раз так искренне веселилась? Так давно, что теперь и не вспомню.

Пик лета давно миновал, но жара так и не растопила дурной нрав наследного принца и даже не смягчила его. Напротив, чем дальше, тем больше он нервничал и горячился. Вспоминая о том, что остаток жизни ему суждено провести в темнице, я начинала ему сочувствовать. Затем меня посещала мысль о том, что, не оказись он в темнице, я бы наверняка стала его женой. Если бы мне дали выбирать, выйти за него замуж или посадить его за решетку, я бы без раздумий выбрала второе. А значит, мое сочувствие было фальшивым. Люди вспоминают о сочувствии лишь тогда, когда у них самих все в порядке.

Император Канси с супругами, принцами и их женами, а также молодыми гэгэ собрались в зале Верховной гармонии на торжестве по случаю Праздника середины осени. Прислуживающие евнухи и придворные дамы хлопотали, пока те, кто был свободен от службы, пили вино, собравшись вместе, и наслаждались праздником.

Неся в руке короб с едой, я сначала хотела вернуться к себе, но затем вдруг передумала. «В саду Юйхуаюань, – подумалось мне, – сейчас наверняка никого нет, и там как раз распустились цветы на нескольких деревьях османтуса. Чем сидеть одной у себя в комнате, не лучше ли пойти туда и пить вино, любуясь луной и цветами?»

Сад Юйхуаюань и правда был тих и безмятежен. В прохладных, как осенние воды, сумерках разливался дурманящий аромат османтусов. Невольно замедлив шаг, я несколько раз глубоко вдохнула и вскинула голову, глядя на луну. В этот миг откуда-то донесся тихий звук флейты, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности.

Успокоившись, я несколько удивилась. Кто тут играет на флейте? Не торопясь искать этого человека, я поставила короб на землю и прислонилась спиной к дереву. Запрокинув голову, я смотрела на полную луну и слушала мелодию, в которой узнала «Песню о цветах сливы в трех куплетах». Зимняя слива в снегу, возвышенна и чиста, хотя цветов на ней немного, колышется на ветру, радуясь своей доле. Говорят, что по характеру исполнения можно узнать, кто музыкант. И я, догадываясь о том, кто это был, с улыбкой подняла с земли короб и отправилась на поиски источника звука.

Я еще не дошла до него, когда звуки флейты вдруг стали печальными, словно налетел порыв ветра и с цветущей сливы облетели все лепестки, не желавшие покориться, но вынужденные смириться с тем, что им придется лежать в пыли. Я была поражена: когда это он успел испытать подобную печаль? Невольно замедлив шаги, я тихонько приблизилась.

Тринадцатый принц стоял под деревом османтуса и играл на флейте. Он совсем не напоминал обычного непослушного весельчака. Напротив, его лицо было умиротворенным и торжественным.

«Умел в стрельбе из лука с коня, стрелы всегда попадают в цель. Мчится на коне быстро, как ветер. Искусно составляет тексты и слагает стихи, превосходит других в музыкальном искусстве, обучен игре на цине и флейте»¹⁰. Как мог такой вольный, открытый, талантливый во всем, незаурядный молодой человек выстрадать десять лет в темнице? При мысли об этом мои глаза заволокло слезами, и все кругом стало размытым.

Не закончив мелодии, тринадцатый принц отнял флейту от губ и взглянул на меня. Я тут же заставила себя повеселеть и с улыбкой шагнула к нему, спрашивая:

– Почему ты не доиграл до конца? Или я сбила твой возвышенный настрой?

– Я не знал, что это ты, – с усмешкой сказал он. – Просто понял, что кто-то тайком слушает мою игру, и перестал.

Я покосилась на кувшин, стоявший рядом на каменном столе, и спросила:

– Почему ты не остался в зале с Его Величеством? Почему вдруг бросил госпожу и прибежал сюда в одиночестве распивать вино?

– А что, только тебе можно прийти и выбрать себе хорошее местечко? – ответил он, со смехом разглядывая короб с едой у меня в руках. – Разве я не могу сделать то же самое?

Я засмеялась и ничего на это не сказала. Открыв короб, вытащила два чайничка с вином и сделала рукой приглашающий жест. Усмехнувшись, тринадцатый принц присел на каменную скамью, взял у меня из рук один из чайничков и тут же сделал глоток.

Я пристроилась рядом и чокнулась с принцем, после чего мы оба запрокинули головы и приложились к чайничкам. Некоторое время тринадцатый принц, откинувшись на спину, любовался луной, после чего произнес:

– Уже много лет мы не пили вместе.

– Восемь лет! – вздохнула я.

Мы оба застыли неподвижно, в полном молчании глядя на луну.

Прошло немало времени, прежде чем тринадцатый принц повернул ко мне голову и с улыбкой сказал:

– Невероятная удача, что сегодня мы встретились и оба захватили вина. Нам надо хорошенько выпить, иначе кто знает, вдруг нам снова выпадет такая возможность лишь спустя еще восемь лет?

Он говорил это в шутку, не подозревая, что его слова окажутся правдивыми. Какие там восемь? Десять лет темницы! Я знаю, что через десять лет ты окажешься на свободе, однако понятия не имею, где буду в это время я. Если суждено, через десять лет, возможно, мы снова выпьем вместе. Если же нет – этот кувшин вина, быть может, станет последним перед разлукой.

Скорбя в душе, я заставила себя улыбнуться и произнесла:

– Нам следует напиться до бесчувствия. С тех пор как ты в прошлый раз напоил меня, я ни разу не напивалась.

Тринадцатый принц чокнулся со мной и приподнял брови:

– Очевидно, в прошлый раз ты сама схватила флягу и начала хлестать с таким лицом, словно жалела, что нельзя опьянеть мгновенно. Почему это я тебя напоил?

– Если бы ты меня не похитил и не уволок, стала бы я хлестать? – спросила я, глядя на него и как бы говоря: «Только попробуй снова сказать, что это не твоя вина».

Тринадцатый принц хохотнул:

---

¹⁰ Орывок из «Исторического описания Восьми знамен», опубликованного в 1739 году. Содержит подробное описание административного и социального устройства «Восьми маньчжурских знамен», а также биографии императоров и членов их семей.

– Хорошо, хорошо, пусть так, в прошлый раз я напоил тебя. Но запомни: сегодня ты сама принесла вино и пришла сама, так что потом не говори, что это я тебя напоил.

Обмениваясь шутками и смеясь, мы пили вдвоем. Вскоре наши чайнички опустели. Улыбнувшись, тринадцатый принц стукнул принесенным им кувшином о стол и сказал:

– Я предусмотрителен.

– Точно-точно, – со смехом отозвалась я и вытащила две пиалы.

Принц засмеялся:

– Ты делаешь все в точности так, как сделал бы я. Ты изначально собиралась пить именно так, а не ходить вокруг да около, нетерпеливо потягивая из маленькой чашечки.

Каждый налил себе по пиале, и мы продолжили пить, погружившись в молчание. Я размышляла о том, что ждет тринадцатого принца в будущем, о собственной судьбе, о которой мне не было известно ничего, и на душе у меня стало тягостно. Не знаю, о чем вспоминал тринадцатый принц, но в его глазах тоже стояла тоска.

Время от времени мы чокались друг с другом и выпивали по глотку, продолжая печалиться каждый о своем. Легче всего опьянеть в минуту скорби. Кроме того, мы уже выпили немало, так что оба были слегка под хмельком. Внезапно мы оба расхохотались. Смеясь, я упала грудью на каменную столешницу и тайком вытерла выступившие слезы.

Вдруг раздались печальные звуки флейты – та мелодия, которую принц не доиграл. Повернув голову, я молча посмотрела на него. Почему же он так печален?

Завершив мелодию, он сжал флейту в руке и, выступив вперед, нараспев прочитал:

*Склонилась ива над перилами моста,
А в роце – хижина и персики в цвету.
Весна явилась в эти дивные места,
Им третий месяц дал Цзяннани красоту.*

*Сребристый месяц выплывает в небеса.
Доносит звуки флейт вечерний ветерок,
Парящих чаек над водою голоса.
В тиши виднеется спустившей паруса,
Объятый дремой лодочки дощатый бок¹¹.*

Подперев щеку рукой, я улыбнулась и произнесла:

– Говорят, что обладающие блестящим литературным талантом должны уметь слагать стихи за семь шагов¹². Ты же сочинил столь длинное стихотворение, сделав всего три или пять. Заткнешь за пояс самого Цао Чжи?

Тринадцатый принц покачал головой и лениво протянул:

– Я давно его написал. Просто почувствовал острую печаль, вот и вспомнил его.

Некоторое время я молча разглядывала его, после чего со вздохом сказала:

– Как славно было бы, если бы ты не родился в семье императора! Тогда тебе не пришлось бы наслаждаться безмятежностью лишь в стихах.

Он стоял, повернувшись боком и заведя руки за спину, и с запрокинутой головой любовался луной.

---

¹¹ Стихотворение «Подпись к картине» за авторством Иньсяна, тринадцатого принца.

¹² Отсылка к истории о поэте Цао Чжи, которому его брат, император Вэньди (династия Вэй), заподозрив его в намерении отнять престол, под угрозой смерти приказал сочинить стихотворение за время, которое нужно, чтобы пройти семь шагов. Поэт справился: он написал стихотворение «Плач бобов», которых варили на их же ботве: «Мы же от одного корня: зачем же нас обжигать так жестоко?!» Часто упоминается в китайской литературе в качестве образца таланта и остроумия.

– Сколько раз я сам думал об этом! – проговорил принц после долгого молчания. – Я мечтал, что однажды смогу быть свободным, ездить верхом, носить с собой флейту, меч и иметь возможность отправиться куда угодно. Пускать стрелы на севере, слушать музыку в Цзяннани. Ночевать под открытым небом, пить вино и фехтовать, когда буду в веселом расположении духа. А в минуты, когда мной овладеет возвышенное настроение, при свете лампы слагать стихи в присутствии красавицы. Однако в этой жизни я родился в семье императора, и, даже если сам могу сбежать из клетки, есть те, кого не могу оставить. Я не хочу бросать его одного перед лицом тяжких испытаний. У него есть матушка, есть родной младший брат, но не будь их – ничего бы не изменилось.

Он внезапно осознал, что из его глаз текут слезы, но вытирать их было бесполезно: стоило смахнуть старые, как на их месте тут же появлялись новые. Повернув голову, тринадцатый принц взглянул на меня, не произнося ни слова.

Вытирая слезы обеими руками, я делано улыбнулась и сказала:

– Мы немало выпили, и вино теперь выходит через слезы.

Принц дернул уголками рта, пытаясь засмеяться, но так и не смог. Вернувшись к столу, он взял пиалу и, запрокинув голову, одним глотком осушил ее.

Я тоже сделала большой глоток, а затем положила подбородок на ладонь и произнесла:

– Тринадцатый принц, это удивительно, что мы с тобой нашли друг друга в Запретном городе и наши мысли так схожи. Было бы славно, если бы мы могли быть вместе. Странно, но почему же я тебе совсем не нравлюсь?

Тринадцатый брат, который в этот момент как раз пил вино, тут же поперхнулся. Откашлявшись, он повернул ко мне голову и поднял брови:

– Недоумеваю, как же так: такой выдающийся и исключительный, нахожусь рядом с тобой, но не замечаю, чтобы нравился тебе!

– Даже я, запертая во внутренних покоях, немало слышала о твоих романтических приключениях и страдающих девушках. Тебе мало, что ли? – покосившись на него, язвительно произнесла я. – Когда ты обыкновенно идешь куда-то, хватает ли у тебя смелости оглядываться?

– А почему я должен бояться оглянуться? – спросил тринадцатый принц с недоумением.

– Не боишься оглянуться и увидеть за спиной гору осколков из разбитых сердец? – ответила я, сдерживая смех.

Он захохотал, качая головой, а потом сказал, показывая на меня:

– Да про тебя можно сказать то же самое!

Мы переглянулись и дружно засмеялись.

– Я спросила первой, – с улыбкой напомнила я. – Поэтому ты первым отвечай.

Опустив голову, он ненадолго задумался и заговорил снова.

– Впервые я увидел тебя, когда вы подрались с Миньюй-гэгэ, и самое глубокое впечатление оставило то, какой яростной и грубой ты была. Как ты могла мне понравиться? Моя матушка скончалась очень рано, и ее облик с каждым днем все сильнее изглаживается из моей памяти, но я никогда не забуду ее нежные объятия. Она тихо напевала мне на ухо красивые песни, всегда разговаривала мягким, ласковым тоном, а когда смеялась, ее смех журчал, словно воды. Но ты... – Принц с затаенной улыбкой взглянул на меня. – Чересчур дерзкая!

– Типичный случай эдипова комплекса, – кивнув, заявила я.

– Какого комплекса? – недоуменно спросил тринадцатый принц.

С улыбкой глядя на него, я пояснила:

– Это когда человек страстно жаждет материнской любви и неосознанно надеется на то, что жена будет с ним так же ласкова, как его мать, и будет так же любить и жалеть его.

Отчасти поэтому тринадцатый принц не любил Миньминь. Она очень хорошая, но не та, кто ему нужен.

Тринадцатый принц на мгновение замер, а затем улыбнулся:

– Возможно, ты права. А что насчет тебя?

Я опустила голову и тоже ненадолго задумалась, после чего подняла голову и произнесла, глядя ему в глаза:

– Я скажу тебе, но ты не должен никому об этом говорить.

Подумав еще немного, добавила:

– Никому, даже четвертому принцу.

Принц с улыбкой кивнул, заметив:

– Похоже, ты считаешь меня изрядным болтуном.

Тогда я, продолжая одновременно обдумывать свои слова, начала:

– Я всегда была пассивной в том, что касалось отношений между мужчиной и женщиной.

Затем произошло кое-что, из-за чего я стала еще более пассивной, а когда попала во дворец, начала совсем жестко оберегать свое сердце практически от всего. Я ужасно боялась совершить непоправимую ошибку, о которой буду жалеть до конца жизни. У мужчин Запретного города слишком много жен, а я в глубине души всегда отказывалась делить мужа со столькими женщинами...

Тринадцатый принц в изумлении вытаращился на меня, и я, бросив на него короткий взгляд, беспомощно продолжила:

– Вряд ли ты сможешь это понять, но я действительно так думаю. Впрочем, это вовсе не самое важное. Сколько бы ни было в жизни вещей, перед лицом которых человек чувствует себя бессильным и которые не может принять, он в конце концов всегда постепенно примиряется с ними. Прямо как ты, который поначалу не желал участвовать в борьбе за власть, а потом все же вступил в нее. Даже если не хочу, я уже медленно принимаю то, что не могу изменить. Возможно, по-прежнему не могу смириться, борюсь из последних сил, но разве я способна противостоять всему обществу?

Горько рассмеявшись, я взглянула на тринадцатого принца и покачала головой.

– Важнее всего то, что я, хотя и жажду, чтобы кто-нибудь искренне, со всей душой полюбил меня, в то же время не верю, что во дворце найдется человек, способный на это, – продолжила я с тихим вздохом. – А если я не верю, то мое сердце не сможет по-настоящему открыться кому-то и принять его. Возможно, слишком слаба и нерешительна, чересчур боюсь обжечься. И не могу, как Миньминь, сделать шаг первой, бороться, добиваться; всегда пассивна и жду, пока человек сам сделает первый шаг, заставит меня хоть немного поверить. Лишь тогда я, возможно, открою ему свое сердце и однажды полюблю.

Глядя на серьезное выражение лица тринадцатого принца, я коротко усмехнулась и непринужденно продолжила:

– Теперь ты, должно быть, понимаешь, почему я не могла полюбить тебя? Потому что ты не полюбил меня первым.

– Похоже, мне стоит сказать четвертому брату, чтобы он продолжал прикладывать усилия, – нахмурился он. – Твое сердце не так просто взволновать, а он заранее проигрывает оттого, что у него уже есть жена. Однако, к счастью, этим он ничем не отличается от других.

– Тебе не стоит лезть в наши дела, – сказала я немного смущенно.

Тринадцатый принц засмеялся и чокнулся со мной, после чего мы оба выпили по несколько глотков вина. Улыбка исчезла с лица принца, и он медленно проговорил:

– Жоси, меня не волнует то, что произошло между тобой и восьмым братом. Сейчас ты дала обещание четвертому и должна обратиться к нему всем сердцем и всеми помыслами.

Моя рука дрогнула. Чашка выскользнула и упала на землю, разбившись вдребезги. Пребывая в смятении, я очень долго молчала, прежде чем нашла в себе силы поднять голову и взглянуть на него:

– Откуда ты знаешь? Четвертому принцу тоже это известно?

– Четвертый брат пока не знает, – покачал головой он. – Во-первых, ты действительно хорошо скрывала это, а во-вторых, мы все это время думали, что тебя что-то связывает с четырнадцатым братом, потому все наше внимание было сосредоточено на нем. Я узнал правду совершенно случайно: слышал, как Миньминь рассказывала, что ты учила ее петь арии, а потом позвала восьмого принца послушать. Когда я позднее стал расспрашивать ее об этом, она лишь что-то мямлила, не желая говорить. Тогда я и начал что-то подозревать. Мои подозрения укрепились в тот день, когда десятый брат расшумелся, грозясь развестись с супругой: ты не смогла даже твердой рукой подносить чай из-за одного лишь взгляда, который бросил на тебя восьмой брат. Впрочем, я ни в чем не был уверен и сейчас говорю это только для того, чтобы проверить тебя. А оказалось, что все так и есть.

Я печально взглянула на него и умоляюще произнесла:

– Четвертый принц ни в коем случае не должен узнать об этом.

– Я не скажу ему, – сказал тринадцатый принц. – Хотя во всем этом действительно есть нечто неподобающее, ты слишком плохо думаешь о четвертом брате! Цзоин все же простил Миньминь, так разве четвертый брат не может простить тебя?

Я покачала головой.

– Никогда не считала, что если девушке мог кто-то нравиться до свадьбы, в этом есть нечто предосудительное. Неужели только мужчине позволено брать в жены девушку, уже до этого обзаведясь несколькими женами и наложницами, в то время как у нее нет права даже до замужества любить кого-то? Я вовсе не считаю, что сделала что-то неподобающее, и была бы не против, если бы четвертый принц об этом узнал. И я бы давно сама ему обо всем рассказала, если бы меня что-то связывало с десятым, четырнадцатым принцем или кем угодно другим. Но восьмой принц – единственный, о ком говорить ему ни в коем случае нельзя.

– Как это понимать? – в замешательстве спросил тринадцатый принц.

– Я не могу тебе этого сказать, – с отчаянием в голосе ответила я. – Но восьмой принц и правда единственный, о ком нельзя ему говорить. Возможно, четвертому принцу и сейчас, и потом было бы все равно, но я не могу рисковать. Подобный риск я на себя взять не могу.

С этими словами я опустила подбородок на ладонь и молча застыла, глядя в пустоту, с ощущением боли и тоски в сердце.

Тринадцатый принц тихонько вздохнул и сказал:

– Я не до конца понимаю, о чем ты говоришь, но верю тебе. Без сомнений, у тебя есть на то свои причины.

Не сдержавшись, я протянула руку и, ухватив его за предплечье, легонько потрясла. До чего же мне повезло иметь такого друга, как тринадцатый принц!

В ответ он легонько похлопал меня по руке и мягко улыбнулся. Сделав несколько глотков вина, принц сказал:

– В прошлом я надеялся, что вы с четвертым братом будете вместе. В конце концов, он самый близкий для меня человек, а ты родственная душа, которой я очень дорожу. Однако в дальнейшем, когда ты не хотела, я, даже если не мог осмыслить твои противоречивые слова и поступки, все же не желал принуждать тебя. Четвертый брат стал относиться к тебе с большим вниманием, но все же мог спокойно прожить и без тебя. Когда ты вернула шпильку и ожерелье, он посмеялся над самим собой и шутливо сказал мне: «Она желает до конца жизни оставаться незамужней, даже написала строку “Вдруг очутилась возле Будды при свете меркнущих лампад...”¹³ Не станет же она в следующий раз говорить, что скорее умрет, чем выйдет замуж? Ладно, не будем заставлять ее!» Договорив, он выбросил то, что ты вернула, и больше о тебе

---

¹³ Цитата из романа «Сон в красном тереме» (пер. В. А. Панасюка). Выражение «сидеть с лампадой, имея в товарищах одного Будду» означает не выйти замуж, только и делать, что каждый день ходить в часовню и молиться.

не вспоминал. Однако после возвращения из поездки за Великую стену намерения четвертого брата изменились, и он даже отыскал ожерелье.

– Это все из-за нефритовой подвески? – спросила я, не удержавшись.

Тринадцатый принц смерил меня внимательным взглядом:

– Ты думаешь, что все как один похожи на наследного принца?

Я закусила губу и ничего не ответила.

– Ну и дурочка же ты! – со смехом проговорил он. – Разумеется, в тот день всех поразила Миньминь, но пронзительные восхищения именно тобой. Песню сочинила ты, танец поставила ты, и то прекрасное, словно из диковинного сна, зрелище тоже твоих рук дело. Даже я по сей день думаю о том, как, должно быть, ослепительно ты бы выглядела, если бы сама пела и танцевала, а что уж говорить о четвертом принце? Однако самым поразительным было твое отношение к Миньминь. Разве найдется в Запретном городе хоть одна подобная тебе девушка, которая бы не стала соперничать с другой, придумывать уловки, чтобы превзойти ее? Многие хоть и выглядят тихими и скромными, но это лишь прием вроде тактического отступления, чтобы затем перейти в атаку. Ты же по-настоящему хотела, чтобы Миньминь ослепила всех своей красотой. Чтобы одна девушка искренне оберегала другую и восхищалась ей, помогая той приумножить свою красоту, – такого я, признаться, еще не встречал, и полагаю, что четвертый брат тоже!

Он пригубил вино, а затем с улыбкой добавил:

– А кроме того, стоит вспомнить все, что ты сделала, чтобы защитить четырнадцатого брата. Ты вполне способна на то, что зовут словом «верность»!

Я с грустным смешком покачала головой.

– Четвертый брат всегда и все старается делать сам, спокойно и рассудительно, – продолжал принц. – Поэтому, заметив, что он много дней подряд носит при себе шпильку и ожерелье, но мешкает, не зная, стоит ли вернуть их тебе, я внезапно осознал, что ты не просто привлекла его внимание. В тот день, когда ты подошла и в твоей прическе была та самая шпилька, я почувствовал огромное облегчение. Когда десятый брат ударил тебя, я видел, как на краткий миг в глазах четвертого брата мелькнула мука, хотя ты сама тогда ни капли не огорчилась за себя. В итоге, покинув дворец, четвертый брат первым делом отправился за лекарством.

«Вот как, – растерянно подумала я. – Тогда я не обратила внимания, а оказывается, боль от того удара он разделил со мной».

Тринадцатый принц, подражая четвертому, соорудил серьезное лицо и сказал, глядя на меня холодно и бесстрастно:

– В резиденции четвертого брата всегда действовали весьма строгие порядки, и никто никогда не осмеливался там безобразничать. Не нужно даже розог: стоит четвертому брату сделать подобное суровое лицо и посмотреть эдаким холодным взглядом, как все кругом начинают дрожать от страха.

Я стукнула его разок и захихикала:

– Ну хватит, ты вовсе не похож на четвертого господина. Подражаешь тигру, а похож на кота.

– В тот раз, когда ты подшутила над четвертым братом, я действительно беспокоился за тебя, – заявил он, смеясь. – Но когда позднее спросил его о том, как он тебя наказал, он неожиданно равнодушно ответил, что «не такое уж это серьезное дело, пусть делает что хочет, редко увидишь ее такой радостной».

Я пристально разглядывала валяющиеся на земле осколки фарфоровой пиалы, чувствуя, как внутри разливается некое смутное, но приятное ощущение. Затем резко схватила чашу тринадцатого принца и с бульканьем вылила в себя все вино. Забрав пустую пиалу, принц заново наполнил ее и тоже сделал несколько больших глотков.

Потом он оперся руками о стол и, наклонившись к самому моему лицу, торжественно произнес:

– Жоси, неважно, в чем причина – боишься ли ты, что царственный отец выдаст тебя замуж, или же действительно любишь четвертого брата, – ты так или иначе уже дала ему обещание, и теперь должна хорошо заботиться о нем. Если из-за восьмого принца ты ранишь его сердце, я не прощу тебя. Я презираю непостоянных женщин, готовых причинять боль как себе, так и другим.

С этими словами он красноречиво взглянул на меня.

– Если уж я сделала выбор, то у нас с восьмым принцем больше никогда не будет никаких отношений, – мгновенно отозвалась я. – Потому что тоже ненавижу запутанные и беспорядочные связи.

Тринадцатый принц медленно опустился обратно на свое место, глотнул вина и проговорил:

– Жоси, четвертый брат из тех, кто очень глубоко прячет свои настоящие чувства, и ему сложно сблизиться с кем-то. Все видят лишь его внешний холод, и никто не знает о том, какое горячее у него сердце. Его слова резки и холодны, жены и дети боятся его, не подозревая, что за резкостью скрывается душевное тепло. Имея подобный склад характера, очень легко самому стать несчастным. Если что-то случается, я, хотя и могу поговорить с ним, способен лишь частично разделить его переживания, но не могу разделить с ним его тоску, а потому он был и остается очень одиноким. Я всегда надеялся, что появится кто-то, кто заставит его улыбнуться, когда он будет расстроен, а в минуту одиночества возьмет за руку, давая понять, что он не один. Ты постоянно твердишь, что почти не читала книг, но я знаю, ты читала не меньше, чем любой из нас. В глубине души ты прячешь собственные убеждения, отличающиеся от общепринятых. Когда беседуешь с тобой, начинает казаться, будто ты совсем не из тех девушек, которых воспитывают на женской половине: ты словно сама путешествовала по этим знаменитым горам, своими глазами видела эти реки, озера и моря.

Он пристально взглянул на меня и веско добавил:

– Тебе стоит только захотеть – и вы с четвертым братом без всяких сомнений сможете открыть сердца друг другу, потому что ты способна понять его устремления, его страдания и его боль.

Я застыла, глядя в одну точку. Тринадцатый принц долго молчал, повесив голову, а затем внезапно вскричал:

– Жоси, есть кое-что, что ты непременно должна зарубить себе на носу! Вряд ли у меня еще будет возможность хорошенько тебе это растолковать, так что лучше уж высказать все сейчас.

После этого он с жалостью посмотрел на меня и продолжил:

– Все эти годы царственный отец любил тебя, несомненно, потому, что ты ловкая и смысленная, отдаешь все свои силы служению Его Величеству. Однако важнее всего то, что ты редкий для Запретного города человек, в котором нет алчности. Ты никогда не стремилась к власти и личной выгоде, ни к кому не относишься пристрастно, ни на кого не давила – просто всей душой служила императору. Тебе следует поступать так и впредь. На протяжении многих лет ты ослепительно блистаешь – по крайней мере, так кажется на первый взгляд. Мы, принцы и супруги Его Величества, улыбаемся при встрече лишь Ли Дэцюаню, тебе, ну и, конечно, высокопоставленным чиновникам. Однако одному небу известно, сколько людей во всем Запретном городе тайком завидуют тебе и ненавидят тебя. Ты можешь жить спокойно и беззаботно не потому, что восьмой брат – муж твоей старшей сестры, и не потому, что водишь близкую дружбу со мной, с десятым и четырнадцатым братом, а оттого, что царственный отец души в тебе не чает! Если ты вступишь в нашу борьбу, тут же потеряешь доверие императора и его благосклонность. А если это произойдет, вся ненависть, что копилась годами, хлынет изо всех

щелей. Эх, Жоси! Разве сможешь ты вынести подобное? Кроме того, это всегда было нашей, мужской борьбой! Мы сражаемся ради собственных стремлений и личных интересов, желаем заполучить больше почета, больше власти, жаждем занять самое высокое место. Неважно, чем все кончится, – это станет той ценой, которую мы должны заплатить. Но с какой стати ты должна жертвовать собой ради наших устремлений? Ты не должна платить такую цену.

– Почему? Почему нужно напоминать мне обо всем этом? – спросила я с отчаянием в голосе, обхватив голову руками. – Я не хочу всего этого знать.

– Восьмой принц – муж твоей сестры, – мягко сказал тринадцатый принц. – К тому же тебе все еще с ним... С десятым и четырнадцатым братьями тебе тоже будет тяжело расстаться, но ты уже дала обещание четвертому брату, а значит, теперь ты в его лагере. Я опасаясь, что ты, пойдя на поводу у чувств, в одночасье впутаешься в нашу борьбу. Знаю, все происходящее причиняет тебе боль, но, если ты сунешься в это, пострадаешь еще больше.

Некоторое время он молча пил вино. Затем со вздохом произнес:

– Вот она, семья государя! Неизбежные распри и страдания, и никому не под силу это остановить! Даже наш мудрый царственный отец может лишь беспомощно наблюдать за происходящим, а ты и подавно! Жоси, все, чего я хочу, – чтобы в будущем ты была рядом с четвертым братом и хорошо заботилась о нем, не думая ни о чем ином. Кто одержит верх – исключительно наше дело.

После этого он хлопнул меня по плечу и воскликнул:

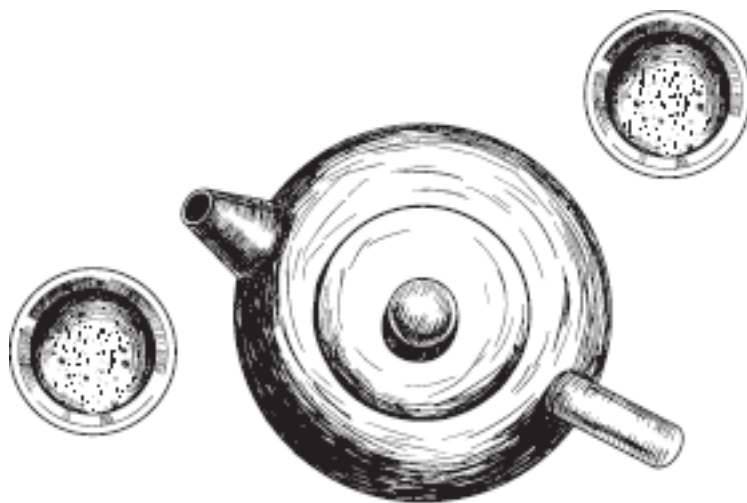
– Мы условились, что сегодня напьемся допьяна. Не будем больше говорить о скучном, будем пить!

Я тут же осушила пиалу, надеясь поскорее захмелеть и выкинуть все это из головы. Тринадцатый принц тоже, казалось, имел намерение спить меня, а потому наливал мне чашу за чашей.

Вскоре перед глазами все поплыло. Помню, я только бормотала что-то и предлагала выпить еще, а затем, как обычно после опьянения, уронила голову на грудь и провалилась в глубокий сон.

Глава 4

Ярятся грома раскаты, а глупец продолжает мечтать

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что спала в одежде. Отдернув одеяло, попыталась сесть на постели, но мою голову пронзила острая боль, и я тут же улеглась обратно. Лишь полежав немного, наконец смогла встать и умыться, после чего со смешком спросила у Юйтань:

– Когда ты вчера вечером вернулась, я была в комнате?

– Когда я вернулась, ты, сестрица, уже легла спать, – улыбнулась в ответ Юйтань, и я, кивнув, замолчала.

Я слегка опоздала на службу, но, к счастью, Его Величество еще не закончил аудиенцию, поэтому от небольшой задержки не было никакого серьезного вреда. В голове слегка прояснилось лишь после того, как я выпила чашку крепкого чая. Когда поставила кипятиться воду, примчался Ван Си и с очень серьезным лицом шепнул мне:

– Пусть сегодня сестрица будет очень внимательна и осторожна. Аудиенция у Его Величества подошла к концу.

Оценив его крайне нездоровый вид, я хотела задать ему пару вопросов, но Ван Си уже умчался прочь.

Тихо постояв в задумчивости, я выбрала любимую чайную посуду императора Канси и, заварив чай, подождала, пока он остынет до температуры слегка выше той, которую обычно предпочитал Его Величество. Лишь после этого я взяла поднос и бесшумно, маленькими шажками вошла в тронный зал.

Войдя, я увидела тьму-тьмушую стоящих на коленях людей: всех принцев от третьего до семнадцатого, младшего двоюродного брата императора Канси, командира императорских телохранителей Ао Луньдая, командира императорских телохранителей Алингу, сына министра Мин Чжу, главу академии Ханьлинь Налан Куйсюя и других высокопоставленных маньчжурских чиновников. Император Канси был бледен как смерть, и, хотя зал был полон людей, тишина стояла такая, что можно было услышать, как падает иголка.

Я мысленно вздрогнула. Неужели сегодня будет обнародован указ о лишении наследного принца его титула? Беззвучно поставила на стол чашку, но не успела завершить поклон, как император внезапно схватил ее и швырнул прямо в четвертого принца. Едва живая от страха, я тут же рухнула на колени, не смея даже вдохнуть.

Четвертый принц не посмел увернуться, и чашка облила кипятком его грудь, после чего по поле халата скользнула на пол, прокатилась, описав круг, и замерла.

Отчетливо прозвучавший в мертвой тишине звон упавшего на пол фарфора подействовал на людские сердца как удар колокола. Этот звук сопровождал гнев Сына Неба и заставлял всех присутствующих трястись от ужаса.

Сидя на коленях, я прижалась головой к полу, сокрушаясь и одновременно радуясь, что чай не был обжигающе горячим. Затем стала усиленно размышлять, но никак не могла найти разгадку происходящего. Я лишь знала, что в этом году наследного принца должны лишиться титула, но при чем тут четвертый? Затем, кое-что вспомнив, похолодела от страха. Тринадцатый принц! Если на моих глазах разворачивается та же самая история, которую я изучала, то дело не в четвертом принце, а в тринадцатом. Одна половина моего сердца тут же успокоилась, в то время как вторая мучилась от беспокойства.

– Мы давно объявили свою волю: «Если среди принцев найдется таковой, кто станет помышлять о присвоении титула наследника престола, то он станет врагом государства, и закон восторжествует», – холодно произнес император Канси. – Ты же велел своим людям распускать слухи, красочно повествуящие о злодеяниях наследного принца Иньжэна. Тем самым формируя суждения о нем в среде маньчжурских и ханьских чиновников, во всем служилом сословии столицы и Цзяннани. И при этом во всеуслышание заявлять о том, что положение Иньжэна как наследного принца весьма шаткое и он в любой момент снова может быть лишен титула. Хорош лицемерный циньван Юн!

Коснувшись лбом пола, четвертый принц ответил:

– Ваш сын не совершал этого.

Его Величество пристально взглянул на командира императорских телохранителей Алингу и главу академии Ханьлинь Куйсюя. Оба с громким стуком ударили головами об пол, воскликнув:

– Ваши подданные виновны и признают это! Дело действительно не имеет никакого отношения к четвертому господину, данные действия были совершены вашими подданными по собственному почину.

Говоря, оба тайком поглядывали на лицо четвертого принца.

Резко хлопнув ладонью по столу, император Канси гневно проговорил:

– Ваша верность действительно непоколебима! Но верны ли вы по-прежнему нам?

Затем Его Величество сердито ткнул пальцем в четвертого принца:

– Последние два-три года они тайком встречались с тобой. Где и кто еще присутствовал – все нам известно, и всему есть доказательства. Если не ради тебя, то ради кого они стали бы совершать подобное? Ради себя? Это они помышляют о титуле наследника престола?

Четвертый принц обвел Алингу и Куйсюя тяжелым взглядом и, отвесив еще один земной поклон, сказал:

– Хотя ваш сын встречался с ними несколько раз, он никогда не давал им подобных указаний.

Сердце пропустило удар. Я взглянула на восьмого принца. Его лицо не выражало ничего, кроме почтения, а взгляд, устремленный в пол, был бесстрастен и спокоен, как гладь озерных вод. В памяти вдруг промелькнули сказанные им когда-то слова: «Только не старину четвертого! Тебя ждут одни страдания, и это будет бесполезной тратой всех моих нынешних усилий». В одно мгновение я поняла все. Эта партия разыграна им ради победы над четвертым принцем. Вот что называется одним выстрелом убить двух зайцев! Нанеся удар наследному принцу, в то же время избавиться от четвертого. С помощью четвертого принца он намеревался выяснить, каково положение наследника, подорвать его позиции, а когда ситуация станет для него безнадежной, тут же вплотную заняться четвертым. Алинга и Куйсюя же, ответственные за распространение повсюду ложных слухов, подставили себя под удар, чтобы помочь восьмому принцу

сокрушить наследника престола. А помимо разноса сплетен, они также отвечали за передачу информации между восьмым и четвертым братьями. Сейчас четвертый принц не может найти слов для оправдания, потому что на самом деле тайком встречался с Алингой и Куйсюем и то, о чем они говорили, совершенно точно не подлежит разглашению, а возможно, это даже что-то посерьезнее роспуска ложных слухов.

Сначала восьмой принц велел подать императору тайный доклад, в котором говорилось, что произошедшее – дело рук четвертого принца. Тем временем Алинга и Куйсюю, прикинувшись, что изо всех сил защищают четвертого принца, только усилят подозрения Его Величества. Чем яростнее они будут отрицать, что действовали по приказу четвертого принца, тем больше император Канси будет верить в обратное и тем больше будет гневаться. Как может не гневаться Канси, боящийся и порицающий стремление принцев заполучить титул наследника, особенно после того, как наследный принц создал свою клику? Хотя на этот раз следов подготовки заговора нет, император уже ни за что не отпустит четвертого принца так легко. Подумав об этом, я осознала, что именно из-за происходящего сейчас тринадцатый принц окажется в темнице на десять лет.

Я глядела на восьмого принца не отрываясь. Эта партия не могла быть подготовлена за короткий срок, да и на то, чтобы распространить ложные слухи, путая людские умы, явно потребовалось немало времени. Но они с четвертым принцем наладили контакт еще в те времена, когда четырнадцатый принц не подчинился императорскому указу и отправился в степи. Пожалуй, восьмой продумал все это еще два-три года назад. Также он постепенно втянул в борьбу Алингу и Куйсюю, и теперь, если они признаются в том, что виновен восьмой принц, их также осудят, а кроме того, у них больше не будет возможности подняться выше. Зато если они помогут уничтожить четвертого принца, восьмой поможет им возвыситься. Но все это лишь мои собственные выводы, которые пришли на ум за это мгновение. Что же касается того, были ли у восьмого принца еще какие-то рычаги давления на Алингу и Куйсюю или же их связывали иные договоренности – этого я знать никак не могла.

Чем яснее все это осознавала, тем больше поражалась. Я знала о жестокости методов Юнчжэна и понимала, что тех, кого он рассматривает как потенциальных противников, точно нельзя назвать заурядными людьми. Однако всегда видела лишь мягкую, нежную сторону личности восьмого принца, а потому постепенно забыла о том, что он известен в истории как «добродетельный восьмой господин». Лишь сегодня я наконец столкнулась с иной его стороной. Он вдруг вскинул на меня глаза, и наши взгляды встретились. На его лице не было никакого выражения. Скользнув по мне равнодушным взглядом, он вновь опустил глаза в пол.

Внезапно тринадцатый принц поднялся со своего места и, выйдя вперед, упал на колени перед Его Величеством.

– Тринадцатый брат! – вскричал четвертый принц.

Словно не услышав, тринадцатый принц коснулся лбом пола и обратился к императору Канси:

– Поскольку дело приняло подобный оборот и вы, царственный отец, рано или поздно все равно узнаете правду, будет лучше, если ваш сын сознается сам. Ваш сын тайком надумил Алингу и Куйсюю распространять повсюду ложные слухи, прикрываясь именем четвертого брата.

Затем он повернул голову, глядя на Алингу и Куйсюю, и добавил:

– Все кончено, и нет смысла продолжать скрывать истину. Сейчас, когда все открылось, пусть никто даже и не думает сбежать от наказания!

С этими словами он окинул холодным взглядом восьмого принца.

Десятый принц поднял голову и громко сказал:

– Твои речи воистину удивительны, тринадцатый брат. Кто не знает, что вы с четвертым братом всегда были не разлей вода? Разве твои интересы не совпадают с его интересами целиком и полностью?

Я в упор посмотрела на десятого принца, не зная, злиться или печалиться. Всегда боялась узреть подобную сцену, и вот она разворачивается прямо у меня на глазах.

Взор императора, устремленный на тринадцатого принца, был ледяным. Снова коснувшись лбом пола, принц произнес:

– Пусть царственный отец спросит Алингу и Куйсюя о том, правдивы ли слова вашего сына.

Переведя взгляд на двоих сановников, император Канси спросил у них тоном холоднее льда:

– Каково реальное положение дел?

Алинга и Куйсюй колебались, не торопясь отвечать. Неожиданно со своего места поднялся четырнадцатый принц и, выйдя вперед, отвесил земной поклон, после чего проговорил:

– По мнению вашего сына, четвертый не мог сотворить подобного. Четвертый брат по натуре тих и скромн. Находясь в своей резиденции, постоянно практикует медитации и читает сутры. Он всегда был почтительным и понимал образ мыслей царственного отца. Четвертый брат никогда бы не пошел наперекор воле царственного отца и не совершил подобного злодеяния.

Некоторое время Его Величество не отрываясь смотрел на четырнадцатого принца, после чего снова перевел взгляд на Алингу и Куйсюя. Те, стукнув лбами об пол, воскликнули:

– Ваши подданные заслуживают самой суровой кары! Это действительно было указание тринадцатого принца!

Затем они, перебивая друг друга, рассказали обо всем от начала до конца. Назвали точную дату встречи, поведали о содержании частной беседы – изложили всю подноготную ясно и четко. Его Величество выслушал их, и его рука, лежащая на столе, сжалась в кулак. Глядя на четвертого принца, император резко спросил:

– Все это – дело рук Иньсяна?

Мое сердце сжалось. Этот вопрос был западней! Неважно, ответит он «да» или «нет», – оба ответа будут неверными.

Четвертый принц поднял голову и кинул на тринадцатого принца холодный взгляд, после чего с силой опустил голову на пол и, плотно прижимаясь к нему лбом, глухо произнес:

– Ваш сын точно этого не совершал, и он не знает, дело ли это рук тринадцатого брата.

Я расслабилась было, но сердце тут же снова сжалось от невыразимой боли. Он поклонился в сторону тринадцатого принца. Исход ясен! Я прижималась лбом к полу, и слезы катились из моих глаз. Угроза тринадцатого принца вынудит восьмого бэйлэ отступить, но, несмотря на то что ему не удалось разгромить четвертого, он смог лишить его правой руки. А что еще важнее, он заставил императора Канси начать подозревать четвертого принца.

Император долго молчал.

– Вели препроводить Иньсяна, тринадцатого сына императора, в темницу в переулке Янфэн¹⁴, – наконец приказал он, обращаясь к третьему принцу. – Никому не позволено навещать его без высочайшего дозволения. Алингу и Куйсюя передать Министерству наказаний для проведения детального расследования и определения состава преступления.

Третий принц торопливо коснулся лбом пола, принимая приказ.

Тринадцатый принц с громким стуком трижды отбил земной поклон императору Канси, затем выпрямился, поднялся на ноги и, ни на кого не глядя, неторопливо покинул зал, сопро-

---

¹⁴ Переулок Янфэн (кит. #####) – знаменитая улица в Пекине, долгое время не имевшая названия. Впоследствии в народе ее окрестили переулком Янфэн, то есть «переулком Пчеловодов», так как там находились бараки, в которых жили пасечники.

вождаемый императорскими телохранителями. Выражение его лица было крайне отрешенным, а походка – такой свободной и легкой, будто он шел не отбывать наказание, а на свидание с какой-нибудь красавицей. Словно его ожидал не убогий барак с одной дверью и без окон – из тех, в каких жили пасечники: темный и сырой, где летом жарко до одури и до смерти холодно зимой, – а прекрасные места, где «серебристый месяц выплывает в небеса, доносит звуки флейт вечерний ветерок, парящих чаек над водою голоса. В тиши виднеется спустившей паруса, объятый дремой лодочки дощатый бок».

Император Канси смотрел вслед медленно удаляющейся фигуре тринадцатого принца, и на его лице вдруг проступили следы крайней усталости.

– Аудиенция окончена! – равнодушно объявил он толпе и встал на ноги, после чего Ли Дэцюань, поддерживая императора под руку, повел его из зала.

Все присутствующие, склонив головы, стояли на коленях до тех пор, пока Его Величество не покинул зал. Лишь после этого сановники один за другим поднялись с пола и в полном молчании прошествовали к выходу.

Постепенно зал опустел. Только тогда восьмой принц тоже встал. Посмотрел на прижимающегося лбом к полу коленопреклоненного четвертого принца, скользнул безразличным взглядом по мне, неподвижно распластавшейся, повернулся и медленно вышел. Девятый принц, с улыбкой посмотрев на четвертого, перевел глаза на меня, кивнул и вышел вслед за восьмым братом. Поднявшись, десятый принц приблизился и негромко позвал:

– Жоси.

Я оставила его оклик без внимания. Он наклонился, чтобы поддержать меня и помочь встать, но я яростно оттолкнула его руку, холодно процедив:

– Уйди прочь!

Стоящий у дверей четырнадцатый принц молча окинул глазами нас с десятым и спокойно произнес:

– Пойдем, братец! Она сейчас пребывает в сильном гневе и не может с нами разговаривать.

Некоторое время десятый принц молча стоял рядом, а затем развернулся и покинул зал вслед за четырнадцатым.

Подождав, пока они уйдут, я встала и подошла к четвертому принцу, который продолжал прижиматься лбом к полу, не двигаясь ни на волос. Склонив голову, я смотрела на его выгнутую дугой спину, чувствуя, как душу разрывает нестерпимое горе. Мне было известно, что так случится, как и то, что спустя десять лет тринадцатый принц спокойно выйдет на свободу. Но даже зная это, все равно ощущала невыносимую боль. До чего же сильно горевал он, вынужденный столкнуться с подобной ситуацией без всякой подготовки, не ведающий даже, не продлится ли тюремное заключение тринадцатого принца до конца его дней! О том же, что брат пожертвовал собой ради него, не стоит и упоминать.

Спустя немалое количество времени я наконец, с трудом вынося душевную муку, присела рядом с ним на корточки и мягко сказала:

– Они все ушли, ступай и ты.

Я долго ждала ответа, но он продолжал сидеть на полу без движения, словно глиняная скульптура. Сделав глубокий вдох, я спокойно произнесла:

– Ты собираешься вечно сидеть на коленях, будто это поможет вернуть тринадцатого принца?

Его спина напряглась, и по плечам пробежала легкая дрожь. Принц медленно выпрямился и уставился на меня неподвижным взглядом. На дне его кажущихся спокойными глаз разгоралось бушующее пламя, такое яростное, что на принца было больно смотреть. Оглядев пятно у него на груди, оставленное пролившимся чаем, я достала платок и мягкими движениями стерла чайники, приклеившиеся к его халату.

Дождавшись, пока вытру все до конца, он тихо поднялся на ноги и неспешно, медленным шагом покинул зал. Продолжая сидеть на корточках, я проводила взглядом его удаляющийся силуэт. Сейчас, когда рядом с ним не было извечно сопровождающего его тринадцатого брата, он казался особенно одиноким и покинутым.

«Еще вчера вечером, – подумалось мне, – мы с тринадцатым братом распивали вино и говорили тосты, а сегодня уже попрощались навсегда». Я вспомнила, как он смеялся, приподнимая брови, как, подстегивая коня, мчался со мной сквозь сизые сумерки. Вспомнила, как мы беседовали обо всем на свете и как он пел застольные песни, сидя у костра там, в степях. Вспомнила, как они с Миньминь смотрели друг на друга, о его гордой, изящной осанке, а затем сразу же подумала о той тесной, темной, сырой камере в переулке Янфэн, не выдержала, села на пол и тихо заплакала. Обхватив голову руками, я сидела и едва слышно всхлипывала в мрачном, пустынном зале в полном одиночестве, и лишь эхо вторило моему тихому плачу.

Прошло уже семь дней после заключения тринадцатого принца под стражу. Четвертый принц вежливо уклонялся от посещения дворца, говоря, что «не смог вовремя заметить намерения тринадцатого брата и отговорить его, чем вызвал глубокую печаль царственного отца», и в знак признания своей вины закрылся в поместье, где читал сутры и раздумывал над своими ошибками. Восьмой принц же по-прежнему держался непринужденно и солнечно улыбался. Я равнодушно приветствовала его, а он, едва заметно улыбаясь, вежливо приказывал: «Поднимись!» Отвечая ему рассеянной улыбкой, я думала о том, что все изменилось и те дни, что раньше казались счастливыми и спокойными, ушли навсегда.

Помахивая тростниковым веером, я не заметила, что вода бурлит уже довольно долго. Резко опомнившись и отбросив веер, я заварила чайник дахунпао. Когда взяла чашку и сделала глоток, в памяти всплыло довольное лицо тринадцатого принца, который, прищурившись, хвалил только что продегустированный чай. Кто теперь заварит для тебя чай? Кто послушает, как ты играешь на флейте? Кто заставит разгладиться твой нахмуренный лоб?

Внезапно послышался негромкий стук, и я спокойно посмотрела в сторону ведущих во двор ворот, даже не думая отзываться. Через какое-то время в ворота снова постучали, а затем створки распахнулись и вошел четырнадцатый принц. Увидев меня сидящей под деревом османтуса с чашечкой чая, он слегка нахмурился и спросил:

– Если ты здесь, то почему не отзываешься?

Я отвела взгляд и, снова взяв в руки чашку, залпом осушила ее. Принц подошел к столу и присел рядом.

– Ты действительно собираешься отныне перестать разговаривать с нами, ограничиваясь лишь приветствиями? Можно чаю?

Глядя на стоящую на столе посуду, я не сдержалась и горько засмеялась:

– Этот сервиз – твой подарок. Разве я могу запретить тебе пить из этих чашек?

Четырнадцатый принц взял чашку и сделал несколько глотков, после чего произнес:

– Жоси, я знаю, что вы с тринадцатым братом хорошо ладили, но ведь и мы с тобой росли бок о бок, играя вместе! Как ты можешь быть такой пристрастной? Кроме того, многие события случаются лишь в результате сложившихся обстоятельств, и нельзя сказать, что они хороши или плохи.

– Ты пришел поучать меня? – равнодушно поинтересовалась я. – У меня нет настроения слушать!

Тихо вздохнув, четырнадцатый принц извлек из-за пазухи запечатанное письмо и протянул мне. Я даже не взглянула на него, продолжая не спеша прихлебывать чай из чашки, что держала в руке.

– Чтобы увидеться со мной, Люю простояла на коленях у боковых ворот моего имения весь день и всю ночь и добилась, что слуга сообщил мне о ней.

Опешив, я взглянула на него, и он добавил:

– Это письмо Люю передала тебе.

Я торопливо поставила чашку на стол и, взяв письмо из его рук, быстро вскрыла конверт. После короткого молчания четырнадцатый принц ядовито произнес:

– Я слышал, что Люю сидела на коленях у ворот резиденции четвертого брата, но никто так и не вышел, и лишь тогда она в отчаянии пошла ко мне. Вот уж действительно...

Вскинув голову, я пристально взглянула на него. Холодно усмехнувшись, принц замолчал.

Дочитав письмо, я погрузилась в безмолвное оцепенение.

– Если хочешь написать ответ, поторопись, и я отнесу его ей, – проговорил четырнадцатый принц. – Пусть ее несбыточные надежды умрут как можно скорее.

– Откуда тебе известно содержание письма? – спросила я.

– Люю уже просила меня, – равнодушно отозвался он. – Я повторил ей слова царственного отца о том, что «никому не позволено навещать его без высочайшего дозволения», а уж ей с ее просьбой кто позволит? Я пытался уговорить ее отказаться от своей затеи, но она не желала успокаиваться и умоляла меня передать тебе письмо. Хоть она не говорила, но я и так могу угадать, что там. Поначалу я не хотел относить тебе это послание, но затем мне правда стало жаль ее и я подумал: вы с тринадцатым братом были так близки – может, она тебя послушает? Хорошенько постарайся уговорить ее! Иначе, боюсь, она скончается раньше, чем тринадцатому брату станет несладко.

Немного помолчав, он со вздохом добавил:

– Сейчас Люю ужасно страдает, чахнет на глазах. Даже мое каменное сердце – и то смягчилось при виде ее мучений.

– Вы действительно ничего не можете предпринять? – спросила я.

– Жоси, само по себе это вовсе не мешает нашим интересам. Почему бы не сделать доброе дело? Неужели ты правда считаешь меня настолько бессердечным? – искренне отозвался четырнадцатый принц. – Но тут ничем уже нельзя помочь. Царственный отец уже издал высочайший указ, и третий брат выбрал людей для охраны тринадцатого брата. Царственный отец самолично просмотрел список и утвердил его, так что, чтобы внести туда кого-то еще, непременно потребуется одобрение императора. Но если сейчас установить связь с тринадцатым братом, царственный отец неизбежно начнет подозревать, что идея распустить ложные слухи принадлежала не одному тринадцатому принцу. Даже четвертый всеми силами старается разрывать все связи с ним – что же говорить о нас? Сейчас никто не осмелится и слова сказать в его защиту.

Я промолчала, лишь неприязненно хмыкнув. Конечно, вы стараетесь избегать всего этого, ведь сами и заварили эту кашу. На самом деле я все прекрасно понимала, но в моей душе еще теплилась надежда.

Некоторое время я пребывала в задумчивости. Затем поднялась и прошла в дом, где достала тушь, бумагу, взяла кисть и написала:

Что поделаеть, коли силы мои невелики? Наверяд ли можно помочь, но я непременно приложу все усилия. Смирненно ждите известий.

Немного подумав, добавила:

Не обделите вниманием свое здоровье, иначе как вы сможете позаботиться о тринадцатом господине, не говоря уже об остальном?

Закончив, тщательно запечатала конверт.

Приняв из моих рук письмо, четырнадцатый принц заметил, как плотно запечатан конверт, и презрительно улыбнулся:

– Боишься, что я прочитаю?

– Оно написано для Люйю, притом языком, на котором говорят обитательницы женской половины, – бесстрастно ответила я. – Не хочу, чтобы ей было неловко.

Четырнадцатый принц непринужденно улыбнулся, спрятал письмо за пазуху и поднялся, собираясь уходить.

– Четырнадцатый принц! – позвала я, и он обернулся, спокойно ожидая, пока я продолжу.

– Прикажи привратникам, чтобы вели себя полюбезнее с Люйю, если увидят ее.

– Не беспокойся, я уже отдал это распоряжение, – сказал принц. – Независимо от того, вижу я или нет, им не следует быть неучтивыми.

Я поблагодарила его церемонным жестом.

Улыбнувшись мне, он развернулся и зашагал было к воротам, однако на полпути остановился. Он долго колебался, прежде чем произнести:

– Есть нечто, о чем мне, рассуждая здраво, не следует болтать лишнего, но...

– В таком случае не стоит говорить об этом, – перебила я.

Четырнадцатый принц бросил на меня пристальный взгляд и, взмахнув рукавами, пошел к выходу. У ворот он снова остановился и, обернувшись, сказал:

– Неважно, истинны твои чувства к четвертому брату или нет, – остановись на этом. Ты умна, и тебе нет смысла создавать себе проблемы.

С этими словами он быстро скрылся за воротами.

Очень долго я стояла в тишине. Затем взяла чашку с давно остывшим чаем и выпила его одним глотком. Оказывается, не имеет значения, насколько хорош чай: остывший, он независимо от сорта будет горьким и невкусным.

Взяв в руки письмо Люйю, я вновь перечитала его и погрузилась в раздумья, бродя по двору из угла в угол. Прикидывала и так, и эдак, но смогла придумать лишь один способ. Известно, выйдет или нет, все равно поступить можно только так. Я вспомнила, как сильно разгневался в тот день император Канси, и мне стало жутко. Однако затем мои мысли вернулись к тринадцатому брату, к тому, как он был счастлив в былые годы, мчась верхом на коне по просторам, а сейчас сидит за решеткой один-одинешенек. Я подумала о Люйю, о ее глубоких, искренних чувствах и множестве талантов – ведь она могла бы заниматься вместе с тринадцатым принцем музыкой, каллиграфией, поэзией и живописью, помогая скоротать долгий срок. Для нее это было бы величайшим счастьем на земле, а для тринадцатого принца – частичкой тепла посреди череды тяжелых дней одиночества и тоски. Кроме того, это единственное, что я могу для него сделать.

Снова взяв письмо Люйю, я иероглиф за иероглифом перечитала его еще раз, вспоминая о нашей дружбе с ней и тринадцатым принцем. Улыбнувшись, я приняла окончательное решение.

Дражайшая барышня Жоси!

Пишу вам я, ваша наипокорнейшая служанка Люйю, родом из уезда Учэн провинции Чжэцзян. Я появилась на свет и выросла в женских покоях

достойной и добропорядочной семьи. Под аромат дорогих благовоний я изучала труды мудрецов. Большой, высокий дом моих предков с просторным двором примыкал к прекрасному саду. Залы нашего поместья были отделаны золотом и нефритом, у садовой ограды шумели зеленые ивы, а в пруду цвели красные лотосы. Однако никакое счастье не может длиться вечно. Дороги судеб неисповедимы: в один из дней внезапно налетела жестокая буря, и высокий дом в одно мгновение рухнул в клубах пыли! Я стала куртизанкой и осрамила свой род, попав в публичный дом, хотя вовсе не желала этого. Я познакомилась с тринадцатым господином в те годы, когда мы оба еще были совсем молоды. Мы вместе пили вино, беседовали о поэзии, играли на цине и флейте. Тогда мы с ним говорили только о литературе, но какой удачей это было для меня, Люйю! Я благодарна тринадцатому господину за то, что он не гнушался меня и на протяжении многих лет заботился обо мне. Лишь благодаря этому я, несчастная, смогла дожить до сегодняшнего дня. Я, слабая и беспомощная, словно дымок на ветру, отличалась от тринадцатого господина так же сильно, как глина отличается от облака. Хотя я берегла себя и хранила целомудрие, но все же была подобна жемчужине, что лежит во тьме и оттого не может сиять, прямо как белый нефрит, покрытый пылью. Разумеется, я должна была помнить о положении, которое занимала. Разве могла я осмелиться подумать о чем-то ином? Недавно же я получила письмо, из которого с удивлением узнала, что Сын Неба разгневался на тринадцатого господина. Гнев Его Величества был подобен ужасному шторму, император заточил тринадцатого господина в темницу в переулке Янфэн. Как громом пораженная, вечером я не смогла уснуть и без устали размышляла о том, как и почему подобное могло произойти. Одежда и подушка промокли от моих слез. Я ненавидела себя за свою слабость, за то, что мне с моим хрупким телом не под силу забрать себе все его невзгоды. Тринадцатый господин изнежен – разве сможет он вынести трескучий мороз, от которого трава покрывается инеем?

Однако я часто думала о том, что, хотя и не происхожу из знатного рода и прочла не так уж много сочинений древних мудрецов, все же мне известно, что значит выражение: «Если кто-то поделится с тобой каплей воды, в благодарность подари ему целый родник». Мне не под силу вытащить тринадцатого господина из пучины страданий, и я лишь уповаю, что мне представится возможность разделить их с ним. Если бы я только могла стать его служанкой, жить в месте, где он заточен, выполняя самую грязную работу! Мести двор, прислуживать ему после пробуждения и перед сном – днем и ночью заботиться о нем, чтобы он имел возможность продолжать изучать ученые труды и там. Если бы только мои чаяния могли исполниться, о чем еще в этой жизни просить мне, Люйю?

Несмотря на то что мы с вами, барышня, виделись всего единожды, я часто слышала, как тринадцатый господин хвалил вас, отмечая, что вы не только талантливы, но и не боитесь поступать по-своему. Ни к кому другому, кроме вас, я не могу обратиться со своей просьбой. Мне известно, что вы, барышня, хоть и женищина, а в храбрости превзойдете иного мужчину и в мудрости не уступили бы и Мэнчань-цзюню¹⁵. Вы, без сомнений,

¹⁵ Мэнчань-цзюнь (кит. ###) – выдающийся политический деятель периода Сражающихся царств, премьер-министр царств Ци и Вэй.

сможете почувствовать искренность моих намерений и протянете мне руку помощи. Вы, барышня, прислуживаете самому Сыну Неба, и он души в вас не чаёт. Исполнить мою просьбу будет весьма непросто, но другого решения придумать я не могу, лишь лелею крошечную искорку надежды, в слезах моля вас, барышня, о помощи!

Сегодня, похоже, император Канси пребывал в хорошем настроении. Мы с Ли Дэцюанем и Ван Си сопровождали Его Величество на прогулке в саду Юйхуаюань. Пройдя круг, император присел на каменную скамью передохнуть и со спокойным, мягким выражением лица устремил взгляд куда-то вперед. Как раз началась золотая осень, все листья на деревьях пожелтели и под солнечными лучами казались прозрачными. Каждый листочек был воплощением красоты и изящества.

Повернувшись к Ли Дэцюаню, император Канси с улыбкой произнес:

– Сумалагу больше всего любила осень. Она говорила, что «осень гораздо пестрее весны».

– Именно так, – с поклоном ответил Ли Дэцюань, улыбаясь. – Ваш покорный слуга помнит, как тетушка стояла под пожелтевшим деревом гинкго и пела, сияя улыбкой.

Его Величество глядел на золотые листья, лежащие на земле.

– Верно, она знала много песен! – проговорил он, едва заметно улыбнувшись. – Соловей, лучший певец степей, и тот бы не сравнился с ней!

И император глубоко задумался.

Сейчас сердце императора Канси, должно быть, смягчилось, ведь он вспоминал светлые дни своей юности, а вместе с ними – мягкую и добрую девушку с нежным голосом, что пела ему. Собравшись с духом, я выступила вперед, упала на колени и, коснувшись лбом земли, спросила:

– Будет ли дозволено покорной служанке развлечь Его Величество интересной историей?

Император Канси весело взглянул на меня и ответил:

– Рассказывай. Будет интересно – награжу, неинтересно – получишь наказание.

Снова коснувшись земли лбом, я поднялась на ноги и после короткого молчания неторопливо повела рассказ:

– Во времена Западной Цзинь жила девушка по имени Люй Чжу, которая в то время была содержанкой богача Ши Чуна...

– Мы знаем эту историю, – улыбнулся император Канси. – Расскажи другую.

Я снова начала:

– Жила-была девушка по имени Линь Сынян, певичка из Циньхуая, которая впоследствии стала любимой наложницей хэнвана Чжу Чаншу...

– Эту мы тоже знаем, – равнодушно прервал Его Величество.

Я ненадолго замолчала, а затем произнесла:

– Ваше Величество, хоть все эти девушки и пали столь низко, что были вынуждены уйти в певички, их души остались храбрыми и благородными. Они не жалели собственной жизни, чтобы отплатить за проявленную к ним доброту. Можно ли их также считать достойными уважения и восхищения?

– Вполне, – кивнул император. – Все они были добродетельными женщинами, верными своему долгу, и в сотни раз превосходили большинство мужчин.

Тут я упала на колени, коснулась земли лбом и проговорила:

– Ваше Величество, в наше время также живет одна удивительная девушка, которая готова отдать жизнь в борьбе, лишь бы отплатить за проявленную к ней доброту.

Я красноречиво поведала ему всю историю многолетней дружбы Люю и тринадцатого принца, упомянув и о том, какое впечатление произвела Люю на меня саму. Лицо Его Вели-

чества оставалось бесстрастным, и невозможно было понять, какие чувства вызвал у него мой рассказ.

– Умоляю Ваше Величество явить милость, – сказала я, снова касаясь лбом земли, – и позволить Лююу стать служанкой, что будет мести двор тринадцатого принца.

Император Канси долго молчал, пристально глядя на меня. В конце концов он холодно сказал:

– Ты прямо-таки пользуешься тем, что мы души в тебе не чаем. Осмеливаешься вести любые речи и делать что пожелаешь!

Мое сердце разрывалось от горя. Вовсе не за себя: умоляя императора, я уже мысленно приготовилась к наказанию. Мне было больно при мысли о Лююу и тринадцатом принце. Продолжая непрерывно стучать головой о землю, я умоляла:

– Ваше Величество, вы справедливый и человеколюбивый государь. Умоляю Ваше Величество помочь исполниться надеждам Лююу, и ваша покорная служанка охотно примет любое наказание.

Поднявшись со скамьи, император Канси гневно произнес:

– Ее надеждам или же твоим? Наказание? Думается мне, все эти годы мы слишком сильно любили и жалели тебя!

С этими словами он тут же двинулся прочь, даже не дав мне позволения подняться с земли. Ли Дэцюань тут же бросился вдогонку, и Ван Си, с тревогой покосившись на меня, также торопливо отправился следом. Я стояла на коленях в полной тишине, и слезы ручьями лились из моих глаз. Бесполезно! Тринадцатый принц, как же ты сможешь прожить в одиночестве эти долгие десять лет? Лююу, твоя любовь к тринадцатому принцу так сильна, что даже малые его страдания ранят твое сердце, будто острые шипы. Как же ты сможешь это пережить?

Я стояла на коленях с того времени, когда солнце еще висело высоко в небе, до самого заката, а затем до глубокой ночи. Поначалу я еще чувствовала боль в затекших коленях, но та не шла ни в какое сравнение с душевной болью, что я испытывала. Затем ноги мало-помалу онемели, но мне это, так же как и все остальное, было глубоко безразлично. Слезы давно высохли, осталась лишь глубокая печаль.

Прибежал Ван Си и, глядя на меня, со вздохом сказал:

– Добрая сестрица, ну почему ты так неразумна? Кто же сейчас осмелится заговорить о тринадцатом принце? Почему ты...

Отупевшая от сидения на коленях, я не обратила на него никакого внимания. Ван Си вновь вздохнул.

– Наставник сказал, что при случае попросит о снисхождении для тебя, сестрица. Пожалуйста, потерпи немного!

Договорив, он снова тяжело вздохнул и умчался прочь.

Сад Юйхуаюань погрузился в кромешную тьму. Стояла тишина, и слышался лишь ветерок, нежно поглаживающий листву на деревьях. Ощувив холод в ногах, я ощупала свои колени и попробовала подвигаться, но мне тут же стало больно. Ноги так сильно затекли, что было очень трудно шевелить ими, и я решила, что лучше пока не двигать ими. Запрокинув голову, я взглянула на небо. Вечер был безлунным: темно-синий бархат неба был усеян стразами звезд, которые то мигали, то гасли, похожие на женские глаза, блестящие от слез. Пожалуй, и Лююу сейчас тайком горько плачет. Сидящий же в одиночестве тринадцатый принц, наверное, только и может, что поднять голову к небу и пригласить звезды составить ему компанию, верно? В тишине плачет флейта, горя о том, что никого нет рядом.

Холод в ногах постепенно распространился по всему телу. Живот сводило от голода, а налетавший порывами ледяной ветер пронизывал до костей. Дрожа от холода, я свернулась калачиком, страстно желая, чтобы поскорее наступил рассвет. Перед рассветом холод самый сильный, и его особенно трудно терпеть.

Когда первые лучи солнца осветили золотые листья, весь сад в одно мгновение засиял необыкновенным светом. Вслед за этим тут же одна за другой радостно защибетали, зачирикали птицы. Слушая музыку природы, я прищурилась и жадно глядела на освещенную солнцем ослепительно-золотую листву, неспособная удержаться от мыслей о жаренной на масле яичнице. Я горько улыбнулась: эх, взяла и все опошшила! Но я действительно была голодна, а пребывать в возвышенном настроении можно лишь после того, как сытно поел и согрелся.

Солнце поднималось все выше. Не знаю, от голода или от сидения на коленях, но начала кружиться голова. Я закрыла глаза, чувствуя в голове полную пустоту. У меня больше не был сил на бестолковые, лихорадочные размышления.

– Сестрица, что случилось?

Едва найдя в себе силы открыть глаза, я увидела Юйтань, сидящую напротив меня на корточках. Я покачала головой, знаком веля ей уходить.

– Вчера ты, сестрица, всю ночь не возвращалась домой, – плачущим голосом произнесла Юйтань. – Только сегодня утром я узнала, что ты отбываешь наказание в саду Юйхуаюань. Сестрица, что же произошло?

– Возвращайся домой! – ответила я. – Его Величество сейчас пребывает в гневе. Если он узнает о том, что ты приходила ко мне, он может сорвать свой гнев на тебе.

Она не двинулась с места, продолжая сидеть на корточках рядом со мной.

– Ты все еще здесь? – вскричала я. – Не слушаешь меня? Этого еще не хватало!

Закусив губу, Юйтань встала. Некоторое время она молча стояла рядом, а затем развернулась и ушла, часто оглядываясь.

Вновь закрыв глаза, я продолжила сидеть на коленях. Казалось, окружающий мир исчез где-то вдалеке и осталась лишь я одна.

Ветерок, что до этого был мягким и ласковым, внезапно усилился. Под его порывами затрещали ветви, посыпались с деревьев желтые листья. С земли взметнулась и закружилась опавшая листва, и среди танцующих в небесах осенних листьев где-то вдалеке, постепенно приближаясь, загрохотали раскаты грома. Все небо заволочили мрачные, давящие черные тучи, и очень быстро стало темно. У меня не было сил даже на горький вздох, я лишь продолжала, словно одеревеневшая, отупело сидеть на коленях.

Сверкали, яростно прорывая пелену темных туч, золотые змейки молний. Гремел гром, и с неба начали падать дождевые капли размером с горошину. Вскоре раздался еще один оглушительный удар грома, и капли дождя превратились в прямые струи. И снова бах! – и хлынул ливень, такой сильный, что казалось, он обрушит сами небеса.

В одно мгновение я вымокла до нитки. Струи проливного дождя били по спине. Сперва я даже ощущала слабую боль, но потом кожа онемела и перестала что-либо чувствовать. Бешеный ветер обдувал мое тело, заставляя трястись от холода. Было ощущение, будто в этом мраке между землей и небом, кроме дождя и ветра, осталась лишь я одна. Одна противостояла свирепой ярости небес, одна выносила их, мечущих громаы и молнии, гнев. Крепко зажмурившись, я согнулась, позволяя мириадам капель ударяться о мое тело. Сейчас я могла полагаться лишь на свою спину.

В темноте, в пелене нескончаемого дождя было сложно определить, который час. Меня беспрерывно била дрожь. Время будто замерло, и казалось, что ливень будет идти до скончания веков.

Не знаю, сколько времени прошло. Я сидела сторбившись, прижавшись предплечьями к ногам и обхватив голову руками. Ощущала, что замерзла до невозможности и тело окоченело

настолько, что уже не могло даже дрожать. В какой-то момент я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Борясь с дурманящим оцепенением, стиснула зубы и медленно подняла голову. Недалеко от меня, держа в руке черный зонт, стоял под дождем четвертый принц, прямой, как стрела. Это была первая наша встреча с того дня, как тринадцатого принца заточили в темницу.

Разделенные непогодой, мы не могли ясно видеть лиц друг друга, однако я ощущала его взгляд, полный печали, гнева и беспокойства. Мы молча глядели друг на друга. В сгущающейся темноте он стоял под черным зонтом, одетый в темно-серый халат, и лишь его лицо выделялось в сумраке своей ошеломляющей, мертвенной бледностью.

Внезапно четвертый принц резким движением отбросил зонт и, подойдя вплотную, молча встал рядом со мной. Я не отрываясь наблюдала за зонтом, который, гонимый ветром, бесконтрольно кружился на траве.

Время шло. Дождь и не думал слабеть, шквалы ураганного ветра закручивали струи ливня, делая их похожими на тысячи тонких плетей, яростно хлещущих все живое. Хотя мое тело полностью заледенело, в душе вдруг появилось и стало разрастаться теплое, уютное чувство. Ярится непогода, но есть кто-то, кто стоит рядом со мной! Терпит, томится, страдает!

Я дернула его за подол халата, и принц присел на корточки, продолжая смотреть на меня. Взгляд его темных глаз был таким же холодным и мрачным, как небо над нашими головами, но в жесте, которым он убрал прилипшие к моему лицу мокрые волосы, сквозила нежность.

– Возвращайся! – сказала я, устремив на него глаза. – Я понимаю, что ты чувствуешь!

Какое-то время он пристально разглядывал меня, а затем вдруг обнял, прижав к себе так сильно, что заболели ребра. Эта боль, однако, была приятной, но вместе с тем пробуждала чувства отчаяния и печали. Я опустила голову ему на плечо, и слезы, мешаясь с дождем, катились по моим щекам, падая на его одежду.

Над головой ослепительно сверкнула молния и испугала меня. Я опомнилась и тут же подняла голову, намереваясь оттолкнуть четвертого принца. В тот краткий миг, когда вспышка молнии осветила все вокруг, в моих зрачках отпечатались стоящие за завесой дождя плечом к плечу восьмой и четырнадцатый принцы с зонтами в руках. В первые мгновения я лишь растерянно смотрела на них, не двигаясь.

Обернувшись, четвертый принц взглянул на них, затем медленно выпустил меня из объятий, встал и повернулся к ним лицом. Трое, разделенные дождем, пристально смотрели друг на друга. Одетый в зеленый халат и держащий в руке зеленый же бамбуковый зонт, четырнадцатый принц стоял в спокойной, расслабленной позе. Его лицо было совершенно невозмутимым, и лишь в глубине его глаз можно было заметить гнев, смешанный с тревогой.

Восьмой принц, одетый в длинный белоснежный халат, стоял под белым атласным зонтом. Ветер трепал полы его одежды. Выражение его лица было мягким и умиротворенным, а сам он – изящным, словно тонкий молодой месяц. Обычно в людях, стоящих в сумраке под дождем на пронизывающем ветру, пока вокруг вспыхивают молнии и грохочет гром, есть нечто жалкое – он же был подобен белому лотосу, распутившемуся во тьме ночи, неземному и безупречно чистому. Хотя его губы были сложены в легкую улыбку, а рядом с ним стоял четырнадцатый принц, его фигура с треплющимися на ветру рукавами словно собрала в себе все одиночество мира, а белые, будто снег, одежды – весь его холод.

Время словно замерзло в шуме дождя. Неизвестно, как долго они стояли так. В конце концов четвертый принц отвел взгляд, медленно прошел мимо них, поднял с земли свой кувыркающийся на ветру зонт и неторопливо двинулся прочь. Его силуэт постепенно терял очертания, пока наконец не растворился за завесой ливня.

Как только он окончательно скрылся из глаз, четырнадцатый принц бросился ко мне и вскричал, стараясь сделать голос тише:

– Жоси, как ты осмелилась...

Едва начав, он тут же осекся. Лишь вены слегка набухли на его сжатых кулаках. Восьмой принц подошел ко мне и, присев рядом на корточки и равнодушно глядя на меня, накрыл своим зонтом.

Опустив голову, я продолжала отупело сидеть на коленях. Я сидела здесь, под дождем, на ветру, весь день и всю ночь. Я была так изнурена, что все на свете казалось мне неважным: физическое ли, иное наказание – все едино. Так мы втроем – один на ногах, другой на корточках, третья на коленях – продолжали стоять под дождем в полном молчании. Дождевые капли стучали по зонту, и текущие по ним ручейки воды смешивались, переплетались, напоминая чувства нас троих.

Прошло немало времени, прежде чем восьмой принц со вздохом достал платок и, протерев мое лицо от дождевой воды, произнес:

– Ты совершенно не бережешь себя. Подумала бы о Жолань. Она очень слаба здоровьем – как ты можешь заставлять ее так волноваться?

Сердце больно кольнуло. Я взглянула на восьмого принца, и он продолжил:

– Я уже распорядился о том, чтобы никто не болтал об этом, но как долго получится держать все в тайне?

Я закусила губу, ничего не ответив.

Полы его белоснежного халата мокли в луже грязной дождевой воды, и я машинально потянулась приподнять их. Он быстро взмахнул рукой – наши ладони столкнулись с тихим шлепком, и принц как ни в чем не бывало убрал руку. Моя же несколько мгновений растерянно висела в воздухе, а затем я тоже медленно убрала ее.

Молча посидев возле меня на корточках еще немного, восьмой принц поднялся на ноги и сказал четырнадцатому:

– Пойдем.

– Иди, восьмой брат, – ответил тот после короткого молчания. – Я хочу кое о чем у нее спросить.

– Мы ничем не можем ей помочь, – произнес восьмой принц. – Ей остается надеяться лишь на собственное везение.

Помолчав, он добавил:

– Даже старина четвертый может лишь наблюдать. Любые порывистые поступки не только не помогут, но, наоборот, способны еще больше разгневать царственного отца.

– Я лишь хочу кое-что прояснить, – проговорил четырнадцатый принц.

Некоторое время восьмой принц молчал. Затем произнес:

– Партия подходит к концу. Сейчас мы в выигрышном положении, однако существует немало примеров того, как один неосторожный ход смог переломить ход игры.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь.

Четырнадцатый принц присел на корточки, прикрыл меня своим зонтом и какое-то время разглядывал. Затем, пошарив за пазухой, он извлек небольшой сверток и протянул мне, знаком веля развернуть его. Раскрыв сверток, я с удивлением обнаружила внутри несколько фужунгао. Не сдерживая радости, я тут же схватила одно и затолкала в рот.

– Не торопись, – сказал четырнадцатый принц с беспокойством. – Нет воды, чтобы запить, поэтому будь осторожна, не подавись.

Я потянулась за другим пирожным, но он уклонился от моей руки, жестом показывая, чтобы я сперва проглотила первое, а уже потом хватала другое. Я торопливо доела лакомство, и только тогда принц снова предложил мне сверток, позволяя взять еще одно. Однако я, внезапно испугавшись, сказала:

– Его Величество не давал мне позволения есть.

– Ты уже одно съела. А одно пирожное или два – велика ли разница? – с некоторым раздражением засмеялся четырнадцатый принц. – Кроме того, кто в такую погоду сможет добе-

жать сюда, в такую даль, чтобы наблюдать за тобой? Помимо этого, я нарочно спрятал их за пазуху – кто мог узнать?

Я улыбнулась и поспешно продолжила трапезу.

В скором времени я расправилась со всеми фузунгао. До этого я хотела есть настолько сильно, что у меня начал болеть желудок, однако голода уже не ощущалось. Зато сейчас, поев, я только раздражила аппетит, и мне оставалось лишь терпеть. За целые сутки съев лишь несколько пирожных и не выпив ни капли воды, я внезапно почувствовала во рту и в горле ужасную сухость.

Я высунула голову из-под зонта и, прежде чем четырнадцатый принц успел схватить меня и втянуть обратно, запрокинула голову, набрала в рот дождевой воды и проглотила. Сделав несколько глотков, я вытерла рот рукой и вернулась под зонтик. На лице принца было написано крайнее изумление, и, глядя на него, я захихикала:

– Вода, не знаящая почвы, – самая чистая. Знающие люди намеренно собирают ее, чтобы заваривать чай!

– Я всегда буду помнить о том, что ты вовсе не благовоспитанная барышня, – вздохнул четырнадцатый принц.

Я усмехнулась. Он пристально взглянул на меня и спросил:

– Это того стоило?

Глядя на бегущие по земле ручейки, я притворялась, что не слышу.

– Ответь мне, – настойчиво потребовал он.

Я по-прежнему не обращала на него внимания. Тогда он схватил меня за плечо и потряс, мягко упрашивая:

– Жоси, ответь мне. Считай, что я умоляю тебя.

С удивлением взглянув на него, я увидела на его взволнованном лице гнев, впрочем из всех сил сдерживаемый. Смягчившись, я ответила:

– Я поступила так, как сочла нужным. Есть вещи, которые делать должно, и нельзя сказать, стоят они того или нет. Если ты настаиваешь, чтобы я назвала тебе причину, то я, наверное, смогу сказать лишь одно: окажись тринадцатый принц на моем месте, он непременно сделал бы для меня то же самое, даже не будучи уверенным в результате.

Четырнадцатый принц глубоко вдохнул и спросил:

– А если бы на его месте был я, ты бы поступила так же?

Я, не отвечая, глядела на него.

– Знаю, – вздохнул он, – ты, безусловно, думаешь о том, что уж тринадцатый брат никогда бы не стал задавать тебе такой вопрос. Он понимает тебя! Но я спрашиваю как раз потому, что не понимаю. Жоси, скажи мне правду. Хотя бы ради той привязанности, что мы испытывали друг к другу с детства.

– У меня не было подобных мыслей, – мягко возразила я. – Неважно, был бы это десятый принц или ты, – я бы поступила так ради любого из вас. Хотя наши с тринадцатым принцем характеры наиболее схожи, я одинаково привязана ко всем вам.

Четырнадцатый принц холодно улыбнулся краем рта.

– Выходит, тогда, в степях, ты даже без восьмого брата все равно помогла бы мне, верно?

Я кивнула. Затем, глядя на подол его халата, сказала:

– Ты весь промок. Возвращайся! Когда гнев Его Величества остынет, все будет хорошо.

Принц попытался было сунуть мне в руки зонтик, но я покачала головой:

– Я давно промокла насквозь, и разве могу промокнуть еще больше? Кроме того, Его Величество не позволял мне сидеть на коленях под зонтом.

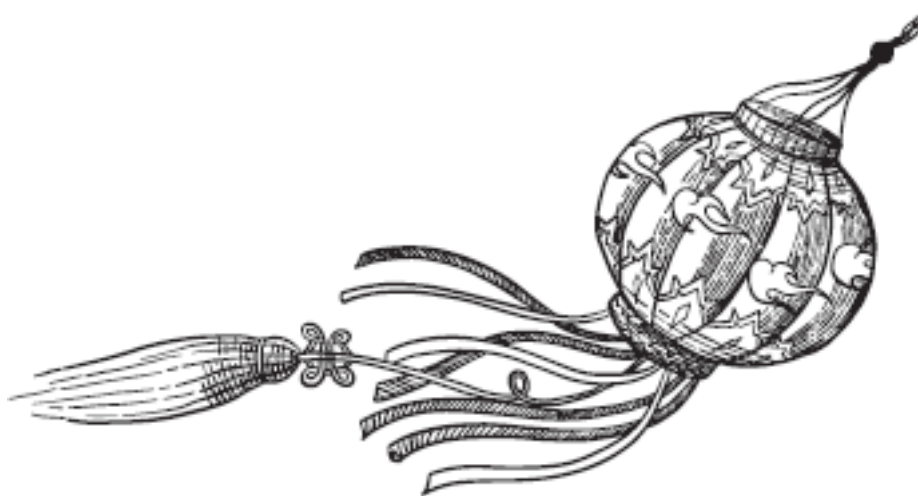
С зонтом в руке четырнадцатый принц выпрямился, бросив на меня красноречивый взгляд, повернулся спиной и быстро двинулся прочь. Его шаг все ускорялся, быстро перешел

на легкий бег, затем принц помчался сломя голову, пока его силуэт не пропал совсем. Я осталась с ливнем наедине.

Нескончаемый дождь все лил и лил. Мало-помалу стемнело, и в целом свете остался только один звук – шум падающих капель. Меня лихорадило. Я тихонько раскачивалась, с большим трудом заставляя себя оставаться на коленях. Меня беспокоила единственная мысль: когда же этот дождь наконец закончится и небо просветлеет? Сознание постепенно мутнело. В конце концов остался лишь все отдаляющийся шум дождя в ушах, тело обмякло, и все кругом погрузилось в безмолвный непроглядный мрак.

Глава 5

Разве можно разобрать, где неприязнь, а где доброта?

Мое тело словно опалили на огне, а затем опустили в прорубь. Язык будто высох, губы потрескались. Я держалась на последнем издыхании, когда откуда-то послышался мягкий голос Юйтань:

– Сестрица, вот вода.

Выходит, лежа в бреду, я бормотала, что хочу пить. Поддерживая меня, Юйтань помогла мне сесть и медленно влила в рот несколько глотков.

Некоторое время я тупо смотрела на счастливое лицо Юйтань. Затем опомнилась, окинула взглядом комнату и снова уставилась на девушку – на этот раз с недоверием.

– Его Величество уже помиловал тебя, сестрица, – с улыбкой сказала Юйтань.

Я расслабилась было, но, вспомнив о тринадцатом принце, тут же вновь загрустила.

Юйтань принесла тарелку рисовой каши. Ощувив аромат, я поняла, насколько голодна. Скормив мне примерно половину тарелки, Юйтань сообщила:

– Ты, сестрица, провела без сознания три дня. Ты была горячее, как раскаленный уголь. Все перепугались до смерти.

– Три дня? – испуганно переспросила я.

Произнеся это, я услышала свой сиплый голос и тут же закашлялась. Я кашляла очень долго, прежде чем наконец смогла остановиться.

Ответив на мой вопрос кивком, Юйтань добавила:

– Не знаю почему, но четырнадцатый господин тоже был поставлен на колени в наказание. Прислуживающие в тот день у дверей зала евнухи рассказали, что слышали, как четырнадцатый господин и Его Величество о чем-то спорили, снова и снова упоминая тринадцатого господина. Четырнадцатый господин простоял на коленях у входа в зал Цяньцингун со второй половины того дня до завершения аудиенции на следующий день. Затем восьмой, девятый и десятый господа попросили у Его Величества о снисхождении и тоже опустились на колени рядом с четырнадцатым господином. Лишь когда остальные принцы также пришли умолять Его Величество, тот наконец позволил четырнадцатому господину подняться, а еще помиловал тебя, сестрица. Когда же мы отправились за тобой, ты лежала под дождем без чувств, холодная-холодная. Мы так перепугались...

Не в силах поверить своим ушам, я перебила:

– Четырнадцатый принц простоял под дождем весь день и всю ночь?

Юйтань с усилием кивнула.

– Он в порядке? – торопливо спросила я.

– Четырнадцатый господин обучался боевым искусствам и сложен гораздо лучше, чем обычные люди, – ответила Юйтань. – Кроме того, он стоял на коленях вовсе не так долго, как ты, сестрица. Я слышала, что он чувствовал лишь легкое недомогание. Думаю, можно считать, что с ним все в порядке.

Ничего не ответив, я погрузилась в раздумья. Юйтань отложила миску и палочки со словами:

– Придворный лекарь сказал, что, так как ты, сестрица, долго голодала и сейчас болеешь, тебе нужно ограничивать себя в еде.

Я рассеянно кивнула, показывая, что буду во всем ее слушаться. Затем Юйтань помогла мне вымыться и расчесать волосы.

– У меня невыносимо болят колени, – пожаловалась я ей. – Принеси мне горячей воды, чтобы я могла их распарить.

Юйтань тут же сбегала за горячей водой и полотенцем.

– Я уже велела передать дворцовому лекарю Ли, что ты очнулась. Скоро он придет осмотреть тебя.

– Лекарь Ли? – изумилась я. Это был тот самый лекарь в летах, что врачевал самого императора.

Отжав полотенце, Юйтань хмыкнула и с улыбкой проговорила:

– Все те, кто тайком злорадствовал, должно быть, готовы лопнуть от злости, ведь это было личное распоряжение Его Величества. Мало кто во дворце удостаивался подобной чести.

Я слушала ее без всякой радости. Никто не знает, что творится в голове у государя. Его милости необязательно говорят о благосклонности, а наказание не всегда означает неприязнь.

Пока я растирала ноги, раздался стук в дверь. Юйтань торопливо расправила на мне одежду, наполовину опустила полог и отправилась открывать дверь. В комнату вошли десятый и четырнадцатый принцы в сопровождении лекаря. Я поспешно выпрямилась, собираясь встать и поприветствовать их, но десятый принц остановил меня:

– Поприветствуй нас так, этого будет достаточно.

Оба принца посторонились, позволяя лекарю приблизиться, чтобы померить мой пульс.

– Почему десятый и четырнадцатый господа пришли вместе с лекарем Ли? – прокашлявшись, спросила я.

– Мы очень кстати натолкнулись на него в дверях, – ответил десятый принц.

Присутствие лекаря мешало ему продолжить, поэтому мы трое молчали.

Господин Ли проверял мой пульс очень долго. Закончив измерять его на правой руке, он попросил меня протянуть ему левую и, закрыв глаза, снова принялся за измерение. Прошло немало времени, и он снова взял мою правую руку. Десятый и четырнадцатый принцы, обменявшись изумленными взглядами, подошли ближе, встали рядом с лекарем и спросили:

– В чем дело?

Слегка покачав головой, лекарь Ли дал им знак молчать. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он наполовину поднял веки и спросил:

– Обычно вы, барышня, хорошо спите по ночам?

– По большей части не очень хорошо, – ответила я. – Кроме того, мне кажется, что в этом году я сплю все меньше и меньше: просыпаюсь от любого звука, а снова заснуть очень трудно.

– А как обычно питаетесь? – затем спросил лекарь.

– Ем тоже гораздо меньше, чем в прошлом году, – сказала я. – Я часто чувствую, что голодна, однако стоит мне съесть совсем немного, как уже наедаюсь.

Продолжая измерять мой пульс, лекарь подробно расспросил меня о моем распорядке дня. В конце концов он ненадолго о чем-то задумался, а потом медленно произнес:

– Я слышал, что в прошлом году вы, барышня, перенесли тяжелую болезнь. Похоже, эта болезнь не была вылечена до конца, что привело к нарушению циркуляции ци¹⁶ и крови. По пульсу видно, что вы уже давно испытываете постоянное сильное беспокойство и страх. Каждый раз, когда подавляется энергия ян, застоявшаяся ци рождает огонь, а инь в печени уменьшается. Вследствие этого инь более не может сдерживать ян, и тогда страдают сразу три органа – селезенка, печень и почки. На этот раз в тело вдобавок проник дурной холод, а потому пострадали, помимо предыдущих трех, еще сердце и легкие. Инь...

Начав терять терпение, я с улыбкой прервала его:

– Господин Ли, не рассказывайте мне об «инях» и «янах», я все равно не пойму. Лучше скажите прямо, серьезно ли это? Как следует лечиться?

– И серьезно, и нет, – медленно ответил он. – Сейчас вы, барышня, находитесь в самом расцвете сил, и если будете беречь себя и хорошо лечиться, то через пару-тройку лет болезнь постепенно уйдет. Если же начнете пренебрегать своим здоровьем, то сейчас, пока молоды, вы ничего не почувствуете, однако потом...

Он осекся, не собираясь продолжать. Я кивнула, а затем задала следующий вопрос:

– У меня очень сильно болят колени. Когда они полностью излечатся? Может быть, существует средство, которое поможет облегчить боль?

– Это зовется ревматизмом, – пояснил лекарь Ли. – Он возникает вследствие влияния холода, ветра и влаги, а также из-за пережатия кровеносных сосудов. Нарушается кровоток, начинает ломить суставы, а в тяжелой форме становится трудно ходить. Вы, барышня, долго стояли на коленях на твердой земле, да еще и под дождем. В эти несколько часов сошлись все факторы, из-за которых мог появиться данный недуг.

«Это я уже могу понять, – подумала я. – Промокла под дождем, меня продуло – вот и получила ревматизм».

– На ваше счастье, барышня, вы молоды, – продолжал лекарь. – Сейчас этот недуг не так тяжел. Нужно будет несколько дней накладывать повязки, сделать несколько прижиганий и провести пару процедур иглокальвания – и все пройдет. Однако, боюсь, в холодные и влажные дни боль может возвращаться. За этим вам тоже придется внимательно следить. Начиная с сегодняшнего дня вам следует бережно относиться к суставам, иначе в старости вы столкнетесь с большими трудностями. Немного погодя я подробно расскажу вам, как ежедневно заботиться о своем здоровье и на что обращать особое внимание.

Лекарь поднялся и стал, прощаясь, кланяться десятому и четырнадцатому принцам. Те поспешно остановили его, вежливо произнеся:

– Вы уже в годах, лекарь Ли, не нужно кланяться.

Тот с улыбкой поблагодарил их и дал знак Юйтань следовать за ним, чтобы забрать лекарства. Поклонившись, девушка вышла из комнаты.

Четырнадцатый принц подошел к кровати. Сперва он долго смотрел на меня, а затем сказал:

– Давно ты испытываешь постоянное сильное беспокойство и страх? О чем же ты таком думаешь целыми днями?

---

¹⁶ Ци (кит. #) – одна из основных категорий китайской философии, фундаментальная для традиционной китайской медицины. Чаще всего определяется как жизненная сила.

– Лекарь сказал, что если я буду хорошенько лечиться, то все пройдет, так что ничего серьезного, – улыбнулась я. – Большое тебе спасибо.

– За что меня благодарить? – холодно произнес четырнадцатый принц. – Я дважды должен тебе за то происшествие в степи. В каких же еще обстоятельствах я мог вернуть долг, как не сейчас, когда риск был столь высок?

Десятый принц подтащил к себе табурет и, опустившись на него, спросил:

– Что же тебя так сильно беспокоит? Сложно поверить, что ты долгое время испытываешь постоянное сильное беспокойство и страх. Если бы твой пульс слушал не лекарь Ли, я бы тут же выбрал его и назвал шарлатаном, который мелет всякий вздор и запугивает больных.

Я сердито покосилась на него: только сменила тему разговора, как он вновь вернулся к старой. Мне пришлось небрежно ответить:

– Что еще, если не наследный и тринадцатый принцы?

– Лекарь Ли сказал, что это происходит на протяжении долгого времени, – возразил четырнадцатый, хмыкнув. – А самое давнее происшествие случилось не далее чем полгода назад, а никак не три и не пять лет. Разве можно усмотреть в этом источник болезни?

Вспомнив о тринадцатом принце, я вновь загрустила. Не желая разговаривать, я опустила глаза, меланхолично глядя в пол.

Четырнадцатый принц подождал немного, но, видя, что я молча сижусь опустив голову и не собираюсь отвечать, со злостью выкрикнул:

– До чего отвратительна эта твоя привычка! Ты прячешь все в себе и, когда тебя спрашивают, даже не кружишь вокруг да около, переводя разговор в другое русло, а предпочитаешь просто молчать!

Хлопнув ладонью по столу, десятый принц воскликнул:

– Ладно, она еще больна! Не хочет говорить – и не надо. Чем больше на нее давишь, тем больше с ней хлопот. Впрочем, сегодня тебе следует быть повеселее: четырнадцатый принц помог тебе достичь желаемого.

Ахнув, я изумленно взглянула на четырнадцатого принца, но тот отвернулся, не обращая на меня внимания.

– Царственный отец позволил Люю стать служанкой, – продолжал десятый принц. – Но только если она сменит имя и происхождение. Четырнадцатый брат приказал своему управляющему удочерить Люю. Через несколько дней ее незаметно препроводили в переулок Янфэн, сказав, что она одна из служанок поместья четырнадцатого брата.

Меня переполняло такое счастье, что я не находила слов, а потому торопливо вскочила и отвесила четырнадцатому принцу земной поклон. Тот бросился останавливать меня. Я уже коснулась лбом пола один раз и собиралась сделать это снова, когда четырнадцатый принц, потянув меня за локоть, заставил подняться и сказал:

– Я сделал это не затем, чтобы заставить тебя мне кланяться.

С этими словами он поправил подушки и уложил меня на них.

Я легла спиной на подушки, чувствуя, как печаль в душе смешивается с радостью. На глазах невольно выступили слезы, и я поспешно достала платок, чтобы вытереть их. Десятый и четырнадцатый принцы оба отвели взгляд. В комнате повисла тишина.

Прошло немало времени, прежде чем я смогла немного успокоиться.

– В тот день восьмой брат испугался, что я стану действовать импульсивно и навлеку на себя беду, а потому скрыл от меня, что с тобой произошло. В итоге четырнадцатый брат, как обычно, сделал все по своему усмотрению. Если бы я знал, я бы пошел умолять царственного отца вместе с четырнадцатым братом, и ему не пришлось бы так долго стоять на коленях.

– Если бы вы пришли вместе, царственный отец еще больше разгневался бы, – возразил четырнадцатый принц.

Покосившись на него, я спросила:

– Как ты умолял Его Величество?

– Я не упоминал о тебе, – ответил четырнадцатый с улыбкой. – Лишь просил о снисхождении для тринадцатого брата. Я подробно поведал о том, как тяжело в переулке Янфэн. Сказал, что, несмотря на то что тринадцатый брат совершил серьезный промах, пойдя против собственного брата, он все же слишком рано потерял мать и потому сильно привязан к царственному отцу. Затем я припомнил несколько случаев, когда тринадцатый брат был особенно почтителен и заботлив по отношению к отцу. Я добавил также, что хотя наказание, назначенное тринадцатому принцу, – это государственное дело, в котором они выступают как государь и его подданный, однако то, что я умоляю царственного отца позволить Люйю прислуживать тринадцатому брату, чтобы у него хотя бы было с кем поговорить, целиком и полностью относится лишь к отношениям отца и сына.

Я мысленно вздохнула. Как же в них переплетены доброта и неприязнь! Сами отправили его в темницу, а теперь четырнадцатый принц помогает ему. Мы трое замолчали. Вошла Юйтань, неся в руках лекарства, и поприветствовала принцев. Те только собрались уходить, как я произнесла:

– Подождите немного. Вынуждена затруднить двух господ небольшой просьбой.

И жестом попросила Юйтань поставить лекарства где-нибудь в стороне. Пошарив рукой под тюфяком, извлекла из-под него ключ и велела Юйтань отпереть большой ящик.

– Вытащи оттуда три шкатулки из красного дерева, – распорядилась я.

Когда Юйтань достала из ящика то, что я просила, и положила на стол, я велела:

– Открой их!

Стоило Юйтань открыть шкатулки, как комната озарилась блеском и сиянием. Покосившись на распахнутые ворота во двор, я состроила Юйтань гримасу, и та поспешно ушла на улицу, чтобы запереть их.

Десятый и четырнадцатый принцы обменялись изумленными взглядами.

– Ну ты и богачка, – со вздохом произнес десятый.

– Я уже семь лет живу во дворце, – сказала я. – Здесь вещи, что за все эти годы я получила в награду от Его Величества и благородных супругов. На дне также лежит немного денег – то, что мне удалось скопить за несколько лет. Когда я покину дворец, смогу забрать все это с собой. Недавно я спросила Ли-анда, и он позволил мне отослать эти вещи из дворца раньше, чем я покину его. Я хочу попросить вас, господа, отнести их в резиденцию тринадцатого господина и передать госпоже Чжаоцзя.

– Это же твои личные средства, зачем ты отдаешь все без остатка? – удивился десятый принц.

– Все в поместье тринадцатого принца всегда жили только на его жалованье, – пояснила я. – У него не было имения, с которого можно было бы получать доход, а кроме того, он не из тех, кто тщательно ведет финансовый учет. Он и раньше был не богат, а сейчас, когда попал в тюрьму и лишился титула, единственный источник дохода оказался отрезан. В большом же семействе, если считать всех с самого верха до низших рангов, наберется больше сотни ртов. Поэтому, даже если у них имеются некоторые средства, этого все равно не хватит надолго, при условии что деньги только тратятся, не прибавляясь. Сейчас тринадцатый принц беден и уже не имеет того положения, что раньше, однако во многих ситуациях требуются деньги, и лишь они могут сделать так, что его будут обижать и притеснять чуть меньше. Я живу во дворце одна, и все эти вещи просто валяются в шкатулках без дела. Лучше уж вытащить их оттуда, и пусть приносят пользу.

– Сделаем так... – произнес четырнадцатый принц после долгого молчания, – одну из шкатулок ты оставишь себе, а мы заберем две другие.

– У меня есть еще, – возразила я, – то, что мне дарили отец и сестра, останется у меня, так же как и серебро!

– Поступим по-моему, – настаивал четырнадцатый принц, – иначе я вообще ничего делать не буду.

Я перевела взгляд на десятого принца. Тот сказал:

– Я подчинюсь решению четырнадцатого брата.

– Ладно, – беспомощно отозвалась я. – Пусть будет так!

– Так или иначе, я уже умолял царственного отца о снисхождении к тринадцатому брату, так что у него уже есть подозрения на мой счет, – сказал четырнадцатый принц. – Совершив один проступок, совершу и второй, разница небольшая. Впоследствии я постараюсь всеми силами помочь моим невесткам, супругам тринадцатого брата, и не позволить всяким влиятельным богачам обижать их. О деньгах больше не беспокойся: того, что ты отдала, хватит на некоторое время, а дальше я обо всем позабочусь. Через несколько лет, когда молодые господа подрастут и смогут поступить на службу, все наладится.

– Я тоже не боюсь, – вставил десятый принц. – Во-первых, мы с тринадцатым братом никогда особенно не ладили, а потому не водили близкого знакомства. Во-вторых, я прост и бесхитростен, царственный отец никогда не заподозрит меня в неблагоприятном желании. Мы с четырнадцатым братом позаботимся о них, и никто не посмеет их притеснять.

Во мне бушевала сразу сотня всевозможных чувств. Мгновение я молчала: хотелось сказать слишком многое, но все слова словно застряли у меня в груди, и вслух я произнесла лишь короткое:

– Большое спасибо.

На лицах принцев расцвели улыбки. Когда каждый взял по шкатулке, десятый принц заявил:

– Все это изделия наивысшего качества. Неудивительно, что царственный отец постоянно твердил: «Она умеет находить хорошие вещи». Ты никогда не была заурядной обывательницей, из тех, кому лишь бы разбогатеть, а все же накопила сокровищ. По правде говоря, тебе есть о чем поговорить с девятым братом! Почему же вы с ним терпеть не можете друг друга?

– С чего ты взял, что я терпеть не могу девятого принца? – торопливо возразила я. – У меня бы на это не хватило смелости. Может, это девятый брат терпеть меня не может?

Четырнадцатый принц отвернулся, улыбнувшись и не произнеся ни слова.

– Нет так нет, – с улыбкой отозвался десятый принц. – Я просто болтаю всякий вздор.

С этими словами они оба скрылись за дверью.

Вошла Юйтань. Убрав вещи на место, она вернула мне ключ и дала лекарство. Как только я приняла его и прополоскала рот, она достала список, составленный лекарем Ли, и вручила мне. Я внимательно изучила список и поняла, что те пункты, что касались внимательного отношения к здоровью, выполнять будет совсем не трудно, но «не волноваться и избегать страхов и тревог» – гораздо сложнее. Если бы я могла так легко забыть о тех людях и событиях, разве докатилась бы до такого? Не удержавшись от тяжелого вздоха, я с горькой улыбкой сложила список и сунула под подушку.

Юйтань принесла пиалу груш в холодном сладком сиропе. Я велела ей поставить их на столик рядом, потому что собиралась есть сама. Она присела рядом и, дождавшись, когда я закончу есть, забрала пиалу и ложку со словами:

– Господин Ван получил от Ли-анда в наказание двадцать ударов палками.

– За что? – спросила я, нахмурившись.

– Точно не ясно, однако, похоже, из-за того, что он сказал нечто, чего не должен был говорить, – ответила Юйтань. – Думаю, это как-то связано с твоим наказанием, сестрица.

Немного поразмыслив, я осознала, что он и правда пострадал из-за меня. Промаявшись полдня, наконец почувствовала такую усталость, что не могла даже думать, после чего велела Юйтань навестить Ван Си от моего имени, а сама прилегла отдохнуть.

Лишь спустя несколько дней боль в ногах немного утихла. Я все еще была больна, но уже могла ходить, хоть и с трудом. Поэтому я тут же приказала Юйтань проводить меня к Ван Си, поддерживая под руку. Когда мы вошли, Ван Си ничком лежал на постели. Увидев нас, он торопливо привстал, собираясь подняться, и произнес:

– Сестрица, вы еще больны. Было бы достаточно просто прислать Юйтань, зачем же вы пришли лично? Это слишком большая честь для меня.

– Ложись-ка обратно, – поспешно сказала я. – Неужели нам с тобой должно серьезно относиться к этой показной вежливости?

Услышав мои слова, евнух тут же лег обратно на постель.

Поставив табурет, Юйтань усадила меня на него и вышла, прикрыв за собой дверь. Отвернувшись, я закашлялась, а потом спросила:

– Как твои раны?

– Сносно, – ответил Ван Си. – Но спина чешется нестерпимо, а скрести ее нельзя, вот я и страдаю от нетерпения.

Кивнув, я проговорила:

– Потерпи. Зуд оттого, что нарастает новая плоть.

Ван Си радостно улыбнулся и выразил согласие с моей точкой зрения.

– Что же произошло? – спросила я после недолгого молчания.

Он поманил меня рукой, давая знак приблизиться, и поведал, стараясь говорить тише:

– Не стану скрывать от вас, сестрица. Ничего страшного, если вы узнаете, однако ни в коем случае никому больше не говорите. Именно наставник позволил болтать об этом, и он же приказал высечь меня.

Я возрилась на него в крайнем изумлении, и Ван Си энергично закивал, подтверждая, что сказанное им – чистейшая правда. Задумавшись о причинах и итогах этого, я вновь закашлялась, и Ван Си сказал:

– Возвращайтесь, сестрица! Вы еще не до конца здоровы, не стоит чрезмерно утруждать себя.

Кивнув, я произнесла:

– Прости, все это случилось с тобой по моей вине.

– Вы всегда были весьма добры ко мне, сестрица, – улыбнулся он. – Какие у нас могут быть счеты?

Затем он, повысив голос, позвал:

– Юйтань!

Толкнув дверь, вошла Юйтань, помогла мне подняться и проводила домой.

Вскоре после нашего возвращения кто-то пришел к Юйтань, сказал, что в ее прошлых записях с подсчетами количества чая есть ошибка, и она тут же умчалась.

Лежа на боку в постели, я обдумывала слова Ван Си. «Именно наставник позволил болтать об этом». Это означает, что император Канси дал на то свое позволение. Но зачем? Зачем нужно было специально позволять всем принцам знать, за что именно меня наказали? Не успела я прийти к каким-либо выводам, как скрипнули ворота, ведущие во двор, а вслед за этим я услышала, как кто-то дважды постучал в дверь.

– Не заперто, – сказала я. Горло тут же снова начало саднить, и я закашлялась.

Вошедший легонько похлопал меня по спине, помогая откашляться. Подняв голову, я увидела четвертого принца, который, склонившись, стоял возле кровати. Видя, что я перестала

кашлять, он выпрямился, молча глядя на меня. Его иссиня-черные глаза смотрели совершенно бесстрастно.

Сердце пронзила острая печаль. Он наконец пришел! Мы долго смотрели друг на друга. Затем он отвернулся и, подойдя к столу, толчком распахнул окно. Очень долго принц неподвижно стоял у окна ко мне спиной, прежде чем медленно проговорил:

– Я не могу просить у царственного отца позволения взять тебя в жены.

Крепко зажмурившись, я приложила ладонь к груди и мягко откинулась на подушку. После заключения тринадцатого принца под стражу я догадывалась, что он может сказать нечто подобное. Но, услышав это в действительности, испытала такую боль, будто мое сердце пронзила тысяча стрел.

– Ты можешь обижаться на меня и ненавидеть: я виноват перед тобой, – продолжал он. – Царственный отец относится к тебе с большой нежностью, так что он непременно устроит тебе хороший брак.

Договорив, четвертый принц сразу направился к двери. У порога он на мгновение остановился и, не оборачиваясь, произнес:

– Премного благодарен за все, что ты сделала для тринадцатого брата.

Я лежала без движения, слушая, как его шаги постепенно затихают вдаль, оставляя позади разом опустевшую комнату, наполненную тишиной. Слезинки одна за другой скатывались вниз, падая на подушку.

Стоящая у моей постели Юйтань боязливо позвала:

– Сестрица!

Поспешно вытерев глаза, я подняла голову, собираясь выдавить улыбку, но не успела: слезы вновь покатались по щекам.

Я смахивала их снова и снова, но они продолжали течь. Бросив попытки утереть их, я обхватила голову руками и разрыдалась. Юйтань опустилась возле меня на постель и тихо сидела рядом. Я плакала очень долго, прежде чем слезы мало-помалу начали иссыхать. Кашляя, я спросила:

– Скажи мне, Юйтань, почему жертвами всегда становятся именно женщины? А самое странное то, что от нас никогда не исходит ни капли упрека. В конечном счете стоит оно того или нет?

– Когда мне было семь лет, мой отец скончался, – тихо заговорила Юйтань после долгого молчания. – Хотя мы никогда не жили богато, все же нужды мы не знали. Когда отец заболел, мы заложили все, что было в доме, чтобы заплатить за лечение, но никакого улучшения не последовало. Матушка каждый день плакала, а мои младшие братья и сестры были слишком малы и почти ничего не понимали. Я ужасно боялась, что отец оставит нас одних. Однажды я услышала историю о том, как один человек срезал кусок плоти со своего бедра, чтобы вылечить родителей¹⁷. Люди говорили, что если искренняя почтительность к родителям тронет бодхисаттв, то они помогут больному отцу или матери излечиться. Тайком от родителей я срезала кусочек плоти с собственной руки и сварила его вместе с лекарством, однако отец все равно скончался.

Я потрясенно разглядывала лицо Юйтань, спокойное, будто водная гладь. Та слабо улыбнулась:

– Говорят, что при долгой болезни дети перестают быть почтительными. Я, впрочем, знаю лишь, что такое долго жить в бедности, не получая помощи от родственников. После смерти отца мы с матушкой зарабатывали деньги: она – с утра до вечера стирая белье, я – занимаясь

---

¹⁷ «Человек срезает кусок плоти со своего бедра, чтобы вылечить родителей» (кит. #####) – устойчивое выражение (чэньюй), дословно переводится как «отрезал [кусочек плоти с] ноги, чтобы вылечить родных». Поговорка о степени сыновней почтительности, к которой все должны стремиться.

шитьем. Однако жили мы впроголодь. Вскоре из-за того, что матушка слишком часто плакала, ее зрение сильно испортилось. Она почти ничего не видела, но, желая скрыть это от меня, притворялась, что видит. Мы подыгрывали ей, потому что не хотели ее расстраивать.

Я протянула руку и, схватив ее ладонь, зажала в своих. Девушка продолжала:

– Я каждый день тяжело трудилась, зарабатывая нам на пропитание, но денег на лечение матушки по-прежнему не хватало. Вскоре младший брат тоже заболел из-за того, что уже очень долго не ел досыта. В тот год зимние морозы были необычайно жестокими, первый снег не успел растаять, а сверху уже падал новый, и снежный покров был толщиной в три или четыре цуня¹⁸. Надев легкие туфли и тонкую ватную курточку, которую еще в юности носила моя матушка, я отправилась обходить наших родственников, чтобы занять немного денег. Самые жестокие, открыв дверь, сразу же закрывали ее, увидев меня на пороге. Те же, кто был немного добрее, начинали жаловаться на жестокую зиму еще до того, как я успевала открыть рот. Пробежав по снегу весь день, я так и не смогла взять займы ни единой мелкой монетки, зато замерзла и проголодалась. К тому времени уже совсем стемнело, но возвращаться домой было страшно. Матушка с младшим братом были больны, и я боялась того, что они, как отец, покинут меня. Потому бесцельно бродила по улице. Находясь в глубоком оцепенении, едва не попала под повозку, и возница поднял кнут, собираясь ударить меня.

Прекрасно осознавая, что Юйтань сейчас сидит здесь, рядом со мной, я все равно сильнее сжала ее ладонь:

– А что было потом?

Опустив голову, Юйтань немного помолчала, а затем, обворожительно улыбнувшись мне, продолжила рассказ:

– А потом сидящий в повозке молодой господин остановил его, сказав: «Это всего лишь девочка, врезалась – и ладно!» После этого он выбралил возницу за невнимательность и за то, что стоило чему-то случиться, как он тут же принялся искать виноватых. После этого молодой господин опустил занавеску и велел вознице трогать, но я бросилась вперед, преграждая им путь, упала на колени и стала умолять господина дать мне немного серебра. Не знаю, откуда во мне тогда взялось столько смелости. Возможно, оттого, что я никогда доселе не слышала такого спокойного, мелодичного голоса, как у того молодого господина, который, даже бранясь, делал это без всякой горячности. А может, оттого лишь, что я сочла его богачом, которому ничего не стоило бы пожертвовать мне немного, и тогда я бы смогла удержать матушку и брата на этом свете.

Увидев на лице Юйтань по-настоящему теплую улыбку, я поняла, что ее желание осуществилось, но все же с тревогой спросила:

– А потом?

С улыбкой взглянув на меня, девушка ответила:

– Возница начал браниться: «Вот наглая девица! Да знаешь ли, чью повозку посмела задержать?» А тот молодой господин рассмеялся. Подняв занавеску, он бросил взгляд на меня, сидящую на коленях в снегу, и сказал: «Я уже достаточно взрослый, однако впервые кто-то осмелился так прямо просить у меня денег. Расскажи-ка, почему это я ни с того ни с сего должен дать тебе серебра?»

С этими словами Юйтань склонила голову и засмеялась.

– Что ты ему сказала? – спросила я, тряся ее за руку.

– Я сказала: «Мне нужны деньги, чтобы заплатить за лечение больной матушки и брата».

И тогда он ответил: «Не припомню, чтобы я открывал дом призрения. Какое мне дело до того, что кто-то болен?» Тогда я сказала, что если молодой господин даст мне денег, то я вечно буду его верной служанкой. На это он ответил, что уж кого-кого, а слуг у него дома хватает

---

¹⁸ Цунь (кит. #) – китайская мера длины, составляет 1/10 чи, около 3,5 см.

с избытком. Я попыталась снова, пообещав, что я очень работающая и многое умею, а если даже чего-то не умею, то смогу научиться. Молодой господин расхохотался, сказав, что у него есть много способных людей, которые выполняют его поручения. Опустив занавеску, он велел вознице трогать. Тогда я потеряла всякую надежду. Мне казалось, будто та повозка увозит с собой мою матушку и брата. Внезапно меня взяла такая злость, что я подбежала, схватилась за оглоблю и стала изо всех сил тянуть ее на себя, мешая им ехать. Придя в ярость, возница начал непрерывно стегать меня кнутом, но я не разжала бы рук, даже если бы умерла. Когда повозка проехала некий отрезок пути, протаскивая меня за собой по дороге, молодой господин вдруг закричал: «Довольно, останови повозку!» Высунувшись в окно, он посмотрел на меня. К тому моменту мое тело уже волочилось по снегу, но руки по-прежнему держали оглоблю мертвой хваткой. Одобрительно кивнув, он спросил, сколько мне лет, и я ответила, что восемь. Улыбнувшись, молодой господин произнес: «Хорошая девчушка, стоит моих денег». С этими словами он дал мне банкноту, и я взяла ее, не смея верить своему счастью. Никогда не держала в руках банкнот, но знала, что даже одна такая означает большую сумму. Я торопливо отвесила ему земной поклон. Он ненадолго задумался, после чего велел вознице: «Отдай ей все серебро, что при тебе». Тот поспешно вытащил все деньги и отдал мне. Там было больше двадцати лянов серебра – достаточно, чтобы большая семья могла есть на них год или два. Я тут же протянула банкноту обратно господину, но тот сказал: «Она твоя, и серебро тоже твое. Ты наверняка сразу же побежишь за лекарем, однако уже совсем стемнело, а банкнота довольно крупная. Боюсь, сейчас ты уже не сможешь найти, где ее разменять». Он говорил разумные вещи, и, выслушав его, я тут же снова отвесила ему земной поклон, пряча банкноту и серебро. «Делаешь все ловко и споро», – похвалил молодой господин и, сев обратно в повозку, приказал вознице ехать. Развернувшись, я побежала было прочь, но тут внезапно раздался его крик: «Вернись!» Я тут же примчалась назад. Он бросил из повозки на снег накидку со словами: «Завернись в это». Лишь тогда я с испугом осознала, что моя одежда была изорвана ударами кнута.

Юйтань глубоко задумалась, словно все еще брела среди царства холода и стужи.

– А потом? – легонько подтолкнула я ее.

Насилу выйдя из оцепенения, Юйтань закончила свой рассказ:

– Не было никакого «потом». Я больше никогда не видела того молодого господина. Банкнота, которую он мне дал, была очень крупной. Кроме того, когда матушка излечилась, она продолжила зарабатывать стиркой, а мы с сестрами занимались шитьем. Так мы смогли прожить до того, как я попала во дворец.

– Выходит, вы виделись всего раз, – проговорила я с досадой.

– Тогда я была совсем мала и понятия не имела, как разузнать хоть что-нибудь о нем, – тихо сказала Юйтань. – А после того как я стала служить во дворце, мне уже не позволялось видеться с посторонними.

Затем она крепко сжала мою ладонь со словами:

– Сестрица, стоит оно того или нет – сможешь понять только ты сама. Взгляни на меня: все подружки моего детства уже давно обзавелись семьями, родили детей, и они наверняка испытывают ко мне жалость, но я сама не считаю, что достойна жалости. Зато знаю, что теперь моя матушка может не проводить целые дни, стирая белье в ледяной воде, что теперь мне не нужно волноваться о том, чтобы нам хватало на еду и одежду. А заболев, могу позволить себе пригласить лекаря, а все мои братья смогли пойти в школу. Я считаю, что тогда приняла правильное решение и все, что сделала, стоило того. Если бы даже я могла вновь сделать выбор, охотно поступила бы точно так же.

– Стоит оно того или нет – смогу понять только я сама, – пробормотала я со слезами на глазах. – С сегодняшнего дня мы с тобой останемся вдвоем.

Только я это произнесла, как сдерживаемые слезы вновь заструились по щекам.

– Сестрица, не говори чепухи, – с легкой улыбкой сказала Юйтань. – Его Величество непременно устроит тебе хороший брак.

Я горько рассмеялась. Будь что будет! Я использовала все оставшиеся у меня крохи сил без остатка и больше не хочу сопротивляться. Слишком устала!

Я уже шла на поправку, но тем вечером у меня снова резко начался жар. Юйтань плакала, беспокойно сжимая мою руку. Лежа в полузабытьи, я думала: «Как хорошо, что от жара путается сознание и не чувствуется душевная боль».

Я барахталась между сном и явью, и мне мерещилось, что на меня постоянно устремлен пристальный взгляд холодных иссиня-черных глаз. Они глядели мне прямо в душу, видели все мои мысли, и от их взгляда было больно, будто он протыкал меня насквозь. Я изо всех сил пыталась прогнать их, но они не исчезали, продолжая терзать меня болью, и я могла лишь в голос плакать, громко всхлипывая. В этом полусне мне хотелось уснуть навечно, ведь, уснув, я перестала бы чувствовать боль, будто там, впереди, совсем рядом, есть некое абсолютно тихое, темное место, где наконец можно будет отдохнуть.

Юйтань, казалось, непрерывно напевала народные песни прямо у моего уха, одну за другой. Пела, не останавливаясь, тянула меня, не позволяя мне окончательно уснуть. Ее «Сестрица!» вытянуло мое сознание наверх, не дав ему угодить в то место, где царил непроглядный мрак.

Когда я открыла глаза, она заплакала от радости, и ее слезы друг за дружкой капали мне на лицо. Мой жар спал, но Юйтань словно похудела вдвое, а ее горло совсем осипло, и она могла говорить со мной только жестами. Стоило мне подумать о том, что она провела у моей постели всю ночь, пела песни и звала меня, как я тут же возненавидела себя. Заболела, будучи во дворце, и моя сестра жила вовсе не так хорошо, как я. У меня есть Юйтань, есть сестра, так почему я так себя веду?

Болезнь понемногу отступала, но мне по-прежнему было лень шевелиться, и большую часть дня я проводила в постели. Лежала с отсутствующим взглядом, поигрывая табачным пузырьком в руке и пребывая глубоко в своих мыслях, и по моему лицу нельзя было понять, рассмеюсь сейчас или заплачу.

Толкнув дверь, вошла Юйтань. Присев у кровати, она сообщила:

– Его Величество заключил господина наследного принца под стражу.

Я лишь угукнула в ответ, не произнеся ни слова. Она продолжила:

– Его Величество собрал всех принцев и объявил: «После возвращения наследному принцу Иньжэну его титула он так и не излечился от своего безумия. Он сильно разочаровал нас, и мы поняли, что он не тот, кому можно передать дело наших предков, а потому заключаем его под стражу». Хоть ты, сестрица, и не видела этого, поверь – страшное было зрелище! С принцев сняли шапки и связали им руки. Несмотря на мягкое и спокойное выражение на лице императора и легкую улыбку на губах, тон, которым он говорил с принцами, был весьма холодным.

Я тихонько вздохнула.

– Почему ты вздыхаешь, сестрица? – удивилась Юйтань. – Я думала, ты обрадуешься, услышав такие вести.

– Подобный исход был очевиден еще тогда, когда Министерство наказаний расследовало дело о заговоре на пиру и дело о вымогательстве в Хутане, так что это все равно произошло бы рано или поздно, – ответила я. – Кроме того, кто знает, быть может, и меня саму в какой-то день постигнет его судьба. Так чему же тут радоваться?

– Сестрица, ты снова говоришь чепуху, – испуганно воскликнула Юйтань.
Я промолчала, лишь едва заметно усмехнувшись. Разве в этом дворце есть хоть что-то невозможное?

Когда я полностью выздоровела, на дворе уже был конец десятого месяца. Казалось, волнения, вызванные вторым лишением наследника его титула, давно улеглись, но на деле разгорелась еще более ожесточенная борьба.

Четвертый принц постепенно все более отстранялся от государственных дел, проявлял себя вяло и в целом держался как очистивший сердце и умеривший желания богатый и знатный бездельник, ведущий спокойную, размеренную жизнь. Претендуя на звание отшельника, отрешившегося от мирской суеты, он целыми днями сидел в своем поместье, обсуждая с буддийскими монахами канон и толкуя сутры. Каждый день, посещая дворец, он ограничивался тем, что приветствовал императора Канси и выполнял ритуал вежливости, очень мало участвуя в обсуждениях, касающихся государственных дел.

Время от времени мы с ним сталкивались. Его лицо всегда было спокойным и не выражало никаких чувств, а я лишь с легкой улыбкой приветствовала его, почти не разговаривая с ним, будто между нами никогда ничего не происходило и он всегда был тем холодным циником Юн. Лишь колющая боль в душе то и дело напоминала мне о том, что это неправда. Подавляя эту боль, я уверяла себя: нет, это правда, ничего на самом деле не было.

Однажды четвертый принц пришел, чтобы поприветствовать Его Величество. Когда я принесла чай, он стоял сбоку от императора Канси, развернув перед ним свиток с картиной. Расставив чашки с чаем, я хотела удалиться, но император с улыбкой проговорил:

– Жоси, подойди и тоже взгляни.

Отозвавшись торопливым «Слушаюсь!», я подошла к Его Величеству и взглянула на картину.

– Видишь что-нибудь? – улыбнулся Его Величество.

Изо всех сил стараясь подавить горечь в душе, я ответила:

– Разве этот человек, что на волах вспахивает поле, не сам четвертый господин? А там, на меже, стоит четвертая госпожа!

– А еще? – все так же настаивал император Канси.

Я уже догадалась, к чему он клонит, но вслух тоже с улыбкой сказала:

– Больше ваша покорная служанка не может ничего разглядеть, лишь думает, что картина вышла из-под руки мастера. Однако понять скрытый смысл очень трудно.

Повернувшись к Ли Дэцюаню, Его Величество распорядился:

– Найдите ксилографические «Картинки сельской идиллии» Лоу Чоу времен Южной Сун, что были отпечатаны два года назад.

Ли Дэцюань тут же вышел, чтобы отдать необходимые указания. Вскоре евнухи внесли сборник, и Ли Дэцюань медленно развернул его на столе. Картина, продемонстрированная принцем, и та, что на свитке, были похожи как две капли воды, различались лишь лица персонажей.

Хлопнув себя по лбу, я воскликнула:

– Ваша покорная служанка действительно заслуживает побоев! Она каждый день проводит рядом с Его Величеством, но была так невнимательна, что даже не узнала его любимую картину.

Император Канси с одобрением взглянул на четвертого принца и едва заметно улыбнулся, ничего не сказав.

Опустив голову, Его Величество внимательно разглядывал обе картины. Четвертый принц скользнул взглядом по моему лицу и тут же отвел глаза, я же продолжала тихо стоять, усмехаясь уголком рта. Император Канси вчитался в стихотворение, что четвертый принц написал на картине, и кивнул:

– «Важнее неба пища для народа, лишь после пахоты ее дарит природа». Каждую весну мы приносим жертву на алтаре Шэньнуну¹⁹, молясь ему и всем богам, а также лично руководим засевам императорских полей. Также мы часто обращаем внимание придворных чиновников на то, что мы надеемся, те, кто держит в руках бразды власти, будут придавать особенное значение земледелию. Это основа государства!

Четвертый принц с поклоном ответил:

– Подражая царственному отцу, ваш сын выделил несколько участков земли в садах Юаньминьюань, чтобы на собственном опыте познать все радости и тяготы возделывания земли.

Император кивнул и спросил:

– Расскажи-ка, в чем радости, а в чем тяготы?

– Жизнь на лоне природы вольготна и приятна, – ответил четвертый принц. – Помимо того, что на душе становится легко и хорошо и человек, меньше думающий об убытках и приобретениях, становится открытым и великодушным, его тело при занятии земледелием также расслабляется, становясь более здоровым. Сложно выразить словами то счастье, что я испытывал, собирая в последние несколько дней урожай фруктов и овощей, выращенных собственными руками. Тяготы же в том, что ваш сын, возделав всего несколько участков земли, уже настрадался: сегодня опасаясь, что солнце слишком сильно печет, а завтра беспокоясь, что дождь слишком сильно льет. Я не мог удержаться от печального вздоха, думая о том, как простой народ трудится круглый год то под палящим солнцем, то на жестоком ветру, но стоит случиться засухе или наводнению – и никто не соберет и зернышка риса.

Император Канси молча кивнул. Поклонившись ему, я тихо покинула зал. Теперь четвертый принц действует скрытно, каждым своим действием прощупывая, как настроен Его Величество. Доводит до крайности сыновнюю почтительность, не выказывая и тени неповиновения. Разумеется, подозрения императора Канси на его счет еще не рассеялись, однако при условии, что так будет продолжаться и дальше, вода будет по капле точить камень, и, коль принц не будет совершать ошибок, Его Величество рано или поздно перестанет тревожиться. Даже если восьмой принц снова задумает что-то против отца, тот просто не сможет найти у четвертого принца ни одного проступка.

Восьмой же принц, по-видимому, и хотел бы спрятать когти, да не мог. Продолжая налаживать контакты с сановниками при дворе, он тем не менее велел им перестать рекомендовать его как кандидата на титул наследника, иначе он «охотно предпочтет быть прикованным к постели». Услышав об этом, император Канси испытал отвращение и немедленно высказался в строгой манере, порицая его: «Ты всего лишь бэйлэ, разве можно тебе вести подобные, выходящие за рамки приличия речи, пытаясь выведать наши намерения?» Кроме того, император полагал, что восьмой принц «чрезвычайно нагл и сумасброден, совершенно не осознает, кто он такой! Когда бэйлэ имеет столь недостойные намерения и действует безрассудно, стремясь во время доклада прощупать нас, разве это не великое зло?». Таким образом, восьмой принц неосторожно усугубил неприязнь к самому себе, которую вызвал у императора Канси еще в те времена, когда наследный принц впервые был лишен титула.

Порой я испытывала крайнее недоумение: восьмой, девятый и четырнадцатый принцы очень умны, а помимо этого, на их стороне много неплохих советчиков. Так как же они допускали действия, вызывающие гнев Его Величества?

---

¹⁹ Шэньнун (кит. ##) – обожествленный основоположник земледелия.

Тщательно поразмыслив, я пришла к выводу, что император Канси просто-напросто уже давно опасается его. Его Величеству уже хватило одного наследника, который собрал собственную клику, а восьмой принц еще и заводит знакомства среди сплошь именитых придворных чинов. Поэтому неважно, как он поступает, – в глазах императора Канси любые его действия будут проступками. Когда он приходил во дворец, Его Величество тут же начинал бранить его за недолжные намерения. Когда уходил, Канси продолжал ругать его за попытки вывести ход мыслей императора, говоря, что если бы он поучился у четвертого принца, в корне изменил свое поведение и полностью отстранился от общения с придворными сановниками, то его, императора Канси, отношение к нему могло бы измениться. Однако разве мог восьмой принц, потративший столько лет на воплощение своих планов в жизнь, все бросить? Кроме того, все люди разные и он бы ни за что не смог перенять у четвертого принца его манеру отрешаться от мира, пребывая в гармонии с самим собой. В противном случае он не смог бы стать тем «добродетельным восьмым господином», что относится с уважением к мудрецам и милостиво – к просто образованным людям.

По-видимому, тем, кто больше всего выиграл от повторного лишения наследника его титула, был четырнадцатый принц. Четвертый принц жил в уединении и почти не принимал участия в государственных делах. Восьмого император терпеть не мог, а потому совершенно не благоволил ему. Зато к четырнадцатому принцу, хоть и наказанному в прошлом Его Величеством из-за тринадцатого принца, император впоследствии вопреки ожиданиям не только не охладел, но, напротив, стал оказывать больше внимания, часто поручая ему государственные дела, а кроме того, нередко вызывал к себе для приватных бесед.

Глава 6

Забудем друг друга. Кто первый?

Последний день пятидесят первого года²⁰ эпохи Канси все провели спокойно и мирно, с верой в светлое будущее.

Глубокой ночью я, долго ворочаясь с боку на бок, никак не могла заснуть. Перед моими глазами встала сцена нашей встречи с сестрой на праздничном ужине, посвященном празднованию Нового года. Мы смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Ее глаза были полны слез, а меня терзали муки совести. Казалось, она многое хотела мне сказать, но лишь выслушала мое приветствие, даже не вставая, и проводила взглядом, когда я ушла. Сидящие спереди от нее по диагонали восьмой принц и восьмая госпожа, не прекращая мило беседовать и улыбаться, покосились на нас, но тут же отвели глаза. Все присутствующие разговаривали и весело смеялись, встречая Новый год, одни мы с сестрой смотрели друг на друга, сидя в разных концах зала, печальные и подавленные.

Я хотела написать сестре, несколько раз бралась за кисть, но не знала, с чего начать. Хотела сказать ей, чтобы она не волновалась за меня. Но как она могла не волноваться в нынешнем положении? Хотела сказать, что у меня все хорошо, но знала, что не смогу ее обмануть. Если хорошенько подумать, мне совершенно нечего было написать ей. Сейчас я совсем не уверена в собственном будущем, живу по принципу «день прошел – и ладно», сижу и жду, когда свершится моя судьба.

Зиму сменила весна, весну – лето. Мне исполнилось двадцать два года, и, согласно традиции, уже на будущий год я должна была покинуть дворец. Я часто задумывалась над тем, когда же император Канси выдаст меня замуж. Порой чувствовала себя такой измотанной, что думала: «Вот бы это поскорее случилось, и я была бы счастлива». Иногда же молила о том, чтобы Его Величество вовсе забыл об этом, позволив мне жить во дворце до конца моих дней. Вспомнив, как мечтала о том, что покину Запретный город и буду путешествовать по стране, не смогла удержаться от горькой улыбки. И как я могла строить подобные иллюзии? Теперь я жаждала лишь одного – спокойной и безмятежной жизни в Запретном городе. Во дворце жило

---

²⁰ 1713 год.

множество мамушек-нянюшек, которые продолжали прислуживать здесь до самой старости, однако я знала, что ни за что не смогу стать одной из них.

Император Канси уехал на север спасаться от жары, и его сопровождали третий, восьмой, девятый, четырнадцатый, пятнадцатый и другие принцы.

Когда мне не нужно было работать, я садилась на коня и бродила по степи. Глядя на бескрайние просторы, чувствовала невыразимую печаль: эти степи хранили слишком много моих воспоминаний. Здесь четвертый принц насильно целовал меня, учил ездить верхом и беседовал со мной при луне. Здесь мы с восьмым принцем бродили рука об руку, мчались верхом на лошадях, громко смеялись и горько плакали. Здесь тринадцатый принц открыто противостоял Миньминь, чтобы спасти меня, а потом мы двое смеялись, сидя в шатре... На этой мысли я внезапно вскочила на коня и, вхолостую хлестнув воздух нагайкой, бешено помчалась вперед, будто выпущенная стрела.

Быстрее, быстрее, еще быстрее! Я непрерывно подстегивала коня, слыша лишь, как ветер свистит у меня в ушах.

Пока я неистово неслась вперед, сзади раздался стук копыт. Топот все приближался, пока со мной не поравнялся всадник.

– С ума сошла? – закричал наездник, которым оказался четырнадцатый принц. – Взяла и ни с того ни с сего понеслась верхом так быстро! Давай помедленнее!

Не обращая на него никакого внимания, я продолжала подхлестывать коня, и принцу оставалось лишь подгонять своего, чтобы не отставать.

Мало-помалу мой конь выдохся и замедлил бег. К тому времени моя тоска немного рассеялась, и я, позволив животному идти куда глаза глядят, повернулась к четырнадцатому принцу.

– Как так получилось, что ты сейчас ничем не занят? – спросила я, едва заметно улыбнувшись.

Принц улыбнулся в ответ и спешил. Мне пришлось последовать его примеру.

– Присядем? – предложил он.

Я кивнула. Найдя местечко поровнее, мы уселись прямо на землю, и я, сорвав несколько стеблей щетинника, от нечего делать начала сплетать их между собой.

– Вспомнила о чем-то, что расстроило тебя? – спросил четырнадцатый принц.

Я рассеянно кивнула.

– Помнишь, что сказал тебе лекарь Ли?

Я снова кивнула.

– Некоторые вещи, – начал он, – давно прошли, и их следует отпустить. Есть вещи, с которыми ты больше ничего не можешь поделать, ведь ты уже сделала все, что могла. А есть вещи, которые от тебя совсем не зависят. Так к чему воевать с самой собой?

Я покивала. Тогда принц толкнул меня и воскликнул:

– Только и делаешь, что киваешь! Ты вообще слышала, что я сказал?

– Ты хотел сказать «забуди», верно? Я поняла. – Я улыбнулась и вручила ему фигурку, сплетенную из стеблей щетинника. – Дарю тебе маленькую лисичку.

Приняв подарок, принц потеревил пушистый хвост лисички и спросил:

– И зачем ты мне это дала?

Зачем? Почему у любого действия должна быть причина? Просто плела-плела – сплела и подарила.

– Потому что все вы похожи на нее, – засмеялась я. – Хитрите на разные лады, стараетесь все на свете просчитать лишь ради того, чтобы украсть у крестьянина курицу.

– Меня это вовсе не заботит, – с усмешкой взглянул на меня принц, не изменившись в лице.

– Ха! – обрадовалась я, глядя на него в ответ. – Сам признался в том, что ты лис.

С этими словами я поднялась с земли, отряхнулась и объявила:

– Мне пора возвращаться.

Четырнадцатый принц не двинулся с места, продолжая сидеть на земле.

– Поезжай, только на этот раз помедленнее.

Я лишь молча улыбнулась ему в ответ и уже собралась вскочить в седло, как он добавил:

– Через несколько дней у тебя появится компания.

Повернув голову, я внимательно посмотрела на него.

– Сюда приедут Цзоин и Миньминь, – закончил четырнадцатый принц.

Сжимая в руке поводья, я опустила голову, ненадолго задумавшись, затем тихонько вздохнула, забралась на коня и поскакала прочь.

Через несколько дней молодой господин Цзоин вместе со своей супругой Миньминь нанесли визит императору Канси. Как раз в тот момент, как я раздумывала, когда мне стоит пойти увидеться с Миньминь, явился слуга, которого молодой господин Цзоин отправил за мной.

Я только-только приблизилась к шатру Цзоина и не успела даже рта раскрыть, как стоящий у входа слуга тут же поднял полог со словами:

– Молодой господин ждет вас, барышня.

Я с улыбкой кивнула ему и вошла в шатер. Цзоин сидел за письменным столом, а возле него, одетая в ярко-алое платье монгольского кроя, стояла Миньминь и, слегка наклонившись, беседовала с ним. Сквозь миловидность ее девичьих черт уже начало явственно проступать очарование молодой женщины.

Только я собралась поприветствовать их, как Миньминь подбежала ко мне и обняла, крича:

– Добрая сестрица, как же я соскучилась!

– Я думала, выйдя замуж, ты станешь серьезнее, – со смехом сказала я, легонько оттолкнув ее. – Что же ты по-прежнему такая порывистая?

– Если будешь продолжать прыгать и скакать, мне придется приставить к тебе еще нескольких служанок, чтобы присматривали за тобой, – сказал Цзоин, хмуро глядя на нее.

Миньминь, хихикая, лишь посмотрела на него и наморщила нос, после чего обернулась ко мне и внимательно изучила глазами.

Цзоин поднялся со своего места и объявил:

– У меня еще остались кое-какие дела. Вы пока побеседуйте!

Я склонилась было в почтительном поклоне, но Цзоин торопливо остановил меня:

– Не нужно, не нужно! Если я и вдали от чужих глаз буду заставлять тебя соблюдать правила вежливости, вечером меня накажут.

С этими словами он шутливо покосился на Миньминь. Та резко покраснела, и я опустила голову, пряча улыбку и притворяясь, что ничего не слышала.

Проводив уходящего Цзоина пристальным взглядом, я проговорила:

– Он очень хорошо с тобой обращается.

Миньминь улыбнулась было, но улыбка вдруг исчезла с ее лица, которое тут же приобрело серьезное выражение.

– В порядке ли тринадцатый принц? – спросила она. – Я была очень опечалена, услышав вести.

Мне не хотелось, чтобы она попусту волновалась. Кроме того, хотя Цзоин – великодушный человек, даже ему может надоесть, если Миньминь будет постоянно беспокоиться о тринадцатом принце, поэтому я ответила:

– В слухах события всегда сильно приукрашены. О нем есть кому позаботиться.

Миньминь спросила:

– И кто это?

Я в общих чертах поведала ей историю дружбы Люйю с тринадцатым принцем. Выслушав, Миньминь долго молчала, после чего тихо сказала:

– Многие ли в нашем мире способны не бросить другого в беде и остаться рядом, чтобы помочь? То, что она может быть с тринадцатым принцем, делает его счастливым и ее – счастливой.

Я внимательно смотрела на нее, не произнося ни слова.

– Волнуюсь о нем исключительно из дружеских чувств, – произнесла она, подняв голову. – Я уже нашла свою звезду. Стану дорожить ей и обязательно буду счастлива.

Я с облегчением улыбнулась и, не сдержавшись, заключила ее в объятия. Лишь тот, кто ценит свое счастье, по-настоящему мудр.

– Не будем больше о моих делах, – с улыбкой сказала Миньминь. – Как поживаешь ты, сестрица?

Тут же помрачнев, я ничего не отвечала.

– Мне кажется, что сейчас восьмой принц хоть внешне и относится к тебе с теплотой, в глубине души он охладел и отдаляется от тебя, – продолжала она. – Что у вас случилось? Как до такого дошло?

Я покачала головой и сказала:

– Не хочу сейчас думать об этом: мне слишком горько. Давай поговорим о чем-нибудь другом!

Резко вскочив, добавила:

– Здесь, в степях, я хочу радоваться. Пойдем устроим скачки.

Миньминь остановила меня, дернув за руку.

– Я не могу скакать верхом, – сказала она и тут же снова покраснела.

– Почему? – с недоумением спросила я, садясь на место. – Ты чем-то больна?

Опустив голову, Миньминь улыбнулась с безграничной нежностью, и я внезапно все поняла.

– Сколько уже месяцев? – радостно воскликнула я. – Совсем ничего не видно!

– Всего лишь чуть больше месяца. Конечно, ничего не видно, – захихикала Миньминь.

– На будущий год я стану тетушкой, – улыбнулась я.

Лицо Миньминь озарила счастливая улыбка. Она внезапно схватила меня за руку со словами:

– Сестрица, давай породнимся! Пусть мой сын в будущем возьмет в жены твою дочь!

– Начнем с того, что у меня нет дочери! – ответила я с печальной улыбкой. – Кроме того, я не возьмусь давать тебе таких обещаний. Как-никак твой сын станет главой рода.

– Когда же ты, сестрица, уже начнешь серьезно относиться к своему положению? – улыбнулась Миньминь. – Кстати, сейчас кое-что тебе расскажу. После того случая с нефритовой подвеской любимая наложница отца стала роптать, мол, почему это он отдал ее не одной из собственных дочерей, а какой-то девице из дворца? Позже брат тоже задал ему этот вопрос, и угадай, что ответил отец? Он сказал: «Ее будущий муж ни в коем случае не должен быть ниже по положению, чем мы, только равен нам или выше, и тогда в будущем никто не сможет сказать, кто больше выиграет от этого брака».

Я молчала. Подвеска была для господина Гувалгия лишь пешкой, которая помогла отвлечь наследного принца от его жадности завладеть Миньминь. Кроме того, она помогла ему приблизить меня на его сторону и выразить свою лояльность императору Канси, а также служила флюгером, показывающим, куда дует ветер. А еще эта подвеска стала краеугольным камнем моей жизни, что вызвал бурные волны и причинил мне немалое зло. Однако, глядя на

Миньминь, улыбающуюся без какой-либо задней мысли, я тут же отбросила все полные упреков размышления.

– Миньминь, – произнесла я, – положение не имеет никакого значения. Важно то, что я ненавижу, когда родители одной фразой решают, какое будущее ждет их ребенка. Ты сама знаешь, как невыносимо, когда тебя заставляют вступить в брак.

Миньминь замерла.

– Ты все верно говоришь, сестрица, – проговорила она. – Но ты моя единственная подруга, и я лишь подумала, что раз мы с тобой не можем постоянно быть рядом, то, если в будущем мой сын возьмет твою дочь в жены и она станет моей невесткой, это еще больше укрепит нашу дружбу. Кроме того, твоя дочь, сестрица, точно станет лучшей из лучших. И если мы сможем женить на ней сына, то именно мы, родители, будем счастливы. Однако тогда получится, что мы совсем забыли о чувствах нашего сына.

Нахмурившись, Миньминь подумала о чем-то, а затем добавила:

– Тогда пусть делают что хотят. Если в будущем судьба не распорядится так, что наши дети станут супругами, то пусть будут друг другу братом и сестрой, это тоже неплохо.

«Судьба тут ни при чем», – подумала я. Много раз бывало, что, в то время как родители были в чудесных отношениях друг с другом, дети тем не менее не ладили. Но мне совсем не хотелось снова потерять дружбу Миньминь, и потому я улыбнулась и пообещала:

– Если мне повезет и у меня действительно родится дочь, я обязательно велю ей относиться к тебе так же, как ко мне самой.

– Славно! – воскликнула Миньминь в ответ.

Время в степях всегда пролетало очень быстро, и вот незаметно подкрался конец лета. Нам с Миньминь было тяжело расставаться. Всякий раз, прощаясь, мы задавались вопросом: когда мы увидимся снова? Впрочем, последние несколько месяцев, проведенные с Миньминь, заставили меня успокоиться на ее счет, ведь Цзоин по-настоящему любил ее. Возможно, в душе он и вынашивал честолюбивые планы, но его чувства к Миньминь были искренними. Об этих двоих можно было сказать, что их союз заключен на небесах. Миньминь повезло: ее мужчине не пришлось делать выбор между ней и стремлением к власти. Ее не принесли в жертву, а он не бросил ее, ведь для Цзоина Миньминь означала и власть тоже.

Вернувшись в столицу, император Канси поселился в резиденции парка Чанчунь, совсем недалеко от садов Юаньминьюань. Эти сады Его Величество подарил четвертому принцу на сорок шестой год собственного правления и от случая к случаю посещал их для прогулок.

Сегодня император сперва пожелал прогуляться по парку Чанчунь, а затем вдруг по непонятной причине велел Ли Дэцюаню подготовить легкую повозку и небольшую свиту, чтобы налегке сопроводить его в сады Юаньминьюань. Видя, что Его Величество пребывает в приподнятом настроении, Ли Дэцюань понял, что его не стоит отговаривать, и повиновался. Отправив слуг оповестить четвертого принца, чтобы тот мог подготовиться к торжественной встрече, Ли Дэцюань отдал все необходимые распоряжения императорским телохранителям, и мы, погрузившись вместе с императором в повозку, отправились в сады Юаньминьюань.

Когда мы подъезжали, четвертый принц со всеми супругами уже почтительно ожидал нас у входа. Не успела повозка приблизиться к воротам, как все тут же упало на колени. Сойдя с повозки, император Канси с улыбкой произнес:

– Мы вдруг, подчинившись внезапному порыву, решили приехать и поглядеть на земли, возделанные твоими руками. Мы слышали, ты вырастил немало плодовых деревьев. Отведи нас посмотреть на них.

Четвертый принц поспешно выпрямился и повел Его Величество на неспешную прогулку по садам.

Сады Юаньминьюань находились неподалеку от моего университета, поэтому, будучи студенткой, я часто приходила сюда гулять и кататься на лодке. Тогда, впрочем, я могла лишь стоять среди живописных развалин, пытаюсь представить себе былые красоты этих мест. Сейчас же у меня была возможность прогуляться по настоящим садам из прошлого, и даже в моей душе, давно безразличной ко всему, невольно зажегся интерес.

К сожалению, гуляя по саду, я не заметила никаких мифических красот, которыми, как говорят, некогда был знаменит Юаньминьюань, и это меня несказанно удивило. Поразмыслив, я пришла к выводу, что впоследствии этот парковый комплекс будут неоднократно реконструировать, а сейчас, похоже, никакого наслаждения для глаз меня не ждет. На данный момент сады Юаньминьюань выглядели как самый обыкновенный парк и вовсе не заслуживали звания «парка всех парков». От осознания этого мой первоначальный радостный энтузиазм тут же угас.

Император Канси тем временем осматривал плодовые деревья, собственноручно посаженные четвертым принцем, слушал его рассказы о способах выращивания разнообразных культур и смеялся над забавными случаями, произошедшими с четвертым принцем во время работ в саду. Отец и сын прекрасно ладили, и это заставляло на мгновение забыть о том, что они по-прежнему являлись императором и подданным.

В запале император Канси прошел довольно много, и мы с Ли Дэцюанем, нахмурившись, начали переглядываться. Похоже, евнух как раз подумывал о том, как бы напомнить Его Величеству о необходимости отдохнуть, не портя ему настроение. В этот момент четвертый принц встал под деревом, отвечая императору, и весьма удачно повернулся ко мне лицом. Я сделала рукой жест, означающий, что Его Величеству следует присесть, но принц, будто не замечая меня, продолжал с улыбкой отвечать на вопросы императора. Когда тот закончил расспросы, четвертый принц произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.